

П-167/2

7/

ISSN 0134—2428
ISSN 0130—1748

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ВЫПУСК 3

1979

№ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просмотрев издание,
укажите н о м е р
читательского билета
и к о д / категории
читателя.

(Пример: 325/3Ег)

М-167/2

Писать разборчиво

Шифр . . .

1979

инф. со. н. сс. р.

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Год основания журнала 1957 Год основания серии 1963	Периодичность журнала 15 номеров в год Периодичность серии 3 выпуска в год	№ 11 (311) вып. 3	Сентябрь 1979
--	---	----------------------	------------------

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

- Л. И. Легкоступ, О. А. Сулова, А. Д. Тимошевская. Использование межотраслевых балансов в анализе воспроизводственных пропорций экономики Сибири 3
- М. А. Тараканов, Г. И. Фильшин. Развитие промышленности Ангара-Енисейского региона и совершенствование ее производственной структуры 12
- ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ТПК СИБИРИ В XI ПЯТИЛЕТКЕ**
- В. П. Гуков, А. Н. Кайгородцев. Предпосылки и условия формирования Верхне-ленского ТПК 19
- В. М. Фишзон. Структура и экономическая сущность основных и оборотных средств 24
- Л. И. Лугачева. О совершенствовании отражения фондообразования в динамических межотраслевых моделях 36
- А. В. Коричкий. Платежи за рабочую силу и ее экономическая оценка 41
- Р. В. Рывкина, М. Л. Суховский. Опыт типологического анализа (материального потребления (на примере сибирской деревни) 47
- А. В. Евсеенко, Б. П. Орлов. О ретроспективном исследовании при построении региональных экономических программ 56
- Э. Г. Третьякова. Срок службы машин и межотраслевое распределение ресурсов (на примере тракторостроения) 61
- Л. В. Шишкина. Вопросы исследования горизонтальных связей сопряженных производств в регионе 67

ИСТОРИЯ

- А. С. Московский. Из истории становления перспективного планирования в Сибири. (К 50-летию первого пятилетнего плана развития народного хозяйства) 73
- Н. Я. Гушин. Проблемы историографии массового освоения целинных земель Сибири 80
- В. В. Алексеев, Г. М. Макиевский. Рабочие Сибири в период строительства развитого социализма (некоторые проблемы методологии) 88
- Л. М. Горюшкин. Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны 95
- К 60-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ ОТ КОЛЧАКОВЩИНЫ**
- В. С. Познанский. Подвиг сибирских красных партизан 103
- В. Г. Лебедев. Роль особой военной экспедиции 5-й армии в ликвидации антисоветских заговоров в Якутии 110

ФИЛОЛОГИЯ

- С. И. Гимпель. Трилогия А. Л. Коптелова о В. И. Ленине 115
- Ю. В. Фоменко. К вопросу о единице языка 119
- Л. М. Бродская. Об употреблении относительных слов в сложноподчиненном предложении в эвенкийском языке 126
- С. И. Рудяк. Указательные местоимения как средство коррелятивного указания в сложноподчиненном предложении 134
- Ю. А. Тамбовцев. Распределение гласных фонем в звуковых последовательностях мансийского языка (по материалам поэзии) 138
- Г. К. Вернер. О термине «тон» в применении к кетскому языку 143
- И. В. Бондаренко. Категория субъекта в полипредикативных конструкциях со специфическими инфинитивными единицами 147
- Волкова В. Н. Проблемы и структура современного сибирского книгоиздания 153

М. Р. Сигалов. Ленская железная дорога: цели, варианты сооружения	159
А. П. Дубнов, Ф. В. Сухоруков. Междисциплинарный комплекс научных исследований СО АН СССР	162
А. А. Кин. Координация исследований проблем строительства и хозяйственного освоения зоны БАМа	166
Д. Я. Резун. Крестьянское зодчество Нижнего Илимма (на материале д. Коробейниково)	169
И. А. Молеготов. Учебно-научно-воспитательный комплекс	171
В. М. Самосудов, В. Н. Худяков. Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.)	173
Г. Х. Рабинович, И. Г. Мосина. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири	175
А. Баталов, В. Т. Агалаков. Советы Сибири, 1917—1918 гг.	176
В. В. Гришаев, П. Н. Мешалкин, Н. Я. Гущин, Ю. В. Журов, Л. И. Боженко. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1973 гг.)	177
Ю. М. Фролов, В. П. Буторин. Просвещение рабочих Западной Сибири (1928—1933 гг.)	179
Я. Р. Кошелев, Е. А. Куклина. Вольная поэзия в Сибири, вторая половина XIX — начало XX в.	181
Т. В. Еречина, В. Б. Бугдаев, Н. Н. Воробьева. Принцип историзма в изображении характера. Классическая традиция и советская литература	182
И. Н. Матвеев, В. И. Жарков, А. Я. Райбекас. Вещь, свойство, отношение как философские категории	184
С. И. Крандиевский. По поводу ретроспективного анализа экономического развития Сибири	185
М. И. Альбрет. Письмо в редакцию	186
А. М. Решетов. Памяти Екатерины Дмитриевны Прокофьевой	187
Список статей, опубликованных в серии общественных наук в 1979 г.	189

Л. И. ЛЕГКОСТУП, О. А. СУСЛОВА, А. Д. ТИМОШЕВСКАЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ БАЛАНСОВ В АНАЛИЗЕ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОПОРЦИЙ ЭКОНОМИКИ СИБИРИ

Комплексный подход к планированию экономического развития районов предполагает проведение ретроспективного анализа основных воспроизводственных пропорций регионального развития на стадии предплановых расчетов. Текущая статистическая отчетность дает обширную информацию для анализа тенденций развития в отдельных отраслях промышленности, сельского хозяйства, строительства. В то же время непосредственно на основе текущей статистики невозможно проанализировать валовой и чистый продукт района, определить соотношение между производством и потреблением в целом по народному хозяйству района и по отдельным его отраслям, выявить стоимостную структуру производства. Практически единственным источником информации для такого общеэкономического анализа воспроизводственных пропорций являются районные межотраслевые балансы.

В Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР с 1968 г. проводятся работы по составлению и анализу межотраслевых балансов районов Сибири. За прошедшее десятилетие накоплен большой опыт разработки отчетных балансов, составлены межотраслевые балансы Сибири и ее регионов за 1966 и 1972 гг.¹

На основе текущей статистической отчетности и разработанных отчетных балансов составлены расчетные (без проведения выборочного обследования) межотраслевые балансы Сибири и ее регионов за 1970 и 1975 гг. в укрупненной классификации «чистых» отраслей.

В данной работе приводятся результаты комплексного анализа разработанных межотраслевых балансов, дающие достаточно полное представление о тенденциях развития Сибири за период с 1966 по 1975 г. Ретроспективному анализу развития экономики Сибири за этот период посвящен ряд исследований². Отличительная особенность данной работы заключается в том, что она базируется на информации о межотраслевых балансах и основное внимание в ней уделяется анализу общеэкономических пропорций развития Сибири за рассматриваемый период.

¹ Анализ этих межотраслевых балансов приведен в работах: Межотраслевые балансы в анализе территориальных пропорций СССР. Новосибирск, 1975. 303 с.; Орлов Б. П., Шинлер Р. И. Экономическая реформа и территориальное планирование. М., 1969. 191 с.; Межотраслевые связи и народнохозяйственные пропорции Восточной Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1974. 215 с.; Балансовый метод в анализе и планировании региональной экономики. Новосибирск, 1977. 173 с.

² См., напр.: Балансовый метод в анализе и планировании региональной экономики. Новосибирск, 1977. 173 с.; Экономические проблемы развития Сибири. Новосибирск, 1974. 263 с.; Развитие народного хозяйства Сибири. Новосибирск, 1978. 375 с.

Таблица 1
Темпы роста валового и чистого продукта Сибири
(1975 г. к 1966 г. в %)

Показатель	Сибирь в целом	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Валовой продукт	207	207	208
Чистый продукт	197	219	169
Чистый продукт на душу населения	187	213	155

период увеличился в меньшей степени, чем валовой продукт, что связано с некоторым ростом материалоемкости производства. Вместе с тем, наблюдается значительное превышение темпов роста чистого продукта Западной Сибири по сравнению с Восточной. В результате, в 1975 г. в Западной Сибири производилось чистого продукта на душу населения на 5% больше, чем в Восточной, тогда как в 1966 г. Западная Сибирь по уровню этого показателя отставала от Восточной на 24%. Одной из основных причин опережающего роста чистого продукта в Западной Сибири является, по-видимому, ускоренное развитие в этом регионе нематериалоемких добывающих отраслей нефтегазового комплекса.

В период с 1966 по 1975 гг. темпы экономического развития Сибири были выше среднереспубликанских. Уже к 1972 г. доля Сибири в валовом продукте РСФСР увеличилась на 1,3 процентных пункта по сравнению с 1966 г., а в чистом продукте — на 2,1 процентных пункта. Значительно сократился разрыв в производстве чистого продукта в расчете на душу населения: в 1966 г. в Сибири производилось чистого продукта на душу населения на 30% меньше, чем в среднем по РСФСР, а в 1972 г. — лишь на 7%. Производительность труда в Сибири в этот период росла также быстрее, чем в среднем по республике. За счет роста производительности труда было получено 3/4 прироста валовой продукции промышленности Сибири. Однако к 1975 г. среднереспубликанский уровень производительности труда в промышленности еще не был достигнут. Только в лесной и деревообрабатывающей промышленности производительность труда была несколько выше, чем в целом по РСФСР, а в остальных отраслях составляла в среднем около 80% среднереспубликанского уровня.

Отчетные межотраслевые балансы разрабатываются в текущих ценах, поэтому на результаты сравнения балансовых показателей за разные годы влияют изменения цен. Особенно велико влияние ценностного фактора при переходе от межотраслевого баланса 1966 г. к балансу 1972 г., так как в 1967 г. была проведена крупная реформа оптовых цен. Для того, чтобы ослабить это влияние на результаты анализа, межотраслевой баланс 1966 г. был предварительно пересчитан в цены 1967 г. В результате показатели валовой продукции некоторых отраслей добывающей промышленности Сибири оказались завышенными на 20—40%, совокупный валовой продукт в целом вырос на 8%, чистый продукт — на 6%. Таким образом, использование межотраслевого баланса 1966 г. в текущих ценах привело бы к преувеличению темпов экономического развития Сибири за рассматриваемый период, к значительному искажению динамики воспроизводственных пропорций.

³ Все данные рассчитаны на основе межотраслевых балансов Сибири, разработанных в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

Валовой и чистый продукт. По данным межотраслевых балансов валовой продукт Сибири вырос за период 1966—1975 гг. более чем в два раза³, причем темпы роста в обоих регионах Сибири были практически одинаковыми (табл. 1). Чистый продукт за рассматриваемый

Следует иметь в виду, что при анализе экономики Сибири учет ценностного фактора приобретает особое значение. Дело в том, что сложившиеся цены (текущие или сопоставимые) на многие продукты, производителем и поставщиком которых выступает Сибирь (нефть, газ, лес, цветные металлы), совершенно не учитывают высокий потребительский эффект сибирской продукции. Вследствие этого в текущей статистике и в межотраслевых балансах значительно преуменьшены объемы производства ряда отраслей добывающей промышленности Сибири в ценностном измерении, валовой и чистый продукт в целом и многие показатели эффективности общественного производства, в частности производительность труда, производство чистого продукта на душу населения и т. п. Так, по предварительной оценке, использование мировых цен в расчетах общеэкономических показателей привело бы к увеличению доли Сибири в валовом и чистом продукте РСФСР по меньшей мере на 2—3 процентных пункта, а темпов роста валового продукта почти в 1,5 раза⁴.

Отраслевая и территориальная структура производства. Показатели отраслевой структуры валового продукта Сибири и ее регионов в разрезе отраслей материального производства приведены в табл. 2.

В рассматриваемый период наибольшим темпом развивалась промышленность Сибири, вследствие чего ее доля в отраслевой структуре валового продукта региона значительно выросла, но тем не менее не достигла уровня этого показателя по РСФСР (была ниже в 1975 г. приблизительно на 4 процентных пункта). Данные табл. 2 позволяют утверждать, что увеличение удельного веса промышленности происходило в этот период главным образом за счет сокращения доли сельского хозяйства в валовом продукте; удельные веса строительства и транспорта оставались достаточно стабильными на уровне, превышающем среднереспубликанский.

Характерная особенность отраслевой структуры валового продукта Сибири — повышенная доля транспорта и строительства и относи-

Таблица 2
Отраслевая структура валового продукта Сибири в 1966—1975 гг.
(весь валовой продукт 100%)

Регион	Год	Промышленность	Сельское и лесное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Отрасли материальных услуг и прочие
Сибирь	1966	58,6	19,0	12,8	6,6	3,0
	1970	64,1	15,5	10,9	6,4	3,1
	1972	62,5	15,5	12,3	6,1	3,6
	1975	66,3	12,2	12,3	5,7	3,5
Западная Сибирь	1966	58,1	21,2	11,3	6,2	3,2
	1970	64,5	16,4	10,5	5,5	3,1
	1972	62,0	17,6	11,9	5,1	3,4
	1975	66,0	13,1	12,8	4,9	3,2
Восточная Сибирь	1966	59,3	15,4	15,3	7,2	2,8
	1970	63,3	13,8	11,8	7,8	3,3
	1972	63,2	12,4	13,0	7,6	3,8
	1975	66,8	10,8	11,7	6,9	3,8

⁴ Развитие народного хозяйства Сибири, с. 84.

Таблица 3

Стоимостная структура валового продукта (в %)

Показатель	Сибирь		Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	1966	1975	1966	1975	1966	1975
Материальные затраты	54,6	56,7	58,2	56,3	49,0	57,4
Амортизация	6,1	6,0	6,1	5,9	6,0	6,2
Чистый продукт	39,3	37,3	35,7	37,8	45,0	36,4
В том числе:						
Необходимый продукт	22,8	21,3	22,5	21,3	23,2	21,1
Прибавочный продукт	16,5	16,0	13,4	16,5	21,8	15,3
Валовой продукт	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

тельно низкая доля промышленности — явилась следствием целого ряда причин. Среди них отметим две основные:

1. Ведущее положение в промышленном производстве Сибири занимают отрасли по добыче и первичной переработке природного сырья. Это связано со слабым развитием «верхних этажей» промышленности и свидетельствует, очевидно, о недостаточном уровне развития промышленности Сибири в целом. В результате Сибирь выступала и выступает до сих пор крупным поставщиком транспортоспособной продукции добывающих отраслей — угля, нефти, газа, леса, — что объективно увеличивает долю транспорта в валовом продукте.

2. Сибирь — развивающийся регион страны, для которого характерны высокие темпы экономического роста. При прочих равных условиях это неизбежно приводит к повышенной доле строительства в валовом продукте. Кроме того, высокие темпы достигались в рассматриваемый период в значительной степени за счет преимущественного развития капиталоемких добывающих отраслей на неосвоенных в хозяйственном отношении территориях, что дополнительно увеличивало удельный вес строительства.

Ведущее положение в материальном производстве Сибири в целом и по отдельным его отраслям занимает Западная Сибирь. В рассматриваемый период в Западной Сибири производилось 61% совокупного валового продукта и валовой продукции промышленности Сибири, по разным годам периода — от 64 до 69% валовой продукции сельского хозяйства, 54—61% строительства, 53—60% транспорта. В этот период проявилась тенденция к сокращению доли Западной Сибири в валовой продукции сельского хозяйства, транспорта. Напротив, освоение богатейших запасов нефти и газа привело к повышению удельного веса Западной Сибири в валовой продукции строительства на 7,5 процентных пункта в целом за период.

Стоимостная структура валового продукта. За период с 1966 по 1975 г. в Западной Сибири доля валового продукта, используемого на фонд возмещения производственных материальных затрат, сократилась во всех сферах материального производства, особенно в промышленности и строительстве (на 4,6 и 7,5 процентных пункта соответственно). В Восточной Сибири наблюдалась противоположная тенденция: материалоемкость росла во всех сферах материального производства и особенно в сельском хозяйстве. В результате в Западной Сибири материалоемкость валового продукта снизилась, а в Восточной Сибири возросла (табл. 3). Для Сибири в целом было характерно падение материалоемкости только в строительстве, в других же сферах и в целом по материальному производству удельный вес материальных затрат в валовом продукте вырос.

Таким образом, решающим фактором изменения материалоемкости валового продукта Сибири и ее регионов явилось изменение уровней материалоемкости по сферам материального производства. Интересно отметить, что динамика структуры производства — второго фактора изменения материалоемкости (как в Сибири в целом, так и в западной и восточной ее частях) способствовала росту материалоемкости валового продукта, однако в Западной Сибири действие этого фактора перекрывалось уменьшением отраслевых материалоемкостей.

Изменение материалоемкости промышленного производства в Сибири и ее регионах также произошло в основном за счет изменения уровней материалоемкости по отраслям промышленности. Так, за рассматриваемый период в обоих регионах и в целом по Сибири материалоемкость снизилась в электроэнергетике, химии, пищевой промышленности; в Западной Сибири и Сибири — в топливной промышленности, в Западной Сибири — в машиностроении. Удельный вес пе-

речисленных отраслей в материальных затратах промышленности составляет в Западной Сибири 70%, в Восточной Сибири — 25%, в Сибири в целом — 47%, что и определило в конечном счете падение материалоемкости промышленного производства в Западной Сибири и ее рост в Восточной Сибири и Сибири в целом.

Вывод о преимущественном влиянии изменений отраслевых материалоемкостей на динамику общей материалоемкости валового продукта региона и валовой продукции промышленности справедлив, по-видимому, только на макроуровне (в данном случае — при рассмотрении материального производства в разрезе 16 отраслей). На уровне малоагрегированных отраслей на первый план должен, очевидно, выдвигаться структурный фактор и, прежде всего, — соотношение между нематериалоемкими отраслями добычи природного сырья и обрабатывающими отраслями, материалоемкость которых тем выше, чем глубже степень переработки природного сырья.

Принимая во внимание сделанное замечание, динамику материалоемкости производства в Сибири и ее регионах можно объяснить с позиции изменения соотношения между добычей и переработкой. Так, наблюдавшийся в течение рассматриваемого периода рост материалоемкости производства в Восточной Сибири и в целом по Сибири свидетельствует, конечно же, не о снижении эффективности общественного производства в этих регионах страны, а об увеличении доли обрабатывающих отраслей, что должно оцениваться на данном этапе экономического развития Сибири как прогрессивное явление. Аналогично, наметившаяся в начале 70-х годов тенденция к увеличению материалоемкости в Западной Сибири выражает, вероятно, факт постепенного наращивания в этом регионе мощностей по переработке природного сырья⁵. Эффект падения материалоемкости производства в Западной Сибири в 1966—1975 гг. вызван быстрым увеличением доли добывающих отраслей нефтегазового комплекса в промышленном производстве региона за этот период.

При сравнении материалоемкости производства и тенденций ее изменения в Сибири и в среднем по РСФСР выявляется следующее. В 1966 г. материалоемкость в Сибири была на уровне среднереспубликанской. В начале рассматриваемого периода она снижалась за счет резкого падения материалоемкости в Западной Сибири, в то время

⁵ Следует, конечно, понимать, что увеличение материалоемкости является лишь косвенным свидетельством роста удельного веса обрабатывающих отраслей. Более того, такое увеличение могло быть вызвано, например, повышением уровня специализации производства или относительным сокращением цен на продукты конечных стадий переработки сырья. Однако в условиях Сибири рассматриваемого периода факторы уровня специализации и цен были, очевидно, менее подвижны, чем фактор соотношения добычи и переработки, и не оказали, поэтому, решающего влияния на динамику материалоемкости.

как среднереспубликанская материалоемкость производства росла. В последующие годы материалоемкость валового продукта в Восточной Сибири росла и к 1975 г. в целом по Сибири достигла уровня РСФСР 1972 г.

Вторым важным элементом стоимостной структуры валовой продукции является чистый продукт. В силу высокой устойчивости доли амортизации (см. табл. 3), анализ удельного веса чистого продукта в валовой продукции повторил бы только что проведенный анализ материалоемкости производства с точностью «до наоборот». Поэтому в дальнейшем внимание будет сосредоточено на отдельных составляющих чистого продукта: необходимом и прибавочном продукте.

Необходимый продукт — достаточно устойчивый элемент стоимостной структуры производства Сибири: его удельный вес в валовом продукте мало различается по регионам и изменения его доли за период 1966—1975 гг. менее значительны, по сравнению с изменением других элементов стоимостной структуры (см. табл. 3). Несмотря на некоторое уменьшение доли необходимого продукта в составе валового продукта Сибири, уровень этого показателя оставался примерно на 4 процентных пункта выше, чем в среднем по РСФСР, что отчасти обусловлено более высоким уровнем оплаты труда в Сибири по сравнению со среднереспубликанским.

Снижение удельного веса необходимого продукта в составе валовой продукции — закономерный процесс, который является результатом роста производительности труда. Однако, это не означает уменьшения абсолютной величины необходимого продукта в расчете на одного работника, занятого в материальном производстве. В Сибири этот показатель в данный период увеличивался.

За период 1966—1975 гг. необходимый продукт по Сибири в целом вырос на 93%. Темпы роста его по регионам и сферам материального производства Сибири различались незначительно.

Темпы роста прибавочного продукта по районам и отраслям материального производства Сибири в 1966—1975 гг. значительно дифференцированы. Так, в Западной Сибири прибавочный продукт за этот период вырос в 2,6 раза, в Восточной Сибири — в 1,5 раза, а в Сибири в целом — в 2 раза. (Более быстрые темпы роста прибавочного продукта в Западной Сибири, по сравнению с Восточной, наблюдались в промышленности и строительстве, доля которых в прибавочном продукте Западной Сибири составляла около 85%). В результате произошло увеличение удельного веса Западной Сибири в производстве прибавочного продукта Сибири в целом с 49,4% до 63,2%.

В Западной Сибири повысился удельный вес прибавочного продукта в стоимости валовой продукции всех сфер материального производства, кроме сельского хозяйства. Существенное влияние на увеличение доли прибавочного продукта в стоимости промышленной продукции Западной Сибири оказало ускоренное развитие нефтяной и газовой промышленности, в валовой продукции которых прибавочный продукт составляет 60%. За счет этих отраслей прибавочный продукт промышленности Западной Сибири вырос на 22%. Напротив, в Восточной Сибири доля прибавочного продукта в стоимости валового продукта сократилась во всех сферах материального производства, кроме транспорта.

В результате разнонаправленных тенденций в стоимостной структуре валового продукта обоих регионов в целом по Сибири доля прибавочного продукта почти не изменилась, хотя несколько возросла в промышленности (на 2,7 процентных пункта) и незначительно — в транспорте и строительстве.

Соотношение производства и потребления. Межотраслевые балансы являются единственным источником анализа исполь-

Таблица 4

Отношение потребления к производству в Сибири (в %)

Показатель	1966	1975	Показатель	1966	1975
Валовой продукт	107	104	целлюлозно-бумажная		
В том числе:	126	108	промышл.	86	79
Промышленность			промышленность строй-		
В том числе:	164	181	материалов	182	146
черная металлургия	49	55	легкая промышленность	193	169
цветная металлургия			пищевая		
топливная промыш-			ленность	127	130
ленность	110	75	Сельское хозяйство.	91	93
машиностроение	138	104	Чистый продукт	115	110
химическая промыш-			лесная, деревообра-		
ленность	79	77	батывающая и		

зования продукции. В то же время, в результате измерения продукции в сложившихся ценах итоговые показатели соотношения производства и потребления в межотраслевых балансах Сибири значительно искажены. Так, для Сибири в целом, характерно существенное превышение производства над потреблением, главным образом по отраслям добывающей промышленности (табл. 4), причем это превышение нарастает во времени. По отраслям обрабатывающей промышленности, в основном, по легкой и пищевой промышленности, наоборот, наблюдается превышение потребления над производством.

В силу того, что цены на продукцию добывающих отраслей занижены (часть прибавочного продукта этих отраслей реализуется в обрабатывающей промышленности в связи с действием механизма налога с оборота) в целом по народному хозяйству и, в особенности в Сибири⁶, удельный вес отраслей, характеризующихся превышением производства над потреблением, значительно преуменьшен в валовом и чистом продукте Сибири. В результате показатель потребления в межотраслевом балансе Сибири несколько превышал показатель производства, хотя и в меньшей степени в 1975 г. по сравнению с 1966 г. (см. табл. 4), а общее сальдо вывоза—ввоза было отрицательным (в 1972 г. составляло около 3 млрд. руб), что характеризует Сибирь в целом как потребляющий регион.

Итоговое превышение потребления над производством в Сибири — результат использования неверных измерителей продукции, хотя в сторону увеличения потребления по сравнению с производством действует также и ряд объективных факторов, связанных с тем, что Сибирь — осваиваемый регион с неблагоприятными природно-климатическими условиями на значительной части территории⁷. При приближении цен к общественной стоимости, учитывающей как затраты на производство, так и эффект от потребления, производство в Сибири уже в рассматриваемый период превышало бы потребление. По предварительной оценке сальдо вывоза—ввоза в 1972 г., измеренное в мировых ценах, положительно в интервале 5—10 млрд. руб.

Структура использования продукции. Удельный вес накопления в использованном валовом продукте и чистом продукте

⁶ Использование затратного принципа в ценообразовании приводит к тому, что цены на сибирскую нефть, газ, лес ниже, чем в других регионах страны, несмотря на более высокое качество этих продуктов.

⁷ Традиционное объяснение факта превышения потребления над производством в Сибири, акцентирующее внимание только на этих факторах, представляется нам неудовлетворительным. Эти факторы не играют решающей роли.

М. А. ТАРАКАНОВ, Г. И. ФИЛЬШИН

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЕЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Ангаро-Енисейский регион (АЕР), имея численность населения, составляющую всего 2,2% от СССР, вырабатывал в 1975 г. 8,7% угля, 9,1% электроэнергии, 16,2% целлюлозы, 10,7% картона, 16,6% кормовых дрожжей, 11% пиломатериалов, 15% деловой древесины от 7 до 20% некоторых энергоемких химических продуктов¹. Значительно превосходило общесоюзное душевое производство алюминия, меди, никеля, кобальта, а также добыча золота, слюды, асбеста. Отрасли специализации (особенно энергетики) характеризуются в регионе наибольшей экономической эффективностью. Себестоимость угля и электроэнергии в 1975 г. в АЕР была ниже среднесоюзной примерно в 4 раза, теплоэнергии в 2 раза. Превосходила союзные показатели рентабельности производства важнейшей продукции цветной металлургии, целлюлозно-бумажной и химической промышленности. В условиях определенных трудностей с обеспечением европейской территории страны топливно-энергетическими ресурсами интенсивное развитие в АЕР энергетики и энергоемких производств должно активно способствовать решению названной проблемы. Это положение, обоснованное многочисленными исследованиями ученых и проектировщиков, официально провозглашено в директивах XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС².

В период 1961—1975 гг. темпы индустриального развития региона превосходили среднесоюзные. Валовая продукция выросла в 3,8 и 3,3 раза соответственно. Причем это опережение было достигнуто за счет более быстрого развития в период 1961—1970 гг. В девятой пятилетке темпы (1,43 и 1,45 раза) практически выравнялись³.

Преимущественное развитие в регионе за рассматриваемый период получили отрасли специализации. Почти вдвое выросла добыча угля и в 6 раз производство электроэнергии, тогда как в среднем по стране их рост составил лишь 1,4 и 3,5 раза. Увеличилась добыча руд и производство цветных металлов в Норильске. Создано производство глинозема, а по выработке алюминия регион вышел на ведущие позиции в стране. Построены мощные целлюлозно-бумажные, гидролизные, лесохимические предприятия, в результате чего многократно возросла

¹ Красноярский край в цифрах. Красноярск, 1976; Народное хозяйство СССР в 1975 году. Статистический ежегодник. М., 1976; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Статистический ежегодник. М., 1976; Народное хозяйство Иркутской области. Статистический сборник. Иркутск, 1976; Народное хозяйство Тувинской АССР в 9-й пятилетке. Кызыл, 1976.

² Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1977.

³ Народное хозяйство СССР в 1970 году. Статистический ежегодник. М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1975 году. Статистический ежегодник. М., 1976.

глубина переработки древесного сырья. Производственные объединения «Ангарскнефтеоргсинтез» и «Химпром» (г. Усолье-Сибирское) превратились в крупнейшие предприятия своих отраслей⁴. Удельный вес отраслей специализации в производственных основных фондах промышленности возрос с 57,6 до 62,4%.

Положительные сдвиги в улучшении производственной структуры региона очевидны. Однако еще не претворены в жизнь многие проекты, которые предусматривали размещение в регионе предприятий, ориентирующихся на его наиболее эффективные ресурсы. Целесообразность строительства этих предприятий была доказана расчетами проектных и научно-исследовательских организаций. В их числе могут быть названы разрезы и тепловые электростанции на канско-ачинских углях, Белозиминский и Телекский заводы удобрений, Енисейский и Чунский ЦБК, заводы цветных металлов, качественных сталей и асбесто-технических изделий в Саянском комплексе, энерго- и водоемкие производства химических волокон и синтетического каучука. Большинство из перечисленных предприятий фигурировало в директивах XXIII и XXIV съездов КПСС, а также в различных постановлениях правительства о развитии экономики края и области. В то же время в регионе построен (или начато строительство) ряд предприятий машиностроения и легкой промышленности, явно не ориентированных на интенсивное использование его эффективных ресурсов. Среди них такие крупные промышленные объекты как Братский завод отопительного оборудования, Красноярский завод автомобильных и тракторных прицепов, Абаканский вагоностроительный завод, Боготольский завод слесарно-монтажного инструмента, Назаровский филиал Красноярского комбайнового завода. Их размещение определялось наличием удобных свободных площадок, мощностей строительных организаций, наличием трудовых ресурсов в отдельных городах.

Наглядным свидетельством неблагоприятного положения в развитии промышленности региона может служить снижение на протяжении трех пятилетий как темпов, так и абсолютных размеров прироста производства электроэнергии и добычи угля.

Продукция	Абсолютный рост и его доля по пятилеткам, %			
	1961—1975	1961—1965	1966—1970	1971—1975
Электроэнергия	100	36	34	30
Уголь	100	37	31	33

Сокращение масштабов развития энергетики в АЕР выглядит особенно тревожным потому, что в последние годы там имели место факты дефицита электроэнергии. Например, известны случаи недоиспользования мощностей по этой причине в производстве алюминия.

За девятую пятилетку были достигнуты значительные сдвиги в развитии производства, пущены сотни предприятий и цехов, улучшились некоторые технико-экономические показатели. Однако по некоторым видам промышленной продукции плановые задания, утвержденные Советом Министров РСФСР в 1971 г., оказались невыполненными. В их числе целлюлоза, картон, пиломатериалы, каустическая сода, синтетический каучук, пластмассы.

Выполнение планов по производству продукции тесно связано с положением дел в капитальном строительстве. План по освоению капитальных вложений за девятую пятилетку в регионе выполнен на 99,8%. Незавершенное строительство по ведущим промышленным министерствам составило на конец периода свыше 25%, а остаток сметного лимита около 70% капиталовложений, освоенных промышлен-

⁴ Тараканов М. А. Сдвиги в развитии химической промышленности Восточной Сибири и ее сырьевой базы в 1961—1976 гг.— В кн.: Экономика и НОТ в химической промышленности, сб. 11. М., 1976.

ностью региона за пятилетие. Причем 86% этого остатка приходится на долю 70 важнейших строек, что составляет 42% от их сметной стоимости. Успешное освоение капитальных вложений министерствами энергетики, угольной промышленности и цветной металлургии позволило им справиться с производственными планами, тогда как их невыполнение по ряду ведущих видов продукции целлюлозно-бумажной, химической, пищевой, легкой промышленности в значительной мере объясняется отставанием капитального строительства. Отрицательную роль сыграло также невыполнение плана ввода основных фондов, которое составило в Красноярском крае 12,2%, а в Иркутской области 15%.

Причинами невыполнения плана капиталовложений и ввода основных фондов является неудовлетворительное обеспечение строительных организаций оборудованием и строительными материалами, недостатками в организации труда и производства, необеспеченность рабочей силой. В 1975 г. укомплектованность строек рабочими в среднем по региону составила 99%, высока текучесть кадров.

Невыполнение заданий по выпуску продукции обусловлено также медленным и неполным освоением действующих мощностей и недостатками в их использовании. Вновь введенные мощности осваиваются на большинстве предприятий за 5—7 лет при нормативном сроке 1,5—2 года. Коэффициент сменности в промышленности региона в 1975 г. составил 1,35. Многочисленные примеры неполного использования мощностей (на 60—70% и менее) могут быть приведены для всех отраслей.

Некоторые предприятия не справились с заданиями по производительности труда, в результате в регионе недополучено продукции на сотни миллионов рублей. Высока доля рабочих, занятых ручным трудом. В Красноярском крае она составляет 31,8%, в Иркутской области — 48%. Особенно низок уровень механизации на вспомогательных работах (почти вдвое ниже, чем на основных). Отрицательно сказывается текучесть кадров, хотя она снизилась в среднем по промышленности за пятилетие.

Таким образом, промышленность региона развивалась в девятой пятилетке с серьезными недостатками, что оказало существенное влияние на формирование десятого пятилетнего плана. Так, намечаемые объемы производства многих отраслей специализации значительно меньше тех, которые предполагали достичь отрасли в процессе разработки своих планов на десятую пятилетку. Например, по электроэнергии они составят 87%, углю 72, целлюлозе 67, каустической соде 88, пластмассам 23, химическим волокнам 52%.

Отрицательные явления в развитии и производственно-хозяйственной деятельности промышленности региона могут повлиять и на более отдаленный перспективный период. Одна из причин возникшей проблемы — недостатки в планировании как промышленности региона, так и всего его народного хозяйства, в частности, недостаточно рациональное сочетание между отраслевым и территориальным разрезами плана.

Усиление роли территориального планирования может быть достигнуто путем внедрения в практику деятельности планирующих организаций комплексных региональных программ. По нашему мнению программа комплексного развития народного хозяйства региона должна состоять из нескольких взаимосвязанных подпрограмм: 1) ресурсно-производственной, 2) социальной⁵, 3) строительной, 4) транспортной, 5) охраны природной среды.

⁵ В составе социальной подпрограммы предполагается рассмотреть агропищевой комплекс.

Главными задачами такой программы является разработка рациональной схемы освоения природных ресурсов региона и оптимизация перспективной структуры развития производства на основе комплексного народнохозяйственного подхода с учетом ограничений и корректировок, исходя из территориальных возможностей.

Народное хозяйство региона является подсистемой в системе народного хозяйства страны. Поэтому цели, подлежащие решению в регионе с помощью разрабатываемой комплексной программы, должны определяться в первую очередь народнохозяйственными задачами. На долгосрочную перспективу эти цели могут быть сформулированы следующим образом: а) рост производства в масштабах, определяемых задачами развития народного хозяйства СССР; б) повышение эффективности общественного производства путем вовлечения в народнохозяйственный оборот наиболее ценных региональных ресурсов, особенно избыточных для региона и дефицитных для страны; в) решение важнейших социальных задач.

Конкретной целью ресурсно-производственной подпрограммы является реализация перспективной схемы развития промышленности региона, составленной на основе предложений отраслевых министерств, представленных ими в Госплан РСФСР перед началом десятой пятилетки. Рассматриваемая схема предусматривает расширение многих действующих предприятий и строительство большого числа новых. Ее осуществление позволит поднять удельный вес в союзном производстве традиционной продукции отраслей специализации региона в 1,5—2 и в 3—4 раза. Одновременно должно развиваться производство многих новых видов продукции, особенно черной и цветной металлургии, химии, машиностроения.

Предлагаемая отраслями схема, бесспорно, в определенной мере ориентирована на концепцию преимущественного развития в регионе энергетики и энергоемких производств (табл. 1), в которые предполагается вложить свыше 65% капиталовложений. Но в то же время эта

Таблица 1

Структура развития промышленности АЕР на долгосрочную перспективу по предложениям отраслевых министерств

Отрасли, предприятия	Капитальные затраты, %	Численность персонала, %
<i>Отраслевая структура</i>		
Топливо-энергетический комплекс	24,8	7,0
Химия и нефтехимия	13,4	12,1
Лесопромышленный комплекс	11,0	11,1
Цветная металлургия	19,3	8,2
Машиностроение	12,9	40,6
Прочие отрасли *	18,6	21,0
Итого вся промышленность	100,0	100,0

Структура по уровню энергопотребления

Топливо-энергетический комплекс	24,8	7,0
Энергоемкие предприятия	40,4	22,8
Предприятия средней энергоемкости	19,2	19,6
Предприятия малой энергоемкости	15,6	50,6
Итого вся промышленность	100,0	100,0

* Черная металлургия, промышленность строительных материалов, легкая и пищевая промышленность.

Таблица 2

Степень использования некоторых важнейших ресурсов региона при условии реализации отраслевых предложений в % от максимально возможного эффективного уровня

Ресурсы	1975 г.	Долгосрочная перспектива	Ресурсы	1975 г.	Долгосрочная перспектива
Гидроэнергоресурсы (эффективные)	18,0	47,0	Лес	40,0	35,0
Канско-ачинские угли	2,4	20,6	Железная руда	25,0	50,0
Поваренная соль	3,0	30,0	Фосфатное сырье	0,0	90,0
			Магнетиты	0,0	25,0

схема предусматривает развитие в широких масштабах машиностроения на основе практически заново создаваемого производства черных металлов с использованием как электротехнологии, так и традиционного доменного процесса. Поэтому в структуре капиталовложений весьма существенен удельный вес как отраслей, не относящихся к специализации региона (32,5%), так и предприятий малой и средней энергоемкости (34,8%), а их доля в численности персонала (соответственно 61,6 и 70,2%) является преобладающей.

Осуществляя привязку внешних выходов системы к ее внутренним условиям, необходимо рассмотреть обеспеченность программы ресурсами — отраслевыми и межотраслевого назначения. Рост индустриального развития региона будет связан со значительной интенсификацией использования его ресурсов. Некоторые из них (важнейшие руды цветных металлов, фосфатное сырье, минусинские и иркутские угли) будут использоваться в максимально возможных размерах. По другим ресурсам (гидроэнергия, канско-ачинские угли, поваренная соль, железная руда, лес) будут значительные резервы (табл. 2).

Конечно, необходимо учитывать, что развитие промышленности в регионе на рассматриваемую перспективу будет осуществляться преимущественно на территории, включающей зону Транссибирской магистрали и ближнего севера (Приангарье, Верхняя Лена). Резервы этих районов по обеспеченности ресурсами, особенно гидроэнергии и леса, окажутся несколько меньшими, но и они будут весьма значительными. Например, в Приангарье резервы гидроэнергетического будут представлены Средне-Енисейской и Видимской ГЭС (на Ангаре), на обеспечение этого района будут, вероятнее всего, преимущественно ориентироваться также Осиновская и Подкаменно-Тунгусская ГЭС, Лесосырьевые ресурсы Красноярского Приангарья и Верхней Лены в состоянии обеспечить размещение в пределах зоны еще не менее 3—4 лесопромышленных комплексов.

Различна будет на развиваемой территории региона и обеспеченность водными ресурсами. Но даже в зоне Транссибирской магистрали, характеризующейся наиболее высоким уровнем индустриального развития, трудности с водообеспечением предлагаемых отраслей предприятий могут быть лишь в Причудьме. Уже за пределами рассматриваемого периода они могут возникнуть в районе Канска-Заозерного и некоторых других местах.

И только баланс трудовых ресурсов при условии роста промышленности в масштабах, предусмотренных отраслевыми предложениями, складывается на долгосрочную перспективу со значительным дефицитом. Он потребует в зависимости от подходов к решению социальных проблем снижения прироста численности занятых в промышленности от 30 до 50% того количества, которое необходимо для реализации отраслевых предложений.

Дефицит трудовых ресурсов в регионе выдвигает следующие основные альтернативы: а) решение социальных проблем за счет снижения темпов развития промышленности, б) отказ от выхода на заданные социальные нормативы при сохранении темпов индустриального роста.

Учитывая одновременно и важность стоящих перед регионом производственных целей, и необходимость решения социальных проблем, целесообразно остановиться на компромиссном варианте. В качестве такого варианта (на данном этапе исследования) может быть рассмотрено сокращение перспективных масштабов индустриального развития, ориентируясь на дефицит трудовых ресурсов, который потребует сокращения перспективного прироста занятых в промышленности на 30%.

Критерии отбора предприятий, размещение которых может быть рекомендовано в регионе при создавшихся условиях, определяются сформулированными выше главными целями, стоящими перед его производственной подпрограммой и программой в целом: а) ориентация на наиболее эффективные и дефицитные для страны ресурсы; б) необходимость решения социальных проблем.

Многочисленные исследования, проведенные научно-исследовательскими организациями отраслевых министерств, Госплана и Академии наук СССР, показали, что из природных ресурсов региона наибольшую ценность представляют топливно-энергетические, водные, руды цветных металлов, лес, каменная соль. Для их освоения требуется создание необходимых производственных мощностей в горнодобывающей, лесозаготовительной и топливно-энергетической промышленности; их дальнейшее рациональное использование связано с размещением предприятий цветной металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности, электрометаллургии, энергоемкой химии. Общей особенностью предприятий перечисленных обрабатывающих отраслей является, с одной стороны, высокий уровень энергопотребления и в большинстве случаев водопотребления (годовой расход на занятого соответственно от 80—130 до 250—500 т условного топлива и от 20 до 60 тыс. м³ воды), с другой, — низкие трудовые затраты (9—28 чел. на 1 млн. руб. валовой продукции). Их ресурсная ориентация очень удачно отвечает условиям региона, и именно они должны быть в первую очередь рекомендованы там к размещению.

Одновременно в отраслевых предложениях намечается большое количество предприятий машиностроения, легкой промышленности, приборостроения, неэнергоемкой химии. Они ориентируются чаще всего на привозное сырье, характеризуются низким энерго- и водопотреблением (1—14 т. у. т и 0,3—1,3 тыс. м³ воды на занятого), но зато высокими трудовыми затратами (30—83 чел. на 1 млн. руб.). Размещение этих предприятий в регионе явно не способствует увеличению эффективности общественного производства ни на союзном, ни на региональном уровне, и при корректировке предложений они должны быть исключены из перспективной схемы в первую очередь. Совершенно необходимым является размещение в регионе всех предложенных отраслей предприятий пищевой промышленности. Они будут способствовать нормализации обеспечения населения продуктами питания и, следовательно, решению одной из его важнейших социальных проблем.

Экспериментальные расчеты подтвердили преимущества размещения в регионе отраслей топливно-энергетического и лесопромышленного комплексов, цветной металлургии, электрометаллургии, энергоемкой химии в сравнении с машиностроением, легкой промышленностью и другими неэнергоемкими производствами, позволили дать некоторые рекомендации о целесообразной глубине переработки ресурсов, а также показали, что в территориальном аспекте на рассматриваемую перспективу основные усилия по развитию промышленности целесообраз-

Таблица 3
Структура развития промышленности АЕР на долгосрочную перспективу по скорректированной схеме

Структуры, отрасли, предприятия	Капитальные затраты, %	Численность персонала, %
<i>Отраслевая структура</i>		
Топливо-энергетический комплекс	30,1	10,6
Химия и нефтехимия	15,3	15,6
Лесопромышленный комплекс	13,9	17,1
Цветная металлургия	23,5	12,4
Машиностроение	6,1	23,7
Прочие отрасли	11,7	19,8
Итого вся промышленность	100,0	100,0
<i>Структура по уровню энергопотребления</i>		
Топливо-энергетический комплекс	30,1	10,6
Энергоемкие предприятия	48,4	33,5
Предприятия средней энергоемкости	13,3	23,9
Предприятия малой энергоемкости	8,2	32,0
Итого вся промышленность	100,0	100,0

но сосредоточить в основном в зоне Транссибирской магистрали и в Приангарье.

На основании рассмотренных критериев оптимизации производственной структуры региона и полученных результатов модельных расчетов нами проведена предварительная экспертная корректировка отраслевых предложений с целью балансировки комплексной программы развития региона с ресурсами. В результате из перспективной схемы развития промышленности было исключено 21 предприятие машиностроения, 8 легкой промышленности, 2 химической и 1 предприятие черной металлургии.

Преимущество новой схемы (табл. 3) перед отраслевыми предложениями, помимо сбалансированности с региональными ресурсами, состоит в повышении эффективности их использования. Значительно возрос удельный вес отраслей специализации и энергоемких производств как в капиталовложениях, достигнув соответственно 82,2 и 78,5%, так и в численности персонала (56,2% и 44,1%). Производительность труда выше на 26%, энергопотребление на занятого возросло на 34%, водопотребление на 30%, тогда как численность персонала приходящегося на 1 руб. капиталовложений, уменьшилась на 19%. Производство продукции отраслей специализации, для развития которых в АЕР имеются благоприятные или уникальные условия, останется без изменений. Сокращение ее валового выпуска должно произойти исключительно за счет тех видов, которые могут быть выработаны в других районах страны с меньшими затратами.

Отказ от размещения в регионе явно неэффективных предприятий, отвлекающих дефицитные и дорогие трудовые ресурсы, позволит уделить большее внимание решению социальных проблем и комплексному развитию хозяйства.

*Отдел региональной экономики Института экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Иркутск*

В. П. ГУКОВ, А. Н. КАЯГОРОДЦЕВ

ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРХНЕЛЕНСКОГО ТПК

Открытие рабочего движения на западном участке БАМа осенью 1978 г. улучшило транспортно-экономические условия для хозяйственного освоения природных ресурсов территорий, прилегающих к верхнему течению Лены и ее правому притоку Киренги. Началу хозяйственного освоения всегда предшествует период научной и проектной его подготовки, от которой зависит правильность и своевременность плановых решений. Территория, на которой может сформироваться Верхнеленский ТПК, в научном и проектном отношении изучена недостаточно, что пока не позволяет в полной мере представить структуру будущего комплекса, этапность его развития.

В настоящей статье излагается точка зрения авторов на структуру формирования Верхнеленского ТПК. Ее обсуждение, можно надеяться, позволит быстрее подготовить необходимый научный и проектный задел для начала периода интенсивного хозяйственного развития. Между тем, хотя еще нет программы освоения природных ресурсов, и в первую очередь лесных, уже принимаются частные решения, противоречащие идее комплексного использования древесины. Создаются мелкие предприятия самозаготовителей леса, которые, как показывает, в частности, опыт Братско-Илимского ТПК, не могут обеспечить рациональное использование древесины и решение социальных вопросов.

В настоящее время перед Верхнеленским ТПК можно поставить такие задачи: строительство БАМа, освоение лесных ресурсов, тяготеющих к трассе БАМа от Усть-Кута до западного портала Байкальского туннеля и к району Киренска; обеспечение перевозок грузов по Лене на север. Для освоения лесов, тяготеющих к трассе БАМа, созданы уже необходимые предпосылки: транспорт, электроснабжение, изученность ресурсов. Этого пока нет в отношении района Киренска: туда надо еще подвести железную дорогу, линию электропередач, закончить изучение лесных ресурсов.

Задача обеспечения работы речного транспорта в связи с ростом объемов перевозок стала более сложной: ограниченность гарантированных глубин от Усть-Кута до Киренска не позволяет в некоторые годы обеспечивать полный объем перевозок. Возможны два варианта решения: а) перенести порт из Усть-Кута в Киренск и подвести туда железную дорогу, б) построить выше Усть-Кута плотину с гидроэлектростанцией и с ее помощью зарегулировать сток на период навигации. Создание гарантированных глубин сохраняет ведущую роль в перевалке грузов, отстое и ремонте флота за Усть-Кутом. В случае переноса порта центр тяжести работ по перевозкам перейдет к Киренску.

Строительство западного участка БАМа не заканчивается открытием рабочего движения и даже сдачей в эксплуатацию: рост объемов перевозок потребует со временем работ по увеличению провозной и

пропускной способности данного участка железной дороги, как наблюдалось ранее на линии Тайшет — Лена.

В соответствии с указанными тремя задачами и можно очертить территорию, на которой они будут реализоваться: практически в границах трех административных районов Иркутской области — Усть-Кутского, Киренского и Казачинско-Ленского. Жигаловский район нами рассматривается как база для развития агропищевого комплекса ТПК в будущем, учитывая ограниченность земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения, в трех названных районах. Территория Казачинского района может войти в состав ТПК, если освоение его природных ресурсов пойдет с берегов Лены.

Развитие лесозаготовок и лесопереработки. Перспективы хозяйственного освоения территории Верхнеленского ТПК в значительной степени связаны с развитием лесного комплекса. Леса ТПК рассматриваются как основной резерв для лесопромышленного производства в Иркутской области. Генеральным направлением его развития является создание в местах концентрации лесных ресурсов лесопромышленных комплексов (ЛПК), объединяющих предприятия по заготовке, глубокой механической обработке, химико-механической и химической переработке древесины. При этом не обязательно, чтобы все мощности были размещены на одной строительной площадке и подчинены одному министерству. Территориальное расположение объектов ЛПК должно определяться существованием транспортных подходов или возможностью их создания, наличием строительных площадок, возможностями водоснабжения и канализации, санитарными требованиями и т. п., а также интересами рационального формирования производственной и социальной инфраструктуры. Строительство западного участка БАМа от Усть-Кута позволяет ускорить освоение лесных ресурсов Верхнеленского ТПК. Западный участок БАМа пересекает лесные массивы Тайорского и Казачинского лесопромышленных районов. Железная дорога Тайшет — Усть-Кут имеет большое значение для расширения вывоза древесины и лесопроductии.

Прежде чем рассматривать возможности развития лесозаготовок и лесопереработки в том или ином конкретном лесоэксплуатационном районе, остановимся на вопросах, которые являются общими для создания всего лесного комплекса ТПК и требуют решения с позиций народнохозяйственной эффективности. Это, во-первых, вопрос о соотношении между механической и химической переработкой древесины. Во-вторых, следует ли развивать плитное производство? Если да, то до каких размеров? Дело в том, что основные потребители ДСП и ДВП расположены в европейской части СССР, там есть и ресурсы низкосортной древесины. Поэтому, возможно, более целесообразно использовать низкосортную древесину и отходы, получаемые при лесопилении в Верхнеленском ТПК, для целлюлозного и гидролизного производства, поскольку для их размещения на его территории появились более благоприятные условия, чем в европейской части страны. Кроме того, продукция этих производств дает меньшую нагрузку на транспорт, а любая возможность уменьшить грузопоток скажется благоприятно на его работе. В-третьих, где создавать мощности по выпуску технологической щепы из низкосортной древесины, дров и отходов лесозаготовок: непосредственно в леспромпхозах или на целлюлозных заводах? В-четвертых, каким путем можно ускорить объединение на кооперативных началах мелких леспромпхозов-самозаготовителей? Объединение позволит осуществить целесообразную концентрацию лесозаготовок и деревообработки, проводить единую техническую политику. Без него нельзя разработать единую схему освоения и использования лесных ресурсов. Благодаря концентрации производства станет воз-

можным организовать использование отходов, если построить целлюлозный завод.

До начала строительства западного участка БАМа наилучшим условием для развития отраслей лесной промышленности располагал район Подымахино, удаленный вниз по Лене от Усть-Кута на 35 км. Здесь предполагалось создать мощный центр по глубокой механической и химической переработке древесины. Пересечение трассой железнодорожной магистрали лесных массивов от Усть-Кута до Байкальского туннеля выдвинуло на первый план наряду с Усть-Кутским освоение ресурсов Тайорского и Казачинско-Ленского лесопромышленных районов. Для освоения лесных ресурсов Киренского лесопромышленного района необходимо осуществить прокладку туда железной дороги.

Комплексный подход к использованию лесных ресурсов Верхнеленского ТПК позволит здесь довести объем лесозаготовок до 12,5 млн. м³. Из этого количества лесопроductии можно будет производить 3,5 млн. м³ пиломатериалов, 700—800 тыс. т целлюлозы, а также кормовые дрожжи и ряд других продуктов. Для создания таких мощностей необходимо вложить свыше 5 млрд. руб., включая затраты на освоение района Киренска. Потребная численность трудовых ресурсов во все отрасли лесного комплекса и обслуживающего производства 28—30 тыс. чел.

Относительно низкие экономические показатели лесной промышленности в зоне БАМа (срок окупаемости капиталовложений около 10 лет), связаны с ее особой ролью: ей приходится брать на себя затраты по освоению территории. Для нормального ее функционирования во вновь осваиваемых районах на каждого занятого необходимо вложить почти в 2 раза больше средств, чем в условиях обжитых районов Иркутской области, тяготеющих к Транссибу. В настоящее время доля промышленной инфраструктуры (лесовозные дороги, ЛЭП, погрузочные эстакады, железнодорожные тупики и т. п.) в производственных фондах леспромпхозов освоенной зоны составляет около 25%, а в зоне БАМа этот показатель будет равен 40—50%. Причем на каждого работника основного производства в зоне БАМа будет приходится фондов, необходимых для освоения территории, более чем в 3 раза больше по стоимости, чем в обжитых районах. Для создания социальной инфраструктуры (непроизводственные фонды, включая торговлю) во вновь осваиваемых районах лесозаготовители на каждого занятого затрачивают в 2,3 раза больше средств, чем в обжитых районах области.

Поэтому во вновь осваиваемых районах необходимо использовать самую высокопроизводительную технику, наиболее современную систему организации, предусмотреть те технологические цепи в лесопереработке, для которых есть наилучшие условия и предпосылки, не допускать распыления средств на создание мелких нерентабельных предприятий — самозаготовителей леса.

Использование минеральных ресурсов. Недостаточный уровень геологической изученности территории пока не позволяет точно определить ее перспективы с точки зрения использования минерально-сырьевых ресурсов. По нашему мнению, при разработке схемы освоения лесных ресурсов следует достаточно хорошо представить возможности и условия кооперации лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности с горнорудными и металлургическими предприятиями, которые могут здесь возникнуть. Месторождения и проявления минерального сырья образуют на территории Верхнеленского ТПК несколько ареалов, которые различаются между собой транспортно-экономическим положением, видами сырья. Достоинство выделяемых ареалов — сочетание нескольких видов минерального сырья, что,

безусловно, является положительным фактором с точки зрения возможности их совместного освоения.

В Усть-Кутском ареале сосредоточены поваренная соль, пригодная для добычи методом подземного выщелачивания, и минеральные рассолы. Транспортно-экономическое положение ареала — самое благоприятное в ТПК. Ульканский ареал имеет хорошие предпосылки для нахождения промышленных запасов полиметаллов, плавикового шпата, талька, бурого угля, возможно обнаружение месторождений бокситов. Прокладка трассы западного участка БАМа резко улучшила его транспортно-экономическое положение. Увязка направлений освоения минеральных ресурсов этого ареала с лесными должна включать строительство автодорог, ЛЭП, поселков.

Катангский ареал с точки зрения прогнозных запасов не имеет себе равных в ТПК: газ, калийные соли, поваренная соль, железная руда. Возможны также месторождения пьезооптического сырья, полиметаллов. Однако район удален от обжитых территорий, не имеет с ними надежной транспортной связи. Здесь суровые природно-климатические условия, сложная инженерно-геологическая обстановка. Освоение минеральных ресурсов этого ареала будет сопряжено с большими затратами, в первую очередь в инфраструктурные объекты.

Киренский ареал хуже других обеспечен минеральными ресурсами: реальным сырьем является лишь железная руда. Содержащиеся в ней фосфориты могут быть извлечены при обогащении, но для этого необходима соответствующая технология. В транспортно-экономическом отношении ареал находится в лучших условиях, чем Катангский, но в худших, чем Усть-Кутский и Ульканский. Он связан с обжитыми районами по реке Лене, к нему начато строительство ЛЭП, намечено создание центра лесопереработки.

Определить очередность освоения минеральных ресурсов Верхнеленского ТПК весьма трудно: многие месторождения еще не разведаны и поэтому не приняты на балансовый учет. По современным представлениям, наилучшие предпосылки и условия складываются в Усть-Кутском и Ульканском ареале: в первом — для освоения минеральных рассолов, во втором — полиметаллов, талька, плавикового шпата. Срок освоения ресурсов Катангского ареала будет определяться временем нахождения крупных промышленных запасов нефти и газа. Никакой другой вид минерального сырья не оправдывает затраты по начальному освоению. В Киренском ареале при условии опережающего развития комплекса предприятий по заготовке и переработке древесины будут решены вопросы пионерского освоения.

Оценка территории для промышленного и гражданского строительства. Территория региона отличается сложной планировочной ситуацией. Площадки, пригодные для промышленного и гражданского строительства в долинах рек, весьма ограничены по размерам. На водоразделах имеются пригодные с точки зрения рельефа и грунтов территории, но на них сложно решать вопросы водоснабжения, транспортных подходов. Их отметки превышают уровень речных долин от 150—200 до 350—400 м. Серьезные трудности с точки зрения размещения промышленных и селитебных зон создает климат. В период зимних морозов холодные массы воздуха стекают с водоразделов в долины, поэтому размещение здесь предприятий с вредными выбросами может иметь нежелательные последствия. А именно в долинах имеются территории, наиболее пригодные для гражданского строительства.

Гипрогор на территории Верхнеленского ТПК выделил определенные площадки для промышленного и селитебного строительства. В Усть-Куте резервные небольшие площадки имеются лишь в восточной части города, кроме того, на плато по левому берегу Лены выделе-

ны 3 большие площадки. Все эти территории пригодны для размещения промышленности, не дающей вредных выбросов. В районе Подымахино для строительства промышленных предприятий, не имеющих вредных выбросов, рекомендована площадка на берегу Лены, рядом есть площадка для размещения селитебной зоны. Севернее Подымахино на плато имеются площадки, пригодные для производств с вредными выбросами, но они удалены от населенного пункта на значительное расстояние.

Промплощадка в районе Марково расположена на плато. В 10—15 км к западу от нее может быть размещена селитебная зона. К северо-западу от селитебной зоны есть территории, где можно размещать промышленные предприятия. В районе Киренска для промышленного строительства благоприятна лишь одна площадка. В районе с. Казачинское выделено несколько промплощадок, на большинстве которых можно размещать производства, имеющие вредные выбросы. Однако для них характерна ограниченность водных ресурсов в меженный период, в связи с чем необходимо строительство водорегулирующих гидротехнических сооружений.

Ограниченность территорий, пригодных для промышленного и гражданского строительства вблизи рек, вынуждает строить поселки и пром-узлы на водоразделах. Таким путем уже решен вопрос о поселках леспрохозов в районе ст. Киренги, которые запроектированы с удалением от реки.

С начала сооружения западного участка БАМа и усиления работ по строительству прошло пять лет. На всем протяжении западного участка открылось рабочее движение. Но, к сожалению, до сих пор нет научно обоснованного прогноза развития экономики в зоне влияния БАМа, а отсюда и нет никаких предплановых документов, которые бы четко определяли те задачи, которые предстоит решить в одиннадцатой пятилетке и в период до 1990 г. Хотя известна экономия от объединения усилий при освоении и развитии новых районов, уже создаются мелкие нерентабельные леспрохозы и небольшие плохо благоустроенные поселки. В поселках строителей западного участка БАМа не всегда хватает жилья, школ, детских учреждений, объектов культуры, здравоохранения, бытового обслуживания. Плохо решаются вопросы водоснабжения, канализации, теплоснабжения.

За прошедший период численность трудовых ресурсов в районах сооружения западного участка БАМа возросла на 20 тыс. чел., а общая численность населения увеличилась в 1,6 раза. Удельный вес естественного прироста в общей численности трудовых ресурсов составил лишь 14%. Отставание в развитии объектов социальной инфраструктуры вызывает слабую закрепляемость привлекаемого населения. Если в 1975 г. на 100 прибывших в Усть-Кутском районе приходилось 53 выехавших, в Казачинско-Ленском — 21, то в 1977 г. этот показатель возрос соответственно до 89 и 61.

Приведенные данные наглядно говорят о необходимости ускорения работ по подготовке комплексного освоения этой территории. В 30-х годах Госплан СССР для научной подготовки освоения природных ресурсов бассейна Ангары создал Ангарское бюро. Гипотеза, разработанная этим бюро, была одобрена Госпланом СССР. В решении было отмечено, что комплексный подход, примененный при разработке гипотезы, должен получить отражение в дальнейших проектных решениях и плановых документах. Этот опыт, по нашему мнению, не потерял своей актуальности и сейчас.

Отдел региональной экономики Института экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Иркутск

В. М. ФИШЗОН

СТРУКТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ОСНОВНЫХ И ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ¹

Многие авторы считают, что в нашей экономической литературе нет единства в понимании категорий основных и оборотных средств и в теоретическом освещении сущности их кругооборота². На наш взгляд, хотя ресурсы социалистического предприятия выражают иные, чем при капитализме, производственные отношения, открытые К. Марксом закономерности оборота капитала должны учитываться при изучении и социалистической экономики. В настоящей статье осуществляется попытка установить соответствие категорий оборота средств категориям оборота капитала.

Экономисты часто цитируют высказывание К. Маркса о том, что «лишь производительный капитал может разделяться на основной и оборотный»³. Из этих слов делается вывод, что основной и оборотный капитал существует только в производительной форме и соответственно может быть представлен в натурально-вещественном или стоимостном выражении. Отсюда возникает и убеждение, что в условиях социализма средства производства по стоимости представляют собой основные и оборотные средства, а в натурально-вещественной форме — основные и оборотные фонды. При этом, с одной стороны, возникают как бы «лишние» категории⁴, но, с другой стороны, такое, например, понятие, как «основные средства в денежной форме» принимается как правомерное не всеми экономистами. Обычно категории основного и оборотного капитала определяются как элементы производительного капитала, т. е. они как бы фиксируются в своих вещественных носителях, и это обедняет экономическое содержание капитала (средств) как движущейся стоимости, которая в процессе товарного производства постоянно и одновременно пребывает в трех формах — денежной, товарной, производительной, — и искажает содержание обращения капитала, которое К. Маркс считал возможным уподобить кровообращению⁵. К. Маркс писал о том, что из различий оборота отдельных частей производительного капитала вытекает лишь определенность форм основного и оборотного капитала⁶. Следовательно, не основной и

оборотный капитал существуют только в производительной форме, а для производительного капитала и в пределах последнего существует определенность их форм, существует их противоположность. Только различие вещественных форм, в которых существует производительный капитал, позволяет говорить о различии способов перенесения стоимости на продукт и только таким образом непосредственно разделять производительный капитал на основную и оборотную части. В товарной и денежной формах основной и оборотный капитал существует как часть стоимости капитала обращения, но непосредственно выделить (или «различить») эти части можно только методами бухгалтерского учета.

На схеме 1 представлена структура индивидуального промышленного капитала, отражающая понятия и категории в системе представлений К. Маркса. Данная схема фактически является графическим изображением известных положений, которые мы резюмируем, не выходя за рамки тех предположений, которыми К. Маркс ограничивал свой анализ.

1. Производительный капитал (капитал в сфере производства) и два вида капитала обращения (капитала в сфере обращения) — денежный капитал и товарный капитал — есть функциональные формы существования индивидуального промышленного капитала. Авансированный капитал составляет лишь часть последнего, равную совокупной стоимости основного и оборотного капитала, которую капиталист должен иметь в распоряжении до начала производства (система кредита не рассматривается). Авансированная первоначально в денежной форме капитальная стоимость⁷ в процессе производства распределяется по всем трем функциональным этапам и в дальнейшем пребывает на них в непрерывном движении, оставаясь в совокупности постоянной по величине для условий простого воспроизводства, ибо величина как основного, так и оборотного капитала «не изменяется от числа тех периодов оборота, в которых он снова и снова функционирует как капитал»⁸. Таким образом, товарный капитал и денежный капитал являются носителями как части авансированного основного и оборотного капитала, так и вновь созданной прибавочной стоимости, которая в товарной форме существует в виде стоимости прибавочного продукта, а в денежной форме как прибыль.

2. Деление производительного капитала на основную и оборотную части основано на известном критерии различия двух видов средств производства: та часть средств производства, которая потребляется полностью в течение одного производственного цикла и переносит полностью свою стоимость на стоимость продукта, называется оборотной, а та часть, потребление которой и соответствующее перенесение стоимости производится по частям, — основной. Применять этот критерий можно только к капиталу, находящемуся в натурально-вещественной форме в процессе производства. Так как амортизационные начисления по массе заключенной в них стоимости представляют собой потребленную в данном производственном цикле часть стоимости средств труда (преимущественно средств труда), то они вместе с остаточной стоимостью основных средств производства составляют основную часть производительного капитала. Аналогично, так как затраты сырья, материалов и т. д. и начисления по заработной плате по массе заключенной в них стоимости соответственно представляют собой потребленную в данном производственном цикле стоимость примененных предметов труда (преимущественно предметов труда) и стоимость примененного необходимого труда, то они вместе с произ-

¹ Печатается в порядке постановки вопроса. (Ред.).

² Губин Б. В. Оборот средств предприятия и эффективность производства. М., 1975, с. 5; Перламутров В. Л. Проблемы использования оборотных средств в промышленности, М., 1973, с. 7; и др.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 187.

⁴ Так, некоторые авторы утверждают неправомерность существования категории оборотных средств (Ленская С. А. Кругооборот и оборот общественных фондов социалистического предприятия, М., 1967, с. 120) или отрицают их необходимость в системе категорий политической экономии социализма (Перламутров В. Л. Указ. соч., с. 36).

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 7.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 187.

⁷ «Мы исходим из предположения, что стоимость всегда авансируется в деньгах...» — писал К. Маркс. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 206).

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 207.

The diagram illustrates the flow of capital through various stages and forms:

- Денежный капитал (Monetary Capital)** is divided into:
 - Потенциальные запасы (Potential Reserves)
 - Текущие запасы (Current Reserves)
- Товарный капитал (Goods Capital)** is divided into:
 - Готовая продукция (потенциальный товарный капитал) (Finished products (potential goods capital))
 - Товары отгруженные (Shipped goods)
- Основа (Base)** is divided into:
 - Реализованная стоимость (Realized value)
 - Реализованные и не реализованные (Realized and unrealized)
- Фонды (Funds)** include:
 - Резервный денежный фонд (Reserve monetary fund)
 - Прибыль (Profit)
 - Амортизационный фонд (Amortization fund)
 - Капитал, предназначенный для приобретения сырья, материалов и т. д. (Capital intended for purchase of raw materials, etc.)
 - Капитал, предназначенный для выплаты заработной платы (Capital intended for payment of wages)
- Оборотный капитал (Circulating Capital)** is divided into:
 - Стоимость прибавочного продукта (Value of surplus product)
 - Начисления по заработной плате (Accruals on wages)
 - Стоимость затрат на сырье, материалы, топливо и т. д. (Cost of raw materials, fuel, etc.)
 - Амортизационные начисления (Amortization accruals)
- Основной капитал (Fixed Capital)** is divided into:
 - Потенциальный (Potential)
 - Примененный (Applied)
- Потребленный капитал (Consumed Capital)** is divided into:
 - Стоимость произведенных за период (Стоимость произведенных за период) (Cost of products produced during the period)
 - Затраты сырья, материалов, топлива и т. д. (Expenditures on raw materials, fuel, etc.)
 - Начисления по заработной плате (Accruals on wages)
 - Амортизационные начисления (Amortization accruals)
- Остаточная стоимость основных средств производства (Residual value of fixed capital)** is the final result of the process.

Схема 1. Структура индивидуального промышленного капитала

3. Авансированный основной капитал как стоимость представляет собой в каждый данный момент сумму остаточной стоимости основных средств производства, амортизационных начислений, заключенных в незаконченной продукции и нереализованных товарах, и амортизационных фондов, или запасов основного капитала в денежной форме. Конечно, можно было бы говорить о первоначальной стоимости основной части производительного капитала, о том исходном размере авансирования основного капитала, которое имело место в момент запуска предприятия. Но такое определение не отражает обращение капитала как стоимости. К. Маркс писал, что «в определении основного капитала у А. Смита остается только одно, а именно — это средства труда... Вместе с тем создается иллюзия, будто стоимость основного капитала не вступает в обращение, хотя А. Смит раньше и указывал, что износ основного капитала, конечно, составляет часть цены продукта»⁹.

4. Авансированный оборотный капитал как стоимость представляет собой в каждый данный момент сумму стоимости оборотной части производительного капитала и капитала обращения за вычетом амортизации (так как она является элементом основного капитала) и прибавочной стоимости (потому что она есть проявление обращения не авансированной, а вновь созданной стоимости), заключенных в товарах и реализованной продукции. Так как К. Маркс при рассмотрении движения только оборотного капитала оставлял в стороне амортизацию и прибавочную стоимость, то может создаться впечатление, что стоимость оборотного капитала равна сумме оборотной части производительного капитала и капитала обращения, взятого в целом. Такова одна из ошибок в толковании этой категории. Маркс вполне естественно соединил производительный капитал с капиталом обращения, рассматривая категорию промышленного капитала, но в резкой форме говорил о том, что политэкономию «со времен А. Смита не удержалась от искушения» соединить товарный и денежный капитал с оборотной частью производительного капитала в категорию «оборотного капитала»¹⁰.

5. Резервный денежный фонд как потенциальный запас денежного капитала может формироваться за счет прибыли, а сама прибыль становится капиталом только в том случае, если она используется для расширенного воспроизводства.

Ранее¹¹ рассмотрен вопрос о соотношении категорий основного и оборотного капитала и основных и оборотных средств. В политэкономической литературе понятия «основных и оборотных фондов» с известными оговорками используются как аналоги «основного и оборотного капитала»; конкретная экономика и практика предпочитает термин «средства». Отсутствие четкости в определениях отражает, на наш взгляд, разногласия по существу. Термин «фонды» мы употребляем в значении «запасы средств в той или иной форме». Это соответствует смыслу данного слова, который отражается в понятиях «амортизационный фонд», «золотой фонд», «земельный фонд», «банковский фонд», «ссудный фонд» и т. д. Такое же употребление мы встречаем и у Маркса, например: производственный запас — это «скрытый производственный фонд», а фонд потребления — это «запас предметов потребления»¹². Смысл слова «фонды» не может идентифицировать

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 223.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 188.

¹¹ Фишзон В. М. О соотношении категорий оборотного капитала и оборотных средств. — В кн.: Вопросы моделирования производства и потребления. Новосибирск, 1977, с. 121—142.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 167.

содержание такого сложного понятия, как, например, «оборотный капитал». Поэтому, на наш взгляд, такие выражения, как «средства предприятия», «основные средства», «оборотные средства», могут в экономическом смысле соответствовать понятиям «промышленный капитал», «основной капитал», «оборотный капитал».

На схеме 2 представлена структура средств социалистического предприятия, принципиальное отличие которой от структуры индивидуального промышленного капитала (см. схему 1) заключено в направлении движения средств, выражающих прибавочный продукт: часть прибыли остается в распоряжении предприятия в качестве фондов его развития, а другая часть отчисляется в бюджет на общенародные нужды. То же самое можно сказать и об амортизационном фонде, перераспределяемом в настоящее время между предприятием и государством. На капиталистическом предприятии прибыль остается преимущественно во владении капиталиста, составляя его денежный капитал в форме денег, счетов в банке, акций и т. д. Если оставить в стороне это коренное отличие, то можно рассматривать движение средств в процессе производства и обращения независимо от их социальной природы, что прежде всего относится к авансированной стоимости.

Итак, стоимость, находящаяся в каждый данный момент в распоряжении предприятия и пребывающая одновременно на всех стадиях производства и обращения в производительной, товарной и денежной формах, называется средствами предприятия. С учетом сделанных выше замечаний по терминологии денежные фонды, товарные фонды и производительные фонды будут означать запасы средств в той или иной функциональной форме. Под «производительными фондами» мы будем иметь в виду не только выражение вещественного состава средств производства (примененных, потребленных и функционирующих как запасы в потенциальной форме), но и их стоимостное содержание. Аналогично «товарные фонды» означают не только сами товары (готовую продукцию на складе предприятия и товары отгруженные, но нереализованные), но и заключенную в них вновь созданную и перенесенную стоимость.

К. Маркс при изложении своей теории неоднократно отвлекается от стоимостной природы категории основного капитала и говорит, например, о его ремонте, поддержании в исправности и т. д. Ясно, что здесь нет путаницы в терминологии и речь идет о той части основного капитала, которая пребывает в натуральной форме, о самих вещественных носителях основного капитала.

Поэтому выражение «основные фонды», с одной стороны, означает натурально-вещественную форму основных средств производства, с другой стороны, как часть авансированной стоимости — это остаточная стоимость этих средств производства, т. е. запасы средств, функционирующих в производительной форме преимущественно как средства труда.

Основные фонды вместе с амортизационными начислениями в составе незавершенного производства представляют собой основную часть производительных фондов. Таким образом, «основные фонды в денежном выражении» составляют не основные средства, как это принято считать, а не что иное, как те же самые основные фонды. Это и есть выражение двойственного характера категории «основные фонды».

О двойственном характере категории «оборотные фонды» можно сказать то же самое, что и об основных фондах. Но с определением состава элементов оборотных фондов дело обстоит несколько сложнее. Так, П. М. Павлов оборотные фонды отождествляет с производственными запасами на том основании, что Маркс якобы под действительным оборотным капиталом понимал капитал в производ-

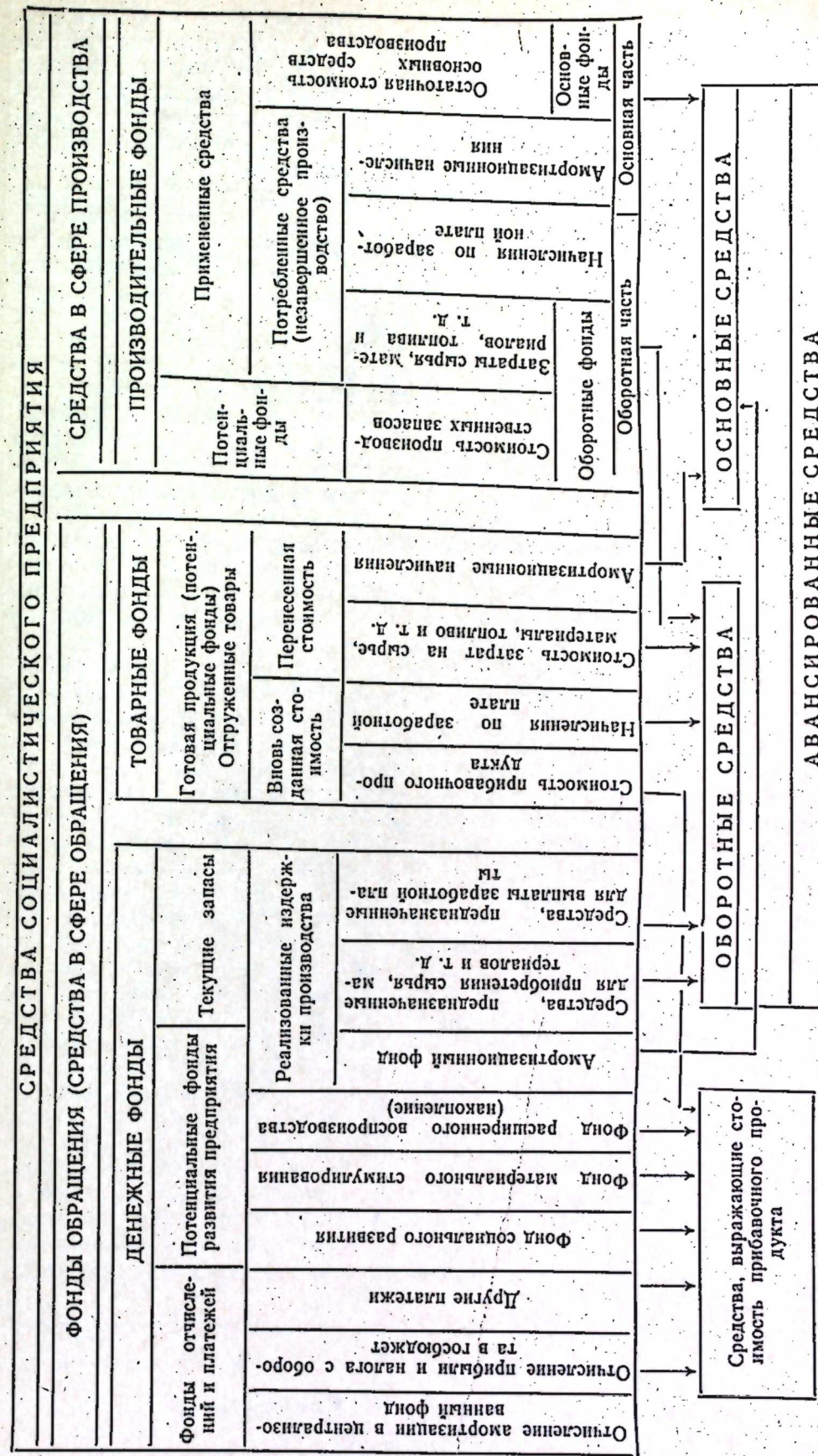

Схема 2. Структура средств социалистического предприятия

венных запасах¹³. С. А. Ленская запасы незавершенного производства рассматривает как «самостоятельную форму производственных фондов», но в состав оборотных фондов включает так называемый «фонд заработной платы»¹⁴. Поскольку денежные средства есть форма существования стоимости в сфере обращения, то делается необычный вывод, что к производительным фондам кроме основных и оборотных фондов относится и часть фондов обращения¹⁵.

К. К. Вальтук начисления по заработной плате включает в состав оборотных производственных фондов согласно их определению¹⁶, но, с другой стороны, пишет, что понятие оборотных фондов «не включает рабочую силу, ибо она не является товаром»¹⁷. Действительно, у Маркса рабочая сила хотя и является товаром, но не приравнивается к сырью, а только лишь способ оборота стоимости рабочей силы оказывается общим с составными частями оборотного капитала¹⁸. Поэтому, если придерживаться терминологии Маркса, начисления по заработной плате, как часть стоимости незавершенного производства, должны входить в состав оборотной части производительных фондов. Поскольку же начисленная заработная плата может иметь только стоимостную природу, то в оборотные фонды следует включать стоимость производственных запасов и стоимость потребленных предметов труда в составе незавершенного производства. Таким образом, оборотная часть производительных фондов есть стоимость оборотных средств производства (одна часть которых находится в потенциальной форме, другая же потреблена и полностью перенесла свою стоимость на незаконченную продукцию), а также оценка необходимого труда в виде начислений по заработной плате.

После реализации товаров средства, совершившие полный кругооборот, при помощи специальных форм бухгалтерского учета должны разделяться по их функциональному назначению: издержки производства в составе реализованной продукции формируют амортизационный фонд для простого воспроизводства основных фондов и фонды средств, предназначенные, с одной стороны, для приобретения сырья, материалов, топлива и т. д., а с другой — для выплаты заработной платы. Стоимость, реализованная в виде прибыли, распределяется на формирование: а) отчислений в госбюджет и на другие платежи; б) фонда социального развития; в) фонда материального стимулирования; г) фонда расширенного воспроизводства (накопление).

Итак, средства предприятия в процессе оборота функционируют как авансированные средства, уровень которых для условий простого воспроизводства должен оставаться неизменным, и как средства, выражающие стоимость прибавочного продукта. Уровень последних колеблется в зависимости от порядка производимых отчислений и платежей и целевого расходования фондов развития предприятия.

Нас интересует оборот авансированной стоимости — основных и оборотных средств, которые могут быть определены так же, как и категории основного и оборотного капитала: основные средства в процессе оборота на каждый данный момент представляют собой совокупную стоимость основной части производительных фондов, амортизационных начислений в составе товарной продукции и амортизационных фондов; оборотные средства в процессе оборота на каждый данный момент представляют собой совокупную стоимость

оборотной части производительных фондов и фонда обращения за вычетом амортизационных начислений и средств, выражающих стоимость прибавочного продукта.

Из рассмотренной структуры средств социалистического предприятия однозначно определяется характер оборота авансированных основных и оборотных средств (схема 3, 4).

В составе авансированных основных и оборотных средств, совершающих непрерывные кругообороты, выделяются отдельные элементы как запасы соответствующих средств в той или иной функциональной форме. На каждом отдельном этапе своего движения уровни запасов колеблются с определенной закономерностью, но, во-первых, в каждый данный период, за который не происходит накопление средств, сумма стоимости всех элементов есть величина постоянная и, во-вторых, если рассчитать средние уровни запасов за этот же промежуток времени, то их сумма опять должна быть равна стоимости основных (или оборотных) средств в их полном объеме. Так, при указанных на схемах обозначениях, задающих уровни соответствующих запасов на начало t -го года, для условий простого воспроизводства будем иметь

$$V_t = \Phi_t + A_t^n + A_t^r + A_t^t + A_t^p = \text{const};$$

$$S_t = S_t^n + S_t^r + S_t^t + S_t^p = \text{const},$$

где V_t и S_t — авансированные основные и оборотные средства, т. е. схемы оборотов основных и оборотных средств представляют собой замкнутые циклы кругооборотов одной и той же авансированной стоимости. Сохранение этой стоимости и ее эффективное использование есть одна из первейших экономических задач коллектива социалистического предприятия, что и должно составлять основу для хозяйственной организации движения средств.

Накопление основных и оборотных средств осуществляется за счет дополнительных вложений из фонда расширенного воспроизводства, который формируется за счет отчислений от собственной прибыли и поступлений из госбюджета, но принципиальных изменений в сущность оборота авансированной стоимости эти вложения не вносят¹⁹. Увеличение потребности в оборотных средствах может иметь место без накопления основных средств, если, например, изменились условия обращения или рост объема производства продукции происходит в результате лучшего использования основных фондов или их модернизации. Для иллюстрации экономической сущности авансированных средств запишем, например, модель оборота основных средств:

$$\Phi_{t+1} = \Phi_t \Delta \Phi_t - \Delta A_t^n,$$

$$A_{t+1}^n = A_t^n + \Delta A_t^n - \Delta A_t^r,$$

$$A_{t+1}^r = A_t^r + \Delta A_t^r - \Delta A_t^t,$$

$$A_{t+1}^t = A_t^t + \Delta A_t^t - \Delta A_t^p,$$

$$A_{t+1}^p = A_t^p + \Delta A_t^p - \Delta \Phi_t,$$

(1)

где знаком Δ обозначается годовой прирост средств в той или иной форме.

В момент запуска предприятия ($t=1$) имеем: $\Phi_1 = \Delta \Phi_0 = A_0^p = V$, а остальные величины равны нулю. Это означает, что в начале пер-

¹⁹ «Когда D , D' пройдено и D' снова начинает кругооборот, оно фигурирует уже не как D' , а как D , даже если капитализируется вся прибавочная стоимость, заключающаяся в D' », — писал К. Маркс (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 95).

¹³ Павлов П. М. Оборот средств предприятия. Закономерности и методы расчета. М., 1967, с. 91.

¹⁴ Ленская С. А. Указ. соч., с. 112, 115.

¹⁵ Там же, с. 119.

¹⁶ Вальтук К. К. Кругооборот и оборот фондов предприятий. М., 1964, с. 78.

¹⁷ Вальтук К. К. Указ. соч., с. 68.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 185.

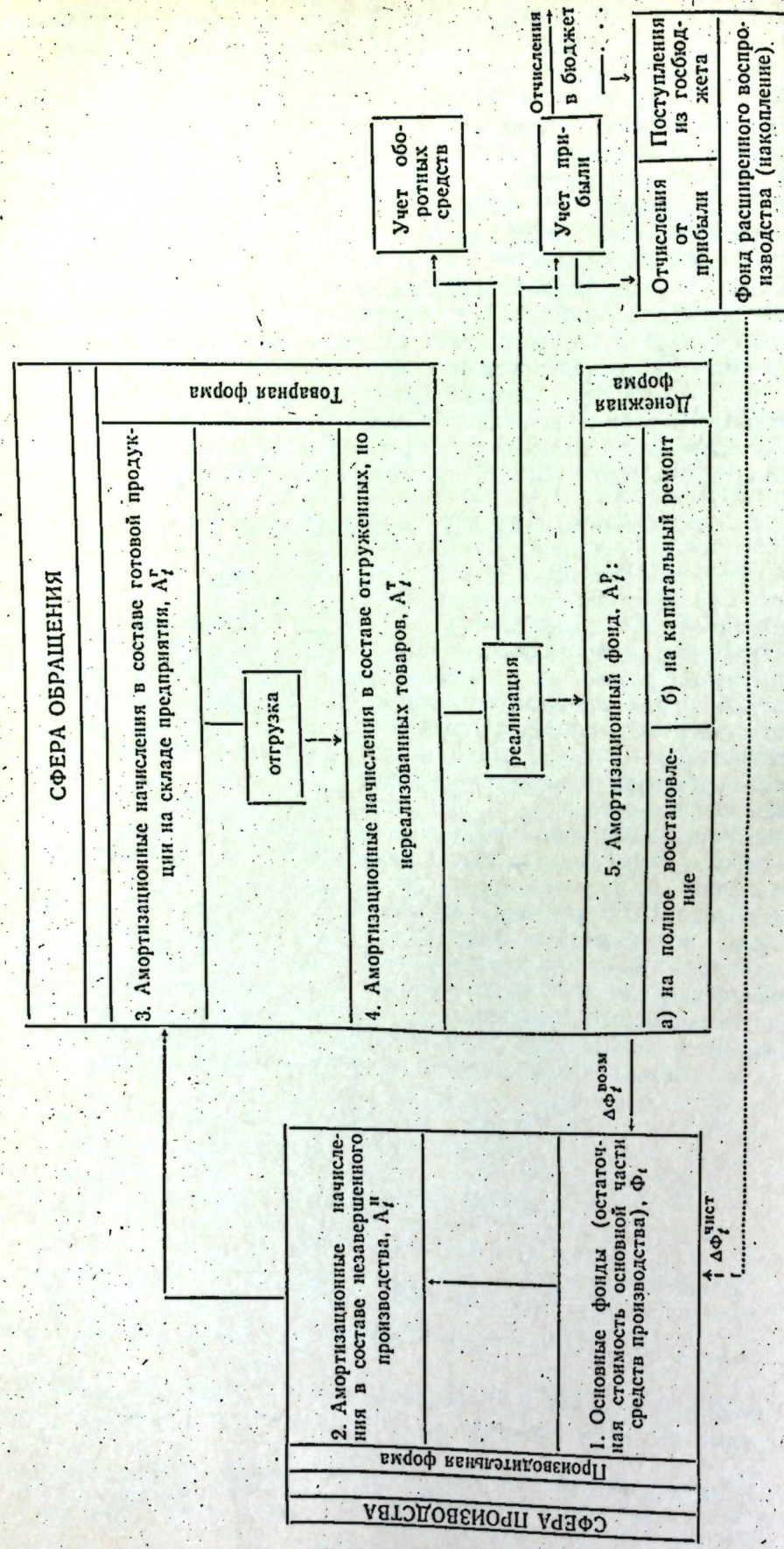

Схема 3. Оборот авансированных основных средств

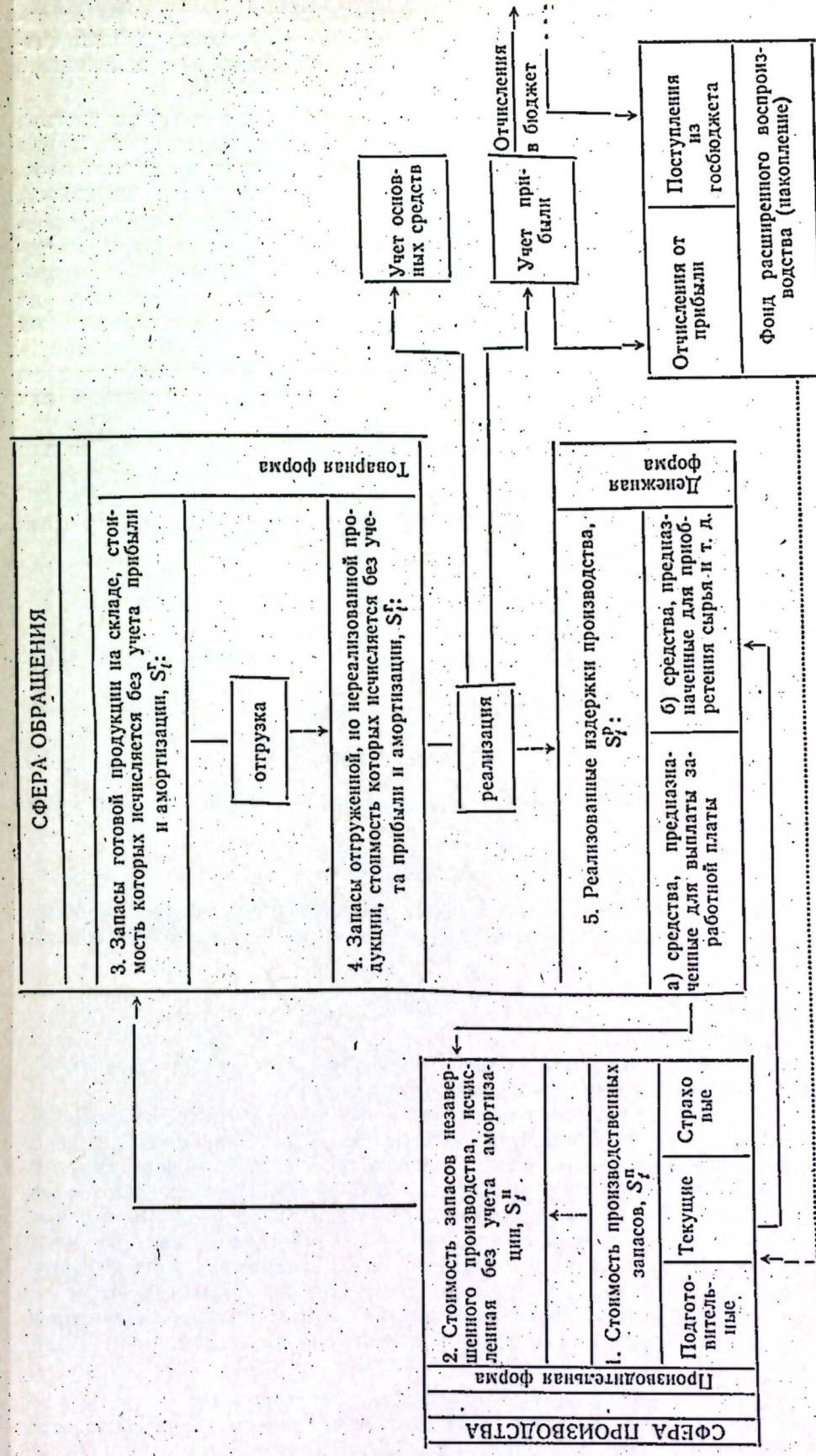

Схема 4. Оборот авансированных оборотных средств

вого года функционирования предприятию были авансированы основные средства в производительной форме ($\Phi_1 = V$), хотя условно считаем, что в момент до запуска ($t=0$) все средства были в денежной форме (счетные деньги), т. е. $A_0^p = \Delta\Phi_0 = V$.

Поскольку основные фонды с точки зрения вещественного состава не однородны по срокам службы, то и обновление средств труда протекает для всех частей не одновременно. Обычно предполагается, что размер годового обновления основных фондов равен их износу, т. е. $\Delta\Phi_t = \Delta A_t^n$. Если $\Delta\Phi_t < \Delta A_t^n$, то это будет означать задержку средств в денежной форме, ибо масса износа непрерывно реализуется через стоимость товарной продукции и оседает в амортизационном фонде. Такое резервирование фонда будет происходить до тех пор, пока не потребуются полной или частичной замены основных средств производства. Кругооборот основных средств будет протекать непрерывно, если на всех этапах имеются необходимые запасы в той или иной форме. Капитальный ремонт мы рассматриваем как частичное возмещение износа основных фондов.

Если рассматривать условия расширенного воспроизводства, то для него ежегодные валовые капитальные вложения обычно записываются как сумма чистых капиталовложений и капиталовложений, возмещающих износ основных фондов²⁰. В нашем случае это будет означать, что

$$\Delta\Phi_t' = \Delta\Phi_t^{\text{возм}} + \Delta\Phi_t^{\text{чист}},$$

где первое слагаемое — вложения из фонда амортизации, а второе — вложения из фонда расширенного воспроизводства.

В модели (1) соответственно изменяется первое и последнее уравнения

$$\Phi_{t+1} = \Phi_t + \Delta\Phi_t' - \Delta A_t^n;$$

$$A_{t+1}^p = A_t^p + \Delta A_t^p - \Delta\Phi_t^{\text{возм}}$$

и добавится еще одно, имитирующее движение фонда расширенного воспроизводства;

$$\hat{\Phi}_{t+1} = \hat{\Phi}_t + \hat{\Delta\Phi}_t - \Delta\Phi_t^{\text{чист}},$$

где $\hat{\Delta\Phi}_t$ — новые поступления в фонд расширенного воспроизводства. Для периода, состоящего из T лет, число оборотов основных средств будет равно

$$n_\Phi = \sum_{t=1}^T \Delta A_t^p / V = \frac{A^p}{V},$$

где A^p — сумма амортизационных начислений в массе продукции, реализованной за рассматриваемый период.

При правильно пронормированных объемах средств, функционирующих в сфере производства и обращения, истощение или, как говорят, «проедание» средств может происходить только вследствие безхозяйственности. Поэтому проблема сохранности средств, как основных, так и оборотных, по-прежнему актуальна, и ее решение в современных условиях может быть обеспечено, в частности, на базе автоматизации учета движения средств на всех стадиях их кругооборота. Но для этого необходимо уточнить существующую практику учета и планирования средств, занятых в хозяйственном обороте. Некоторые конкретные предложения в этом направлении уже сделаны²¹. Пред-

ставленные выше схемы оборота отражают существо процесса в его идеализированном варианте, когда предполагается, что авансированные средства являются «собственными». При восхождении от абстрактных схем индивидуальных оборотов до реальных систем управления финансами на разных уровнях управления следует осуществить детальную разработку таких взаимосвязанных проблем: а) сущность и специфика движения средств, авансируемых на выплату заработной платы; б) разделение оборотных средств на «собственные» и «заемные»; образование и использование ссудного фонда, организация безналичного и наличного денежного оборота; в) использование амортизационного фонда и проблема его «распорядителя»; г) нормирование, планирование и особенности распределения прибавочного продукта в условиях социализма; д) организация отчислений прибыли в бюджет и особенности формирования фондов развития предприятия и т. д.

Решение этих вопросов должно быть проведено на таком уровне, чтобы практическая экономика могла получить в свое распоряжение некоторую исходную укрупненную модель движения всех средств общества, на базе которой возможно было бы осуществить научные эксперименты и проверку идей практикой. На этом пути существует принципиальная возможность построения не только, теоретических основ, но и многих хозяйственных механизмов, составляющих практическое существо политической экономии социализма. Необходимое условие успеха этой работы — четкая координация усилий ученых и практиков.

НИИ систем, Новосибирск

²⁰ Кад и Д. Количественные методы в экономике. М., 1977, с. 167.

²¹ Вальтух К. К. Указ. соч.; Совершенствование хозяйственного механизма развития производства. М., 1978. 248 с.

Л. И. ЛУГАЧЕВА

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОТРАЖЕНИЯ ФОНДООБРАЗОВАНИЯ В ДИНАМИЧЕСКИХ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ МОДЕЛЯХ

Процесс фондообразования следует рассматривать в двух аспектах: по стоимости и по материально-вещественному составу. В экономической литературе преобладает стоимостная интерпретация процесса фондообразования и меньшее внимание уделяется материально-вещественным потокам. Между тем интенсификация общественного производства требует непрерывного обновления основных производственных фондов на более высокой технической основе и в первую очередь их активной части — парка производственного оборудования.

Конкретным шагом в реализации определенного способа отображения материально-вещественного аспекта процесса фондообразования является модель динамического межотраслевого баланса. Необходимой качественной предпосылкой количественного отображения механизма фондообразования служит выделение в номенклатуре модели фондообразующих отраслей¹. Процесс фондообразования в динамических межотраслевых моделях отображается в системе уравнений взаимосвязи валовой продукции фондообразующих отраслей, основных фондов и капитальных вложений. При этом взаимосвязь между динамикой продукции фондообразующих отраслей и основных производственных фондов опосредована динамикой объема и структуры капитальных вложений. Модель динамического межотраслевого баланса позволяет не только исследовать процесс фондообразования как таковой, но и оценить его влияние на темпы развития экономики страны: эффективность процесса фондообразования в конечном счете находит свое отражение в темпах роста совокупного общественного продукта, конечного продукта и национального дохода.

Отображение воспроизводственных взаимосвязей валовой продукции фондообразующих отраслей, капитальных вложений и основных фондов обладает в каждой модели своей спецификой, которая заключается в способе моделирования различных структур основных фондов и капитальных вложений: воспроизводственной, структуры по степени завершенности строительства и технологической.²

¹ В литературе состав группы фондообразующих отраслей трактуется неоднозначно. К фондообразующим отраслям относят строительство, машиностроение и металлообработку, а также сырьевые фондообразующие отрасли — лесную и деревообрабатывающую промышленность и промышленность стройматериалов. См.: Иванов Е. И. Воспроизводство основных производственных фондов в условиях научно-технической революции. — В кн.: Закономерности расширенного социалистического воспроизводства. М., 1977, с. 181—183. О. Д. Проценко и Г. П. Симакова фондообразующими отраслями считают машиностроение и металлообработку, строительство, сельское хозяйство и лесное производство. См.: Проценко О. Д., Симакова Г. П. Межотраслевая структура основных фондов. М., 1968, с. 108. В данной работе в качестве фондообразующих отраслей будут рассматриваться две: машиностроение (в части производства машин и оборудования) и строительство (в части создания зданий и сооружений), поскольку основную массу фондов производят именно эти две отрасли.

В классе укрупненных межотраслевых динамических моделей, независимо от особенностей предлагаемой интерпретации процесса фондообразования, общим является то, что в качестве фондосоздающих отраслей предусматриваются только две отрасли: производство готовых машин и оборудования и выпуск готовых зданий и сооружений. Возможность приступить к расширению в этих моделях блока фондосоздающих отраслей появилась благодаря опубликованию отчетного межотраслевого баланса основных производственных фондов за 1966 и 1972 гг. Цель данной статьи — обоснование необходимости дифференциации фондосоздающих отраслей, что весьма актуально в условиях перехода к интенсивному типу воспроизводства.

Разукрупнение фондосоздающих отраслей в рамках указанного типа моделей позволяет точнее отражать связи и пропорции в развитии фондосоздающих и фондопотребляющих отраслей. Между тем на практике допускается несогласованность процессов фондообразования и фондопотребления. Так, в недавнем прошлом спрос химической промышленности на оборудование удовлетворялся на 50—70%³.

Следует отметить, что построение динамической межотраслевой модели с блоком фондосоздающих отраслей — не единственный метод учета взаимосвязанного развития фондосоздающих и фондопотребляющих отраслей. Например, М. Я. Лемешев и А. И. Панченко считают, что посредством построения единой модели крупного межотраслевого комплекса можно рассматривать совместно перспективы и условия развития указанных отраслей⁴. Этот подход интересен для оптимизации развития отдельных народнохозяйственных комплексов и групп отраслей, участвующих в реализации экономических программ. Однако нередко отдельные отрасли в составе таких комплексов представлены только частью своих производств. Это порождает целый ряд организационных и информационных трудностей. Так, разделение отрасли на машиностроение, находящееся в ведении многоотраслевых комплексов, и на общее машиностроение в значительной степени способствует решению основной задачи производства — удовлетворению потребностей народного хозяйства. Однако при этом, с одной стороны, могут быть ослаблены связи внутри машиностроения, обеспечивающие проведение единой технической политики, унификацию и стандартизацию, а также создание заготовительной и вспомогательной базы. С другой стороны, так называемое общее машиностроение может (во всяком случае теоретически) развиваться, игнорируя интересы потребителей продукции конечных отраслей машиностроения⁵.

По мере удовлетворения производственных потребностей дефицит средств труда приобретает частный характер. Несбалансированность производства и потребностей по объему уступает место структурно-ассортиментной несбалансированности⁶. Между тем при выделении

² Б. М. Смехов рассматривает еще хронологическую структуру капитальных вложений. Речь идет об удельных весах тех частей общего объема капитальных вложений, которые различаются по календарным срокам строительства объектов капитальных вложений. Хронологическая структура капитальных вложений свойственна лишь полностью динамическим межотраслевым моделям (модели А. А. Конюса, В. А. Волконского, Э. Ф. Баранова). См.: Вопросы экономики, 1973, № 6, с. 27—28.

³ Планирование химизации народного хозяйства. М., 1978, с. 77.

⁴ См.: Лемешев М. Я., Панченко А. И. Комплексные программы в планировании народного хозяйства. М., 1973, с. 40—41.

⁵ Бажанов В. А., Курбатова Г. Я., Шкрабин Л. Я. О возможных подходах к постановке задачи развития машиностроения с учетом форм обобществления производства. — В кн.: Оптимизация планов развития и размещения обрабатывающих отраслей промышленности. Новосибирск, 1977, с. 51—63.

⁶ Вальтух К. К., Хохлушкин Н. Н. К методологии экономико-математического моделирования процессов развития отдельных отраслей производства средств производства. — В кн.: Модели и методы оптимального развития и размещения производства. Науч. тр. НГУ, вып. 3. Новосибирск, 1965, с. 26—52.

лишь двух фондосоздающих отраслей в рамках модели динамического межотраслевого баланса структура потребностей в средствах труда определяется весьма агрегированно. Кроме того, для всех фондосоздающих отраслей машиностроения рассчитывается одинаковый темп роста продукции, что противоречит действительности: для нее характерна неравномерность технического прогресса в различных отраслях хозяйства.

Далее. В упомянутых моделях не отражаются существенные различия в структуре активной части фондов внутри как фондосоздающих (машиностроение, строительство), так и нефондосоздающих отраслей. Так, в 1972 г. в активной части основных производственных фондов машиностроения на долю металлорежущих и деревообрабатывающих станков, кузнечно-прессового, энергетического и электротехнического, подъемно-транспортного оборудования приходилось 73,9% стоимости активной части основных производственных фондов, в то время как в фондах сельского хозяйства (нефондосоздающие отрасли) — только 9,9%⁷.

Эффективное осуществление процесса воспроизводства основных фондов предполагает, что каждой фондопотребляющей отрасли необходимо поставить фонды заданной структуры, которая определяется технологическими особенностями производства этой отрасли. Обычно под технологической структурой основных фондов понимают лишь их разделение на здания (сооружения) и оборудование. Однако предпочтительнее рассматривать более дробный материально-вещественный состав основных фондов: чем детальнее будет номенклатура продукции фондосоздающих отраслей в модели, тем конкретнее она будет отражать технологическую структуру основных производственных фондов в каждой отрасли, а следовательно, более корректно аппроксимировать процесс фондообразования по материально-вещественному составу.

Учитывая сказанное, следует, на наш взгляд, в структуре динамических межотраслевых моделей отразить дифференциацию фондосоздающих отраслей, в частности машиностроения. Существует два подхода к такой дифференциации: дезагрегация фондосоздающих отраслей после решения задачи по динамической межотраслевой модели и построение блока фондосоздающих отраслей в рамках модели. Вероятно, оба направления правомерны.

Первый подход предложен Д. М. Палтеровичем на основе модели Ф. Н. Ключова⁸. Он состоит в следующем: после определения объема капитальных вложений в активную часть основных фондов в каждом данном году, уже за рамками модели в ходе решения системы уравнений находятся объемы производства фондосоздающих отраслей машиностроения (конкретных видов оборудования). Однако Д. М. Палтерович не установил критерий и границы дезагрегации: будут ли капитальные вложения дезагрегироваться с ориентацией на группы машин и оборудования, выделенных в межотраслевом балансе основных фондов, или дезагрегация вложений будет осуществляться по группам оборудования общего и отраслевого назначения, будет ли проводиться дальнейшая дезагрегация по видам, типам и моделям машин и т. д. Кроме того, нам представляется, что объемы производства фон-

⁷ Народное хозяйство СССР в 1974 году. М., 1975, с. 62—81.

⁸ Идея дифференциации фондосоздающих отраслей машиностроения в рамках рекуррентной динамической межотраслевой модели, разработанной в НИЭИ Госплана СССР, высказана Ф. Н. Ключовым и В. Н. Кириченко. Кириченко В. Н., Ключов Ф. Н. Межотраслевой баланс как инструмент перспективного планирования и прогнозирования темпов и пропорций экономического развития. Тез. Юбил. конф. «Балансовые методы в анализе и планировании социалистической экономики», 15—17 ноября 1976 гг. М., 1976.

⁹ Палтерович Д. М. Планирование потребностей в оборудовании. М., 1972, с. 56—60.

досоздающих отраслей необходимо определять с учетом выделения ремонтных отраслей, что не предусматривается автором данного метода.

Второй возможный подход¹⁰ разрабатывается в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Дифференциация фондосоздающих отраслей машиностроения может быть достигнута на основе некоторого преобразования 37-отраслевой укрупненной динамической межотраслевой модели¹¹.

Эта модель базируется на динамической схеме воспроизводства, отражающей материально-вещественный состав продукции и фондов, и реализуется в настоящее время на реальной информации¹².

При формировании развернутой номенклатуры фондосоздающих отраслей (номенклатуры различных видов технологического оборудования) в качестве критерия предлагается использовать такой принцип, чтобы каждой нефондосоздающей отрасли соответствовала по крайней мере одна фондосоздающая подотрасль машиностроения. Так, например, отрасли «легкая промышленность» должно соответствовать «производство готового оборудования для легкой промышленности» и т. д.

Благодаря дифференцированному представлению фондосоздающих отраслей машиностроения открывается возможность шире охватить особенности и структуру производства средств труда в рамках прежней математической формы межотраслевой модели, дополнить расчеты данными о развитии фондосоздающих отраслей машиностроения, структуре активной части основных фондов, приростах фондов по видам, учесть технологическую сопряженность основных фондов в каждой отрасли. Представляется, что модель с блоком фондосоздающих отраслей может выполнять функции модели, задающей пропорции-ориентиры производства средств труда.

В такой модели общий объем оборудования будет расшифрован в разрезе конкретных отраслей-производителей. В связи с этим в рамках рассматриваемой модели появляется возможность построения межотраслевого баланса основных фондов за каждый год. Межотраслевые балансы основных фондов будут показывать объем и структуру основных фондов, посредством которых отрасли народного хозяйства производят конечную продукцию в каждом году планового периода. Использование в аналитических целях модели динамического межотраслевого баланса с дифференцированным блоком фондосоздающих отраслей машиностроения позволит выяснить, как изменение структуры производства средств труда повлияет на темпы роста отдельных отраслей промышленности народного хозяйства, исследовать, в частности, влияние разных вариантов развития фондосоздающих отраслей машиностроения на результирующие характеристики II подразделе-

¹⁰ Здесь накоплен определенный опыт дезагрегации отдельной отрасли в рамках модели динамического межотраслевого баланса (на примере лесной и деревообрабатывающей промышленности. См.: Атамас В. Г., Костецкая Л. А. Учет межотраслевых связей и внутриотраслевых пропорций при оптимизации развития отдельной отрасли. — В кн.: Оптимизация планов развития и размещения обрабатывающих отраслей промышленности. Новосибирск, 1977, с. 17—53). В секторе развития и размещения отраслей машиностроения осуществлялась дезагрегация отрасли «Машиностроение и металлообработка» в рамках оптимизационной межотраслевой межрайонной модели.

¹¹ Озеров В. К. Вопросы использования динамических моделей межотраслевого баланса в анализе и прогнозе динамики воспроизводства. — Изв. СО АН СССР, 1976, № 1. Сер. обществ. наук, вып. I, с. 8—15.

¹² С помощью этой модели был осуществлен ретроспективный анализ динамики воспроизводства за 1951—1975 гг. См.: Озеров В. К. Темпы и пропорции расширенного социалистического воспроизводства в СССР. Новосибирск, 1978. Совместно со сводным отделом перспективного и народнохозяйственного плана Госплана СССР формировались и анализировались варианты прогноза темпов и пропорций развития народного хозяйства СССР на предварительном этапе разработки перспективного народнохозяйственного плана на десятилетку (1976—1980 гг.); аналогичная работа ведется и ныне.

ния общественного производства. Вместе с тем данная модель позволит проанализировать обратное влияние определенных стратегий экономического развития на динамику важнейших характеристик фондосоздающих отраслей за среднесрочный период.

Для долгосрочного прогнозирования развития фондосоздающих отраслей на основе модели динамического межотраслевого баланса целесообразно агрегировать модель, используя при этом максимально агрегированную информацию о нефондосоздающих отраслях (например, представить в модели следующие отрасли: фондосоздающие отрасли, сырьевые отрасли и прочие отрасли промышленности, строительство, сельское хозяйство, транспорт и связь, прочие отрасли материального производства) и по возможности упростить описание нормативной базы модели. Так, возможна модификация модели в которой сохраняются все нормативные коэффициенты фондосоздающих отраслей, а нормативные коэффициенты прочих отраслей агрегируются.

Выбор конкретного варианта дифференцированной номенклатуры фондосоздающих отраслей модели динамического межотраслевого баланса должен проводиться, на наш взгляд, на основе сравнительного анализа, номенклатуры отчетных межотраслевых балансов продукции и фондов, анализа межотраслевых связей фондообразующих отраслей машиностроения, поскольку номенклатура дифференцированного блока фондосоздающих отраслей машиностроения в значительной степени предопределяет вопросы информационной обеспеченности как исходной балансовой базы, так и основных параметров модели. Формирование исходной балансовой базы и нормативной информации для расчетов по модели с дифференцированным блоком фондосоздающих отраслей требует тщательного анализа темпов и пропорций фондосоздающих отраслей за отчетный период в номенклатуре и по методологии укрупненной модели межотраслевого баланса, динамики отраслевой структуры активной части основных производственных фондов, а также динамики ее фондоотдачи в различных отраслях народного хозяйства.

В ходе всестороннего анализа был сформирован блок фондосоздающих отраслей машиностроения. Номенклатура блока включает 15 производств различных видов машин и оборудования: производство электротехнического и энергетического оборудования; производство металлорежущих и деревообрабатывающих станков; производство кузнечно-прессового оборудования; производство бурового оборудования; технологического оборудования для металлургической промышленности, включая литейное, горнорудной, нефте- и газодобывающей, нефтеперерабатывающей и торфяной промышленности; производство насосно-компрессорного и холодильного оборудования, оборудования и аппаратуры для химической промышленности; производство технологического оборудования для лесной и бумажной промышленности, легкой и пищевой промышленности; производство оборудования для промышленности строительных материалов; производство тракторов и сельскохозяйственных машин; производство приборов и инструментов; производство подъемно-транспортного оборудования; производство оборудования для строительных и дорожных работ; производство транспортных средств; производство прочих машин и оборудования.

В настоящее время в секторе межотраслевых связей и динамики народного хозяйства Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР сформирована исходная информация и проводятся экспериментальные расчеты по варианту укрупненной межотраслевой модели с избранным блоком фондосоздающих отраслей на ЭВМ БЭСМ-6¹².

Институт экономики и организации промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск

¹² Алгоритм и программа канд. физ.-мат. наук В. Н. Павлова.

А. В. КОРИЦКИЙ

ПЛАТЕЖИ ЗА РАБОЧУЮ СИЛУ И ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА¹

Экономическая эффективность — важнейшая характеристика общественного производства, и проблемы ее измерения находятся в центре внимания советских экономистов. Точность измерения эффективности производства тесно связана с точностью измерения издержек производства, в частности, — затрат живого труда. К сожалению, количественный анализ этого элемента издержек, несмотря на большое количество работ, развит еще не в достаточной степени. Можно согласиться с Г. М. Сорокиным, отмечающим, что «содержание категории «экономическая эффективность» обычно не раскрывается полностью, так как остается в стороне эффективность воспроизводства рабочей силы, а изучение ее использования сводится к изучению только производительности живого труда. Между тем, здесь... надо видеть две стороны — эффективность воспроизводства рабочей силы и эффективность ее использования»².

Действительно, с воспроизводственной точки зрения потребление материальных и духовных благ населением является потребительским производством, или вторым видом производства, как отмечал еще К. Маркс³. Результат этого производства — рабочая сила — является ресурсом общего пользования, и эффективность ее использования, например в сфере материального производства, может быть определена лишь при наличии экономической оценки рабочей силы по затратам ее воспроизводства. Очевидна явная недостаточность всевозможных «натуральных» измерителей рабочей силы, не отражающих ни издержки ее воспроизводства, ни эффективность ее использования, что отмечают некоторые авторы⁴.

Не дает удовлетворительной точности также стоимостной измеритель затрат живого труда — заработная плата (вместе с отчислениями на социальное страхование), так как не отражает в полной мере даже затрат необходимого труда. Как отмечал академик С. Г. Струмилин: «Необходимый продукт не перестает быть таковым лишь потому, что он поступает советскому человеку не только в денежной форме, а и в натуре, в форме бесплатных медикаментов и услуг врача и тому подобных ценностей...»⁵ Поскольку в издержках предприятий и орга-

¹ Печатается в порядке постановки вопроса (Ред.).

² Сорокин Г. М. Эффективность социалистического производства (Вопросы теории). — Плановое хозяйство, 1978, № 9, с. 120.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 719; т. 46, ч. I, с. 27.

⁴ Сорокин Г. М. Указ. соч.; Будянский Г. Г. Об экономическом значении и стимулирующей роли показателя рентабельности трудовых затрат. — Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1978, № 5, с. 33—34; Мудрецов А. Ф., Шаргунов Е. Г. Вопросы эффективности трудовых ресурсов в экономико-математических моделях. — В кн.: Воспроизводство населения и трудовых ресурсов. М., 1976, с. 264.

⁵ Струмилин С. Г. Соч., т. 5, с. 129—130.

низаций не отражается в полном объеме стоимость необходимого продукта, хозрасчетные издержки производства занижаются по сравнению с общественными. Рост же фондов общественного потребления, при сохранении существующего порядка их формирования, способствует усилению этого явления. Это свидетельствует о несовершенстве существующего финансового механизма формирования фондов общественного потребления, так как можно предположить, что издержки предприятий в принципе не должны зависеть от форм распределения фонда потребления.

Можно выделить три основные группы предложений по совершенствованию методов формирования фондов общественного потребления. Во-первых, отмечается необходимость отражения в себестоимости полных затрат государства на воспроизводство рабочей силы путем введения платежей за нее, учитываемых в издержках предприятий⁶. Основной аргумент в пользу этого мнения состоит в том, что издержки воспроизводства рабочей силы входят в стоимость необходимого продукта и, следовательно, должны включаться в себестоимость продукции и возмещаться за ее счет. Предполагается также, что в результате введения этих платежей повысится заинтересованность предприятий в экономии рабочей силы.

Во-вторых, рекомендуется ввести специальные отчисления из заработной платы, размер которых позволял бы погашать расходы государства на воспроизводство рабочей силы⁷. Следует иметь в виду, что указанные предложения внедрены в практику хозяйственного расчета в европейских странах — членах СЭВ⁸. В-третьих, предлагается усилить экономическую заинтересованность предприятий в эффективном использовании рабочей силы путем введения платы за рабочую силу из прибыли предприятий⁹. При этом В. А. Волконский, Н. В. Павлов и В. Г. Ткач считают, что платежи за рабочую силу из прибыли могут характеризовать лишь нормативную эффективность расходов государства на подготовку специалистов с высшим образованием.

По мнению В. К. Ситнина, круг затрат, включаемых в себестоимость продукции, должен быть расширен: в себестоимости необходимо отражать расходы по изысканию и восстановлению природных ресурсов, прикладным научным исследованиям, подготовке квалифицированной рабочей силы. Однако он считает спорным тезис о том, что «такие общегосударственные расходы, как расходы по содержанию престарелых, здравоохранению, народному просвещению, никак не связанные с уровнем работы предприятия и не оказывающие никакого влияния на качество его работы должны включаться в его затраты»¹⁰. Между тем от расходов государства на просвещение, здравоохранение и т. п. зависит количество и качество производимой рабочей силы.

⁶ Федоренко Н. П. Оптимизация экономики. М., 1977, с. 263; Медведев В. А. Общественное производство и сфера услуг. М., 1968, с. 178; Петраков Н. Я. Экономические условия роста эффективности работы крупных объединений в промышленности. М., 1975, с. 113.

⁷ Струмилин С. Г. Соч., т. 5, с. 132; Бунин П. Г. Проблемы хозяйственного расчета и финансов в условиях реформы. М., 1970.

⁸ Хозяйственный расчет в социалистической экономике. М., 1976, с. 47, 114. ⁹ Ракитский Б. Экономические функции платы за ресурсы. — Вопросы экономики, 1966, № 12; Система моделей оптимального планирования. М., 1975, гл. 10; Волконский В. А., Павлов Н. В., Ткач В. Г. Об эффективности трудовых ресурсов и платежах за их использование. — Экономика и математические методы, 1978, т. 14, № 1; Еловиков Л. А. Социально-экономические закономерности воспроизводства рабочей силы при социализме. Новосибирск, 1974, с. 149; Хозяйственный расчет в социалистической экономике. М., 1976, с. 50—51.

¹⁰ Ситнин В. К. Проблемы совершенствования системы стимулирования и цепообразования. — В кн.: Совершенствование системы хозяйственного расчета в отраслях промышленности. М., 1975, с. 266.

ранение и т. п. зависит количество и качество производимой рабочей силы.

По нашему мнению, формирование общественных фондов потребления за счет начислений или налога на заработную плату, по-видимому, не позволит достаточно точно отразить расходы государства на воспроизводство рабочей силы в издержках предприятий по следующим причинам.

Во-первых, распределение значительной части фондов общественного потребления идет либо равномерно (например, расходы на здравоохранение, общее образование и т. п.), либо по профессионально-квалификационному признаку (например, расходы на профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образование), и дифференциация их размеров в расчете на одного работника может не совпадать с дифференциацией заработной платы.

Во-вторых, в издержках предприятий следует отражать лишь издержки простого воспроизводства рабочей силы, а так как часть расходов государства идет на расширенное воспроизводство рабочей силы, то соответствующие им платежи должны поступать из прибыли предприятий.

Поэтому было бы целесообразно ввести два вида платежей за рабочую силу, а также повысить нормативы отчислений на социальное страхование, чтобы в сумме они полностью обеспечивали расходы государства на воспроизводство рабочей силы. Ставки платежей за рабочую силу работника определенной категории могут быть дифференцированы по экономическим районам и профессионально-квалификационным группам. Дифференциация платежей должна производиться в соответствии с дифференциацией издержек производства потребляемых населением бесплатных услуг в разных районах страны для разных профессионально-квалификационных групп и в соответствии с ростом их потребления по времени.

Методы расчета платежей за рабочую силу. Величина компенсационных платежей за рабочую силу работников той или иной профессиональной группы может быть определена по формуле, выведенной из условий: а) равенства расходов государства на воспроизводство рабочей силы данного работника за время его жизни сумме платежей предприятий за время его трудовой деятельности; б) постоянства величины платежа.

$$A_{jh}^t = \frac{\sum_{i=t-\tau}^{\infty} \frac{C_i^j \cdot P_{i-\tau}^{jh}}{(1+E_{н.п})^{i-t+\tau}}}{\sum_{i=t-\tau+t_1}^{\infty} \frac{P_{i-\tau,t}^{jh}}{(1+E_{н.п})^{i-t+\tau}}}$$

где A_{jh}^t — величина компенсационного платежа за рабочую силу в году t члена j -й профессионально-квалификационной группы возраста τ в k -м районе; C_i^j — объем годового потребления бесплатных услуг членом j -й группы в k -м районе в возрасте i году, соответствующих индексу i ; $P_{i-\tau,t}^{jh}$ — коэффициенты доживания от момента рождения до соответствующего возраста; t_1 и t_2 — возраст вступления в трудовую деятельность и возраст выхода из нее; $E_{н.п}$ — норматив приведения затрат во времени.

В практических расчетах удобнее пользоваться модифицированной формулой, в которой не требуется информация за все годы жизни рассматриваемой когорты данной профессиональной группы. В ней горизонтальный срез по возрастам данной когорты заменен вертикаль-

ным — по разным когортам в данном году. В результате получается более простая формула без дисконтирования

$$a_{jh}^t = \frac{\sum_{i=1}^{\infty} C_{ih}^t \cdot P_{oi}^{jh}}{\sum_{i=1}^{t_2} P_{oi}^{jh}}$$

Величина платежей из прибыли за рабочую силу, занятую на предприятии, может определяться по следующей формуле:

$$\Pi_t^k = \alpha \sum_{j=1}^h \sum_{\tau=t_1}^{t_2} n_{\tau=t_2}^{jh} \cdot K_{\tau t}^{jh}$$

где Π_t^k — объем платежей из прибыли предприятия k -го района в t -м году; α — норматив платы за рабочую силу; $n_{\tau=t_2}^{jh}$ — численность занятых в t -м году на предприятии k -го района работников возраста τ — членов j -й профессионально-квалификационной группы; $K_{\tau t}^{jh}$ — капитальная оценка рабочей силы.

Величина капитальной оценки рабочей силы определяется по накопленному к возрасту работника объему приведенных к году t затрат государства на производство рабочей силы данного работника и рассчитывается по формуле

$$K_{\tau t}^{jh} = \sum_{i=0}^{\tau} \frac{C_{i-\tau+i}^{jh} (1 + E_{н.п})^{\tau-i}}{P_{it}^{jh}}$$

где P_{it}^{jh} — коэффициент доживания от возраста i до возраста τ члена j -й профессиональной группы в k -м районе.

Так как в расчетах желательно избежать привлечения большого объема статистической и прогнозной информации за несколько десятков лет, то целесообразно воспользоваться модифицированной формулой для расчета оценки рабочей силы, т. е.

$$K_{\tau t}^{jh} = \sum_{i=0}^{\tau} \frac{C_{ii}^{jh}}{P_{it}^{jh}}$$

В этой формуле затраты берутся для разных возрастных групп данной профессионально-квалификационной группы в текущем (или плановом) году, а не за разные годы, поэтому нет необходимости в соизмерении затрат во времени. Легко убедиться, что эти формулы при выполнении определенных условий оказываются идентичными. Первым условием является постоянство во времени коэффициентов доживания. Вторым условием является неизменность временной структуры затрат на производство рабочей силы разных когорт данной профессиональной группы, и третьим — рост годовых объемов потребления бесплатных услуг с постоянным темпом $p = 1 + E_{н.п}$, чтобы выполнялось равенство

$$C_{i-\tau+i} = C_{ii} \cdot p^{-(\tau-i)} = C_{ii} (1 + E_{н.п})^{-(\tau-i)} \quad 11$$

Величина капитальной оценки рабочей силы будет повышаться как с уровнем образования, необходимым для работы по данной профессии (и, соответственно, уровнем совокупных затрат на получение этого образования), так и с общим ростом потребления бесплатных услуг, например, услуг учреждений здравоохранения, культуры, дошкольного

¹¹ Это условие относится также к соответствующим формулам для расчета компенсационных платежей за рабочую силу.

воспитания и т. п., необходимых для физического или общекультурного развития человека.

Функции платежей за рабочую силу. Введение компенсационных платежей за рабочую силу и повышение нормативов отчислений на социальное страхование позволит уловить часть стоимости необходимого продукта, создаваемого на данном предприятии, и приблизить величину издержек предприятий к общественным издержкам вследствие более полного учета в себестоимости реальных издержек простого воспроизводства рабочей силы. Данные меры и введение платежей за рабочую силу из прибыли позволят повысить заинтересованность предприятий в более экономном использовании рабочей силы.

Платежи за рабочую силу из прибыли предприятий позволят уловить ту часть стоимости прибавочного продукта, которая может быть отнесена к эффекту систем просвещения, среднего специального и высшего образования, здравоохранения и других учреждений непроизводственной сферы. Размеры этих платежей, по-видимому, могут определяться нормативной эффективностью затрат государства на содержание и развитие учреждений непроизводственной сферы.

Можно выделить следующие функции платежей за рабочую силу: учетную, распределительную и стимулирующую. Например, компенсационные платежи и повышенные нормативы отчислений на социальное страхование могут выполнять учетную и распределительную функции точно так же, как ее выполняют в настоящее время при соизмерении затрат и результатов в материальном производстве амортизационные отчисления и отчисления на социальное страхование, заработная плата и т. п. Платежи за рабочую силу из прибыли могут выполнять учетную и распределительную функции наравне с платой за производственные фонды, процентом за кредит и т. п. Третью функцию, стимулирующую, компенсационные платежи и отчисления на социальное страхование могут выполнять как составная часть себестоимости, влияющая на размер прибыли и, следовательно, фондов материального стимулирования, а также как элемент фондообразующих показателей.

Одна из важных задач совершенствования хозяйственного механизма в этом плане — согласование стимулов к экономии живого труда со стимулами к экономии овеществленного, что требует разработки методов и моделей исследования взаимосвязи процессов воспроизводства рабочей силы и средств производства.

На величину экономических оценок рабочей силы влияют различия в уровнях затрат на воспроизводство рабочей силы разной квалификации. Учет этого фактора особенно актуален в условиях научно-технической революции. Внедрение новой техники сопровождается повышением требований к рабочей силе, использующей ее. Возрастают требования к уровню профессионального и общего образования, квалификации, в целом к степени развитости рабочей силы, что сопровождается увеличением расходов общества на воспроизводство рабочей силы. Эти расходы в значительной части производятся за счет фондов общественного потребления и не учитываются в расчетах экономического эффекта, получаемого от внедрения новой техники. Также не вызывает сомнений, что повышение эффективности действующих и ускорение освоения мощностей новых предприятий зависит от уровня квалификации, образования и общей культуры занятых на данном предприятии работников. Следовательно, в экономических расчетах эффективности производства необходим учет полных издержек воспроизводства рабочей силы, в том числе затрат из общественных фондов потребления.

Р. В. РЫВКИНА, М. Л. СУХОВСКИЙ

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (на примере сибирской деревни)

Цель нашего исследования — определение характера дифференциации населения сибирской деревни по типам материального потребления и взаимосвязи этой дифференциации и внешних социально-экономических факторов, отражающих условия жизни сельского населения Западной Сибири.

Под материальным потреблением мы понимаем обеспеченность индивида или семьи благами, необходимыми для удовлетворения материальных потребностей, а также деятельность, направленную на получение и присвоение этих благ¹. Если общий уровень потребления определяется состоянием глобальных факторов (производство объектов личного потребления и др.), то дифференциация потребления у различных категорий населения зависит преимущественно от локальных факторов, характеризующих разные регионы страны и группы населения. Применительно к деревне главными из них признаются особенности мест жительства и мест приложения труда, размер доходов, численность и состав семей.

Проблематика материального потребления в экономической и социологической литературе разрабатывается весьма активно. При этом в качестве «выходных» показателей до недавнего времени использовались либо отдельные виды благ — продуктов питания (мясо, молоко, масло и т. п.) или вещей (холодильник, стиральная машина и др.)², либо агрегированные товарные группы³. В последние годы стали появляться работы, где в качестве «выходных» показателей материального потребления выступают его многомерные типы, характеризующие разные группы семей⁴.

Исследования типологического характера различаются теми показателями, на базе которых строятся типологии. В одних случаях типы строятся на базе данных о структуре расходов семей⁵, в других — на базе данных о соотношении материального и духовного потребления⁶. Специфика нашего подхода к построению типологии определялась теми проблемами, которые актуальны для сибирской деревни. За последнее время уровень благосостояния ее населения заметно вырос. Особенно это касается дохода. С 1972 по 1977 г. совокупный душевой доход семей

¹ Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1977, с. 132.

² Проблемы народнохозяйственного оптимума. 13, 3, ч. II. Новосибирск, 1973, с. 232—275.

³ Вопросы изучения и методы прогнозирования спроса сельского населения. М., 1973, с. 58—61.

⁴ Типология потребления. М., 1978.

⁵ Там же.

⁶ Проблемы преодоления социально-экономических различий. М., 1978, с. 132.

На основе учета издержек производства рабочей силы могут быть получены два вида экономических оценок рабочей силы — текущая и капитальная. Текущая оценка рабочей силы на практике может быть выражена в виде суммы ряда величин: заработной платы и отчислений на социальное страхование, компенсационных платежей за рабочую силу и платежей за рабочую силу из прибыли. Капитальная оценка рабочей силы характеризует всю сумму государственных вложений в воспроизводство рабочей силы, что делает ее сопоставимой со стоимостной оценкой производственных фондов предприятий.

Введение платежей за рабочую силу может происходить в рамках более широкой перестройки хозяйственного механизма, необходимой для более полного согласования коллективных, личных и общественных интересов и увеличения стимулов предприятий к росту производства и повышению его эффективности. Один из аспектов этой проблемы касается порядка распределения прибыли. Различные методы распределения прибыли активно обсуждаются советскими экономистами, например возможность перехода к нормативному методу распределения прибыли. Существующий в настоящее время порядок взносов свободного остатка прибыли в бюджет не создает заинтересованности предприятий в увеличении прибыли. Нормативный же метод значительно повышает заинтересованность предприятий в росте прибыли, но может быть введен лишь в комплексе с другими мероприятиями, в частности с расширением прав предприятий на использование остающейся у них прибыли для развития производства и материального стимулирования.

В результате введения платежей за рабочую силу и повышения отчислений на социальное страхование может быть значительно усовершенствована система двух уровней цен — на средства производства и предметы потребления — за счет значительного снижения роли налога с оборота в финансовой системе, а также ликвидации взносов свободного остатка прибыли, вытесняемых платежами за рабочую силу и налогом на прибыль.

Введение платежей за рабочую силу и налогового метода распределения чистой прибыли в комплексе с другими мероприятиями должно способствовать дальнейшему совершенствованию хозяйственного механизма социалистического общества.

Институт экономики и организации промышленного производства
СО АН СССР,
Новосибирск

вырос на 29%, причем заработная плата — на 22%, душевой доход от личного подсобного хозяйства — на 17%, доход из общественных фондов потребления — в 1,5 раза. Значительно увеличилась обеспеченность дорогостоящими предметами длительного пользования: автомашины имели в 1972 г. 1,8% семей, в 1977—6,8%; телевизоры — 42 и 70%, холодильники — 11 и 52, пылесосы — 2,5 и 17, магнитофоны — 2,6 и 10%. Следовательно, потребности сельского населения становятся все более разносторонними, уровень их развития быстро приближается к достигнутому в городах. Однако эти тенденции сдерживаются особенностями продовольственного потребления жителей деревни. Если горожанин питается в основном за счет торговой сети и рынка, то сельский житель большую долю продуктов производит сам, в личном подсобном хозяйстве, что отражается на других составляющих материального потребления, определяя степень его развитости. Отсюда задача типологии — установить степень развитости материального потребления с учетом отношения продовольственного и непродовольственного потребления, а также двух источников приобретения продуктов питания — покупки и производства в личном подсобном хозяйстве.

Критерии оценки развитости применительно к продовольственному и непродовольственному потреблению различны. Социально-экономическая оценка развитости продовольственного потребления наиболее адекватно отражается соотношением товарного и натурального источников. Наряду с покупкой продуктов в магазине в анализ была включена их покупка в колхозе (совхозе). Степень развитости продовольственного потребления мы устанавливаем в зависимости от того, какой из источников использует та или иная семья. При этом принимается, что товарное потребление отражает более высокий уровень развитости, чем натуральное. Этот критерий соответствует общепринятой оценке личного подсобного хозяйства как источника производства продуктов, который хотя и необходим в современной ситуации, но в перспективе будет занимать в жизнедеятельности все меньшее место.

Применительно к непродовольственному потреблению были введены два критерия развитости. Первый — разнообразие набора вещей длительного пользования, имеющихся в сельских семьях. Учитывается не абсолютное, а относительное разнообразие в рамках выделенных трех функций этих вещей (эти функции будут названы далее). Вторым критерием — современность, которая измеряется через наличие (отсутствие) в семье вещей, признаваемых индикаторами наиболее урбанизированного потребления. Итоговые типологические группы должны были строиться так, чтобы они были социально различными как по функциональному разнообразию вещей, так и по их современности. Такие наборы косвенно свидетельствуют и о состоятельности семьи.

Так как круг объектов материального потребления чрезвычайно велик, знания о развитости можно получить, учитывая множество потребляемых благ. Нами анализировались данные о продуктах питания, покупаемых в магазине, колхозе (совхозе), либо производимых в своем хозяйстве, а также о вещах длительного пользования, имеющихся в изучаемых семьях⁷. Эти данные являются неальтернативными, поскольку люди потребляют не отдельные виды благ, а те или иные их наборы, которые у разных людей пересекаются. Так как анализ неальтернативной информации мало эффективен, приходится переводить ее в альтернативную форму, т. е. выделять непересекающиеся группы семей, различающиеся социально значимыми наборами потребляемых благ.

⁷ Данные характеризуют потребление 1200 сельских семей Новосибирской области, опрошенных в 1977 г. Информация собрана коллективом сектора социальных проблем города и деревни Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

Особенности информации определили методику обработки данных: она направлена на выявление типов семей по комплексу потребляемых ими благ. Типы должны быть а) проблемными (улавливать проблемы, актуальные для соответствующих групп населения), б) однородными и в) хорошо интерпретируемыми с учетом условий жизни и характеристик семей, от которых в наибольшей мере зависит их материальное потребление. Методическая особенность построения типологии состоит в том, что нами не используются какие-либо методы автоматической классификации; типы получаются как результат построения типологических группировок. Специфика процедуры — в многоэтапном «челночном движении» в сконструированной нами системе: теоретические критерии ↔ эмпирические данные ↔ теоретический анализ. Основное направление обработки и анализа состоит в постепенном «сжатии» данных, получении все более общих показателей на базе частных, альтернативных на базе неальтернативных. Каждый этап этого процесса мотивируется специально разрабатываемыми теоретическими критериями, которые воплощаются в соответствующие преобразования данных. Для реализации указанной методики нами была использована система обработки данных ПАД⁸.

Типология семей по источникам приобретения продуктов питания. Задача этого этапа работы — выделить типы семей, различающиеся источниками приобретения продуктов питания. Для того, чтобы наборы продуктов хорошо различали семьи, надо было учесть только те продукты, которые удовлетворяют двум условиям: а) дифференцируют семьи по сравниваемым источникам их приобретения; б) являются основными представителями определенной продуктовой группы, причем не любой, а лишь той, которая входит в минимально необходимый рацион питания. С этих позиций был проанализирован исходный перечень продуктов, из которого в соответствии с первым условием были исключены: картофель, овощи, хлеб, мука, колбаса, а со вторым — рыба и сало. Из оставшихся продуктов были скомпонованы три группы: 1 — мясо, 2 — молочные продукты и 3 — яйца, составляющие минимально необходимый рацион (МНР). В рамках МНР можно было вести анализ с разной степенью детальности, например, учитывая, покупается (производится) семьей весь МНР или только его часть, что именно покупается (производится).

Структура данных заставила нас принять весьма слабый критерий «минимального присутствия»: товарным считаем потребление семей, которые покупают любой набор из числа продуктов, входящих в МНР, но при этом ничего не производят в личном подсобном хозяйстве. Аналогично натуральным мы считаем потребление семей, которые производят в личном подсобном хозяйстве любой набор продуктов, входящих в МНР, но при этом ничего не покупают. Смешанным считаем потребление, в котором представлены элементы как товарности, так и натуральности. Структура данных в соответствии с этим критерием представлена в табл. 1.

На основе этих данных были получены четыре типа, характеризующиеся двумя источниками приобретения одновременно. Их последующее «сжатие» дало три итоговых типа: 1 (21,4% семей) — товарное потребление: покупают что-либо из МНР и ничего не производят; 2 (52,9%) — смешанное потребление: покупают и производят что-либо из МНР; 3 (25,7% семей) — натуральное: производят что-либо из МНР и ничего не покупают.

⁸ Суховский М. Л. О системе преобразования и анализе данных (ПАД). — В кн.: Моделирование в экономических исследованиях. Новосибирск, 1978, с. 130—138.

Таблица 1

Соотношение покупки и производства продуктов в личном подсобном хозяйстве

Покупают в магазине, колхозе (совхозе) и своем селе	Производит в личном подсобном хозяйстве		Итого
	что-либо из МНР	ничего из МНР	
Что-либо из МНР	596 70,6 66,6	248 29,4 92,9	844 72,6
Ничего из МНР	299 94,0 33,4	19 6,0 7,1	318 27,4
Итого	895 77,0	267 33,0	1162

Примечание. В табл. 1—5 на пересечении подлежащего и сказуемого даются три числа: численность соответствующей группы респондентов, % к итогу по строке и % к итогу по столбцу. В итоговых графах % дается к численности опрошенных.

то тип 2 — сельско-урбанистический. По своему месту в структуре он противоречив: наличие наряду с покупками также и производства продуктов в личном хозяйстве делает питание более разнообразным (чем у типа 1), но производство продуктов свидетельствует о большей трудоемкости сферы материального потребления.

Полученная типология дополняет ту картину снабжения и использования личного подсобного хозяйства, которая в настоящее время получена в социально-экономических исследованиях. В частности, типология показала, что личное подсобное хозяйство выполняет две функции: 1) дополнительного обеспечения МНР (52,9% семей) и 2) полного обеспечения МНР (25,7). Среди семей, которые не производят продуктов, 64,8% покупают МНР, а среди тех, кто производит МНР, покупают полный набор продуктов лишь 0,6%. Среди тех, кто покупает МНР, доля производящих МНР — 1,2%, а среди не покупающих вообще — 65,3%. Следовательно, покупка и производство продуктов не столько дублируют, сколько дополняют друг друга. Если функция дополнительного обеспечения может быть объяснена большими требованиями к качеству продуктов, то функция полного обеспечения МНР показывает неблагополучие в системе снабжения. Доля семей с натуральным потреблением в изучаемой совокупности на 4,4% больше, чем с товарным. К тому же при более жестком критерии эта доля была бы еще больше. Используемый нами сначала более жесткий критерий (производство или покупка полного или неполного МНР) показал, что среди семей со смешанным потреблением доля тех, у кого доминирует натуральное потребление (производят весь, но покупают неполный МНР) примерно в 3 раза больше, чем семей с доминирующим товарным потреблением.

Типология семей по развитости непродуктового потребления. Как говорилось, для установления степени развитости этого элемента потребления использовались два критерия: функциональное разнообразие имеющихся в семьях вещей длительного пользования (ВДП) и их современность. Для использования первого критерия вещи были подразделены на три функциональные группы: 1 — вещи хозяйственного назначения: холодильник, стиральная машина, пылесос, швейная машина, сепаратор; 2 — вещи культурного назначения:

Эти типы ранжированы по степени развитости: товарное потребление рассматривается как наиболее развитое, смешанное — как среднеразвитое, натуральное — наименее развитое. При этом игнорируется качество и разнообразие питания, которое лучше в семьях, получающих продукты из своего хозяйства. Но приоритет товарного потребления соответствует нашей цели: установлению степени урбанизированности продовольственного потребления, его приближенности к городскому. С этой точки зрения тип 1 более продвинул, чем тип 2 и тем более тип 3. Если типы 1 и 3 — это «чистые» полярные типы урбанизированного и традиционного для деревни потребления,

телевизор, радиоприемник, проигрыватель, баян или аккордеон, фотоаппарат; 3 — личный транспорт: автомашина, мотоцикл (или моторолер), велосипед (или мопед)⁹. Далее из числа вещей, включенных в каждую функциональную группу, были выделены те, которые наиболее современны и в наибольшей степени характеризуют степень урбанизированности потребления. Из вещей бытового назначения это — холодильник и стиральная машина, из вещей культурного назначения — телевизор и проигрыватель, из средств транспорта — автомашина или мотоцикл. Так как группы вещей функционально различны, изучаемые семьи могут обладать вещами из одной, двух или трех групп. Альтернативное распределение семей по количеству и видам групп вещей позволило ясно представить степень обеспеченности как с качественной, так и с количественной стороны. Выявились три типа. Первый тип — семьи, обеспеченные ВДП, представляющими все три функциональных группы (14,4%), что позволяет говорить о высокой развитости их непродуктового потребления. Так как каждый вид вещей представляет наиболее современные (из данной группы), то этот тип потребления одновременно является и самым урбанизированным: материальная база быта, культуры и поездок этих семей находится на максимально высоком (в пределах данного набора вещей) уровне. Противоположны этому семьям, не имеющим ВДП из числа выделенных групп (30,8%). Это позволяет говорить о неразвитости их потребления. Третий тип (54,8%) образовали семьи, имеющие вещи, принадлежащие к одной или двум функциональным группам (например, вещи бытового назначения и личный транспорт). Частичная обеспеченность ВДП позволяет оценивать их потребление как среднеразвитое.

С содержательной точки зрения типология выявила, что степень обеспеченности ВДП невысока. Этот результат представляется существенным, если учесть, что анализ в разрезе отдельных ВДП показывает довольно высокий уровень обеспеченности. Поэтому сфера личного потребления рассматривается многими авторами как один из главных показателей снабжения города и деревни. Типологический подход заставляет скорректировать эту оценку, полученную на базе одномерного анализа.

Итоговая типология материального потребления. Заключительный этап построения типологии технически весьма прост: осуществляется «пересечение» типологий продовольственного и непродуктового потребления и выделяются типы семей, различающиеся одновременно той и другой составляющей потребления. Но это есть переход в новое качество: если на предыдущих этапах оценивались уровни развитости отдельных элементов, то на этом этапе должен быть оценен уровень материального потребления как целостного явления. Нами были сначала получены 9 типов, характеризующих «полное пространство логических возможностей» (табл. 2). Затем с учетом теоретических критериев они были «сжаты», что дало следующие результаты:

I тип (15,6% семей) — развитое (урбанизированное) потребление: полная или частичная обеспеченность ВДП в сочетании с товарным продовольственным потреблением;

II тип (36%) — среднеразвитое (частично урбанизированное) потребление: полная или частичная обеспеченность ВДП на базе смешанного продовольственного потребления.

III тип (17,6%) — слабо развитое (слабоурбанизированное) потребление: полная или частичная обеспеченность ВДП на базе натурального продовольственного потребления;

⁹ Мебель и предметы комфорта (ковры, посуда) были исключены из разработки, так как они многофункциональны, т. е. обслуживают и культурные, и бытовые потребности.

Таблица 2
Исходная двумерная типология материального потребления

Типы продовольственного потребления	Типы непродовольственного потребления			Итого
	высокоразвитое	средне-развитое	неразвитое	
Товарное	24 9,7 14,4	257 63,3 24,6	67 27,0 18,7	248 21,3
Смешанное: товарно-натуральное	91 14,8 54,5	328 53,4 51,6	196 31,8 54,7	615 53,0
Натуральное	52 17,4 31,1	152 50,7 23,7	95 31,9 26,5	299 25,6
Итого . . .	167 14,4	637 54,8	358 30,8	1162

вещей из выделенного нами набора, хотя и производят продукты в личном подсобном хозяйстве. Из числа промежуточных типов (II, III, IV) следующим за типом I является II, где частичная обеспеченность ВДП базируется на смешанном потреблении продуктов. Здесь оба элемента материального потребления достаточно развиты, но развиты меньше, чем в типе I. К слабо развитому потреблению мы отнесли такие типы, где либо совсем нет ВДП (при смешанном продовольственном потреблении — тип IV), либо есть неполный набор ВДП, но на базе натурального потребления (тип III). Отношение «выше — ниже» между этими типами не имеет смысла, их логичнее рассматривать как две разновидности слабо развитого материального потребления.

Полученная типология далее проверялась с помощью ряда внешних социально-экономических показателей.

Результаты проверки типологии. Приступая к проверке типологии, мы базировались на том, что дифференциация населения по материальному потреблению, во-первых, зависит от множества условий, характеризующих данную группу потребителей, во-вторых, сама определяет ряд характеристик населения. В соответствии с этим для проверки типологии использовались двоякого рода показатели: а) «входные» — место жительства семьи, место работы главы семьи, жилищные условия, доходы, состав и размер семьи, трудовой статус главы семьи; б) «выходные» — некоторые характеристики духовного потребления и отношение сельского населения к деревне. Набор этих показателей формировался с учетом результатов исследований, проведенных в этой области.

Зависимость материального потребления от места жительства семьи связана с тем, что размещение предприятий торговли в сельской местности зависит от ранга поселений, их места в административно-распределенческой и производственной структуре деревни. В частности, если в районных центрах и поселках центральных усадеб строятся универмаги и специализированные магазины, то в поселках отделений колхозов (совхозов) лишь смешанные магазины старого типа (на 1—2 рабочих места) с минимальным набором товаров. Поэтому объем продуктов

IV тип (22,6%) — слабо развитое (слабоурбанизированное) потребление: не имеют ВДП на базе товарного или смешанного продовольственного потребления;

V тип (8,2%) — неразвитое (неурбанизированное) потребление: не имеют ВДП на базе натурального потребления.

Выше всех мы поставили тип I, поскольку только в нем полная обеспеченность ВДП сочетается с товарным продовольственным потреблением. Это семьи, которые достигли высокой обеспеченности ВДП, не прибегая к развитому личному подсобному хозяйству. Полярным по отношению к нему является тип V, т. е. семьи, которые не имеют

Таблица 3

Взаимосвязь материального потребления и типа населенного пункта

Тип материального потребления	Тип населенного пункта						Итого
	периферийные			центральные			
	аграрно-колхозные	аграрно-совхозные	пригородно-индустриальные	аграрно-колхозные	аграрно-совхозные	пригородно-индустриальные	
I	0 0,0 0,0	10 5,5 4,5	28 15,5 24,3	1 6 1,4	39 21,5 11,3	103 56,9 41,2	181 15,6
II	46 11,0 29,1	80 19,1 35,7	41 9,8 35,7	27 6,4 38,6	144 34,4 41,7	81 19,3 32,4	419 36,1
III	30 14,7 19,0	64 31,4 28,6	17 8,3 14,8	17 8,3 24,3	65 31,9 18,8	11 5,4 4,4	204 17,6
IV	54 20,5 34,2	47 17,9 21,0	25 9,5 21,7	18 6,8 25,7	56 25,1 19,1	53 20,2 21,2	263 22,6
V	28 29,5 17,7	23 24,2 10,3	4 4,2 3,5	7 7,4 10,0	31 32,6 9,0	2 2,1 8	95 8,2
Итого	158 13,6	224 19,3	115 9,9	70 6,0	345 29,7	250 21,5	1162

и вещей, которые семья может покупать по месту жительства, зависит от того, живет ли она в центральном и урбанизированном или отдаленном периферийном поселке. В нашем случае зависимость материального потребления от мест жительства устанавливалась с помощью типологии сельских поселений по уровню социально-экономического развития.¹⁰ Из табл. 3 видно, что распределение материального потребления четко зависит от центральности поселка. Столь же четкой является зависимость и от отраслевого профиля поселка (аграрный — индустриальный). Эти зависимости подтвердились и на данных о месте работы глав изучаемых семей.

Важнейшим фактором, от которого непосредственно зависит дифференциация материального потребления, являются денежные доходы, причем роль разных составляющих доходов не одинакова. При характерной для всех групп населения страны роли заработной платы и доходов из общественных фондов потребления у жителей деревни важным фактором материального потребления становятся также доходы от личного подсобного хозяйства. С учетом этого мы сравнили зависимости между типами материального потребления, с одной стороны, и совокупным доходом семьи, доходом от личного подсобного хозяйства и заработной платой — с другой. Оказалось, что действие этих составляющих различно. Связь потребления с совокупным доходом семьи такова, что при переходе от групп с низкими к группам с высокими доходами доли семей с развитым потреблением (типы I и II) растут (табл. 4). Такова же зависимость между размером заработной платы и потреблением. Что ка-

¹⁰ Развитие сельских поселений. М., 1978.

Таблица 4

Взаимосвязь укрупненной типологии материального потребления с совокупным доходом

Укрупненные типы материального потребления	Размер совокупного дохода				Итого
	нет данных	до 2500 руб.	от 2500 до 4000 руб.	свыше 4000 руб.	
I, II	43 7,2 55,1	114 19,0 31,2	211 35,2 59,4	232 38,7 63,7	600 51,6
III, IV, V	35 6,2 44,9	251 44,7 68,8	144 25,6 40,6	132 23,5 36,3	562 48,4
Итого . .	78 6,7	365 31,4	355 30,6	364 31,3	1162

сается дохода от личного подсобного хозяйства, то здесь зависимость является скорее обратной: при переходе от групп с низкими к группам с высокими доходами доля семей с развитым потреблением уменьшается, а с неразвитым (типы III, IV и V) растет. Доход от личного подсобного хозяйства у многих семей оказывается недостаточным средством повышения уровня их благосостояния, в частности, приобретения современных вещей длительного пользования. Он выполняет не столько товарную, сколько потребительную функцию снабжения семьи необходимыми продуктами питания.

Важным фактором дифференциации потребления является трудовой статус, в котором выражается социально-профессиональный характер труда. Зависимость между этими показателями столь тесна, что потребление нередко рассматривают в качестве аспекта социальной структуры¹¹. Как видно из табл. 5, семьи разных социально-профессиональных типов довольно сильно различаются по развитости материального потребления. Наиболее высокие его уровни — у руководителей высшего звена и специалистов. Почти на таком же уровне потребление у служащих и руководителей среднего звена. Неразвитое потребление у семей руководителей высшего звена и служащих вообще отсутствует.

Изучение роли демографических факторов показало, что дифференциация по материальному потреблению зависит от числа членов семьи (уровень развитости материального потребления больших семей ниже, чем малых), от количества детей и числа работников в семье. Зависимость потребления от «возраста» семьи (семейного «стажа») не выявилась.

Второе направление проверки — установление дифференцирующей роли типологии по отношению к определенным «выходным» показателям, которые гипотетически должны зависеть от материального потребления. Известно, что оно определяет характер духовного потребления. Эта закономерность здесь подтвердилась. В частности, оказалось, что доля семей, не имеющих книг, от типа I до типа V монотонно увеличивается, и напротив, доли семей, имеющих от 100 до 1000 книг, при переходе от типа I к типу II и т. д. падают. Такова же зависимость между построенной типологией и видами книг, имеющихся в семьях.

В заключение отметим, что построенная типология материального потребления удовлетворяет общепринятым требованиям: она хорошо интерпретируется и через социально-экономические понятия, на базе ко-

Таблица 5

Взаимосвязь материального потребления и социально-профессионального типа семьи

Тип материального потребления	Глава семьи							Итого
	руководитель высшего звена	специалист	руководитель среднего звена	служащий	квалифицированный рабочий	неквалифицированный рабочий	неработающий	
I	8 4,4 47,1	26 14,4 36,6	11 6,1 21,9	7 3,9 15,2	88 48,6 14,7	14 7,7 9,2	27 14,9 15,6	181
II	8 1,9 47,1	27 6,4 38,0	41 9,8 55,4	18 4,3 56,3	239 57,0 41,3	31 7,4 52,6	55 13,1 18,7	419 36,1
III	1 5 5,9	7 3,4 9,9	11 5,4 14,9	2 1,0 6,3	131 64,2 22,6	12 5,9 12,6	40 19,6 13,6	204 17,6
IV	0 0 0	10 3,8 14,1	8 3,0 10,8	5 1,9 15,6	95 36,1 16,4	28 10,6 29,5	117 44,5 39,8	263 22,6
V	0 0 0	1 1,1 1,4	3 3,2 4,1	0 0 0	26 27,4 4,5	10 10,5 10,5	55 57,9 18,7	95 8,2
Итого . . .	17 1,5	71 6,1	74 6,4	32 2,8	579 49,8	95 8,2	294 25,3	1162

торых строилась, и через совокупность внешних факторов — входных и зависимых от нее. Типы ранжированы, границы, фиксирующие социально-экономические различия между ними, достаточно четки. Проверка типологии через другие показатели позволяет считать ее обоснованной. Некоторая «размазанность» типов (II, III и IV) объясняется слабой дифференциацией семей по производству продуктов в личном подсобном хозяйстве.

Институт экономики и организации промышленного производства
СО АН СССР,
Новосибирск

¹¹ Планирование социального развития города. М., 1973, с. 188.

А. В. ЕВСЕЕНКО, Б. П. ОРЛОВ

О РЕТРОСПЕКТИВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОГРАММ¹

Изучение опыта хозяйственного освоения нефтегазоносных районов Западной Сибири позволяет предложить в качестве этапа построения региональной экономической программы проведение специального ретроспективного исследования. Оценки прошлого обычно присутствуют в предплановой разработке, но их назначение, как правило, сводится к описанию основных черт достигнутого (исходного) уровня развития производительных сил. Между тем возможности ретроспективного анализа значительно шире отображения данного уровня: с его помощью можно установить тенденции экономического развития, причины возникновения проблем, которые предстоит решать, различные факторы, в существенной мере предопределяющие необходимые действия в перспективе². Если иметь в виду ситуации, когда крупная хозяйственная проблема решалась или решается в том, или ином регионе с использованием программно-целевого подхода, то ретроспективный анализ позволяет наглядно выявить способы и формы реализации такого подхода, причины наблюдавшегося отклонения от него, которые могут рассматриваться как препятствия на путях его использования, и последствия этого отклонения.

По нашему мнению, при объективно доказанной возможности использования программно-целевого подхода для решения крупной хозяйственной или социально-экономической проблемы в каком-либо регионе можно сопоставить фактический процесс разработки и осуществления соответствующего проекта с укрупненной ретроспективной программой его реализации. Данный метод был использован авторами статьи при изучении процесса создания нефтяной базы в Среднем Приобье. Полученные констатации и обобщения, как нам представляется, могут отражать некоторые стандартные ситуации и, следовательно, учитываться при разработке и осуществлении других региональных проектов, т. е. в условиях похожей деятельности.

Ретроспективная программа конструировалась с учетом реально осуществлявшихся хозяйственных функций организаций, привлеченных к формированию нефтяной базы, и фактических форм взаимодействия между ними. Иначе говоря, предполагалось, что региональная экономическая программа в принципе может выполняться в рамках существующей системы планирования и управления. По этому вопросу мы поддерживаем мнение д. э. н. Б. З. Мильнера о том, что «программно-

целевое управление не требует, как правило, крупных организационных перестроек»³.

Поскольку разделы (элементы) ретроспективной программы непосредственно связаны с предложенной нами общей схемой построения региональной программы, коротко их охарактеризуем⁴: 1) формулировка региональной проблемы; 2) построение сценария ее решения; 3) логическая декомпозиция целей проблемы и построение соответствующего дерева целей; 4) определение полного набора программных элементов, позволяющих осуществить сформулированные цели и задачи; 5) формирование состава хозяйственных организаций, способных осуществить определенные задачи; 6) управление программой.

В данной статье мы охарактеризуем в основном два из этих разделов, отражающие определение хозяйственных функций и их закрепление за организациями, так как эти сюжеты наименее отражены в литературе.

Формулировка региональной проблемы требует четкой ориентации предстоящих действий. Цель хозяйственного освоения Среднего Приобья — создание основ нефтяной базы страны стала ясной не с первых шагов освоения (1964 г.), а лишь в конце 60-х годов, когда открыты были запасы нефти и установлены директивные задания по объемам ее добычи на перспективу. Цель (цели) крупного проекта следует рассматривать в увязке со сценарием: лишь на его «фоне» можно построить такое дерево целей, которое хорошо отражает вероятное развитие возникающего объекта. В сценарии важно рассмотреть возможные отдаленные последствия плановых решений, а также малоуправляемых или стихийных явлений (например, чрезмерной миграции населения). Так, переход в Среднем Приобье от эксплуатации больших по запасам месторождений к меньшим по-новому поставил вопросы создания объектов инфраструктуры.

Изучение опыта осуществления крупных региональных проектов позволило нам сделать вывод о том, что первостепенное значение имеет соблюдение следующего условия: необходимо последовательно обеспечивать целевое сопряжение усилий взаимодействующих хозяйственных единиц, при котором их деятельность в наибольшей мере отвечает интересам достижения конечной цели данной программы⁵. Рассмотрим причины, мешающие подобному взаимодействию.

Раздельное (малосогласованное), планирование работ организаций-партнеров. Объем основной деятельности для каждой отдельной организации фактически планируется по достигнутому уровню производства предшествующего периода. При этом, однако, слабо учитываются возникшие ранее частичные диспропорции и интересы достижения сбалансированности при скачкообразном (а не плановом) увеличении заданий у одного из партнеров. Так, в Среднем Приобье плановые объемы ввода в эксплуатацию автомобильных дорог увеличивались непропорционально росту масштабов разбуриваемых месторождений. Организации Минтрансстроя, как правило, выполняли свои годовые планы, между тем как дороги подходили к разбуриваемым площадям лишь через 2—3 года и более после начала их освоения, зачастую после пика буровых работ. Пораздельное планирование обуславливает и другие осложнения взаимодействия организаций.

³ Мильнер Б. З. Программно-целевое управление: опыт, проблемы, перспективы. — Правда, 1979, 1 июня, с. 2.

⁴ См.: Вопросы программно-целевого планирования. Отв. ред. Б. П. Орлов. Новосибирск, 1975, с. 112.

⁵ Этот вопрос рассматривался нами ранее (см.: Евсеенко А. В., Орлов Б. П. О взаимодействии организаций в районах нового освоения. — Изв. СО АН СССР, 1975, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 39—46).

¹ Печатается в порядке постановки вопроса. (Ред.).

² Подробнее см.: Орлов Б. П. Вопросы ретроспективного анализа экономического развития Сибири. — Изв. СО АН СССР, 1977, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 79—80.

Неопределенность перспектив развития региона характерна для многих сибирских районов. Цель хозяйственного освоения их территории чаще всего сводится к организации добычи одного — двух видов природных материалов, причем иногда без полного представления об их запасах, а также о региональных условиях (особенностях) хозяйственной деятельности. Так, первоначальные контрольные цифры добычи нефти в Среднем Приобье на 1975—1980 гг. были достигнуты значительно раньше и подверглись сильной корректировке. Этот «разгон» нефтяников не был поддержан многими их смежниками, ориентировавшимися на прежние планы добычи. В результате возник большой разрыв между пропускной способностью транспортных магистралей и совокупным спросом региона на грузовые перевозки, а многие строительные организации оказались неподготовленными к решению вставших перед ними задач.

Несогласованность критериев оценки деятельности организаций-партнеров. Естественно, поведение той или иной организации в каждой конкретной ситуации оценивается ее партнером по хозяйственной коалиции. И такие оценки могут быть нелестными, если одна из сторон подводит другую. Каждая организация руководствуется своим измерителем основной деятельности. Это, например, тонно-километры на грузовом транспорте, миллионы рублей строймонтажа в строительстве, метр — в бурении и т. д. Именно максимизация подобного критерия становится главной целью отдельной организации, заставляя ориентировать на него производственный процесс. С позиции этого критерия происходит на практике выбор варианта развития организации, он обеспечивает соизмеримость и сравнимость уровня деятельности однородных организаций внутри данного ведомства. Отсюда возникает деление работ на «выгодные» и «невыгодные». В Среднем Приобье это помешало обеспечить необходимую пропорциональность в развитии объектов по добыче, переработке и подготовке нефти к дальней транспортировке. Между тем в рамках программного элемента можно провести комплексный анализ совместимости критериев и нормативов, которыми руководствуются различные организации.

Различия между организациями в уровне технической оснащенности, организации труда и т. п. обусловлены существованием отраслевых приоритетов в финансировании, снабжении, различиями в нормах амортизации и т. п. В Среднем Приобье некоторые отрасли (например, нефтяная) имели возможности приобретать импортное оборудование, организовывать стажировку своих работников в зарубежных фирмах, совершенствовать систему технического управления. Однако организации, строящие дороги, трубопроводы, деятельность которых существенно влияла на достижение главной цели программы, оснащалась высокопроизводительным оборудованием медленней, по другим нормативам.

Рассмотрим теперь позитивные возможности, которые может дать ретроспективная программа для улучшения взаимодействия организаций в похожих ситуациях, т. е. либо при дальнейшем осуществлении рассматриваемой программы, либо при реализации какого-либо другого регионального проекта. Такие возможности, по нашему мнению, предоставляют наборы (или библиотеки) программных элементов⁶ и закрепляемых за ними хозяйственных организаций.

Итак, в нашем исследовании по Среднему Приобью была составлена карта развития организаций, в которой фиксировалось фактическое время возникновения той или иной организации и последующее

⁶ Под программным элементом мы понимаем комплекс хозяйственных функций, обеспечивающих конкретный промежуточный выход, совпадающий с подцелью дерева целей: например, создание транспортной сети.

ее развитие. На ее основе была построена матрица взаимодействия организаций в ходе хозяйственного освоения данной территории. Такие матрицы строятся на базе данных о поставках продукции, о предоставлении производственных услуг. При этом используются экспертные оценки, позволяющие выявить долю участия организаций в выполнении конкретных хозяйственных задач, а также определить характер взаимозависимости организаций. В данном разделе ретроспективы необходимо отразить систему соподчиненности организаций и их принадлежность к определенным министерствам и ведомствам, т. е. построить организационную структуру, поднимающуюся до центральных органов.

Карты развития организаций позволяют выявить и описать все хозяйственные функции, осуществленные и осуществляемые в регионе, объемы и последовательность их выполнения. Это нелегкая работа, поскольку приходится выделять хозяйственные функции у неспециализированных организаций из целого спектра их деятельности, но только подобный анализ позволяет хотя бы констатировать принципы разделения функций и уловить закономерности развития этого распределения.

Матрица взаимодействия в случае ее полного заполнения позволяет, используя формальные процедуры группировки по тесноте связей⁷, получить аналоги программных элементов. Для программной структуры очень важно выделить по целевому признаку комплексы хозяйственных функций в определенных объемах и увязанных по времени. Эти комплексы становятся основой данной структуры. Сгруппировав по алгоритму хозяйственные функции, мы должны подвергнуть сами программные элементы тщательному анализу, поскольку через них получают некоторую фиксацию взаимодействия организаций, поставляющих хозяйственные функции в программный элемент. Этим обуславливается возможность группировки организаций по целевому признаку, а также возможность анализа их взаимодействия в рамках конкретных программных элементов.

Ретроспективное построение аналогов программных элементов и выделение организаций, осуществляющих для них хозяйственные функции, в принципе позволяет оценить затраты на осуществление последних и расходы на развитие соответствующих организаций.

В процессе осуществления хозяйственного освоения новой территории постепенно сформировались наиболее эффективные методы управления, а также распределения хозяйственных функций (эффективных в рамках программы с учетом проанализированных выше недостатков). Наложение программной структуры на этот процесс позволяет не только выделить конкретные программные элементы и организации, которые с необходимыми изменениями могут быть использованы при построении других программ, но и сформулировать общие требования (с учетом, конечно, опыта нескольких программ) к формированию программных элементов и организаций. При планировании очень важно определить возможность осуществления необходимых функций в заданный плановый период. В принципе наличие библиотеки программных элементов и организаций позволяет оперативно оценивать реальность сформулированной подцели. Например, в течение почти десяти лет с начала освоения нефтяных месторождений Среднего Приобья такая подцель, как организация в крупных масштабах переработки попутного газа, не могла быть достигнута, так как, во-первых, в составе строительных подразделений не было организации, способной создать газоперерабатывающие заводы, во-вторых, сам этот природный

⁷ См.: Евсеев А. В. Некоторые вопросы формирования региональных экономических программ. — Изв. СО АН СССР, 1974, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 38—45.

ресурс некоторое время являлся «ничейным»: к нему не проявляли интерес ни министерство газовой, ни министерство нефтяной промышленности.

В ретроспективной программе большое место может занять также анализ хозяйственного механизма, адекватного программному методу планирования. Любая перестройка хозяйства — с одной стороны, болезненный процесс ломки старого, а с другой, в условиях отсутствия строгих процедур — не менее болезненный процесс построения нового механизма. Ретроспективная программа, на наш взгляд, особенно важна именно для изучения объективных возможностей перестройки механизма, поскольку сама процедура составления программы, по-видимому, может обеспечиваться аналитическим путем и эвристическими методами. Процесс реализации программы описать подобным образом невозможно, так как необходимо изучить интересы организаций, систему их фактических взаимоотношений и взаимодействия. Мы считаем, что только ретроспективный анализ позволяет предложить что-то более позитивное вместо метода «проб и ошибок». Использование ретроспективной программы для ретроспективного анализа эффективно еще и потому, что главные управляющие параметры — нормативы, критерии (показатели) — имеют устойчивый характер на протяжении продолжительного периода, и соответственно устойчивым может считаться характер их воздействия на реальные хозяйственные процессы.

Известны весьма тщательно разработанные методы статистического анализа критериев, нормативов, а также факторов, влияющих на эти параметры в отраслевых системах. Существенно слабее разработаны подобные методы для территориального планирования и совсем не разработаны для целевых программ различных типов. Факторный анализ в рамках ретроспективной программы создает некоторую основу для прогнозирования данных показателей на перспективу и разработки принципиально новых нормативов и критериев.

Таким образом, при построении ретроспективной программы для нового территориально-производственного сочетания процесс его формирования может быть воспроизведен, в частности, путем описания развития организаций, их хозяйственных функций, взаимодействия между организациями. При таком аспекте исследования мы непосредственно выходим на поиск новых организационных структур и хозяйственного механизма применительно к нестандартным условиям формирования новых территориально-производственных сочетаний.

*Институт экономики и организации промышленного производства
СО АН СССР,
Новосибирск*

Э. Г. ТРЕТЬЯКОВА

СРОК СЛУЖБЫ МАШИН
И МЕЖОТРАСЛЕВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ
(на примере тракторостроения)

Несмотря на значительные объемы производства тракторов в СССР (по производству тракторов наша страна занимает первое место в мире), потребность в парке сельскохозяйственных тракторов удовлетворена еще не полностью. В 1967 г. нагрузка пашни на один физический трактор составляла по СССР 128 га, а по США (вместе с садово-огородными) — 37 га¹, к 1980 г. этот показатель по СССР достигнет 80 га, что в 1,3 раза превышает оптимальную норму². При неизменной посевной площади парк тракторов должен составить более 3,5 млн. шт., что на 900 тыс. шт. превышает расчетный уровень парка 1980 г. При максимальном среднегодовом приросте парка тракторов в сельском хозяйстве в 75 тыс. шт. оптимальный уровень парка может быть достигнут лишь через 10 лет (при современных темпах роста средней мощности двигателей).

Кроме того, потребность в тракторах возрастает за счет значительного объема внутрихозяйственных перевозок и зачастую применение колесных тракторов эффективней применения грузовых автомобилей. Например, на вывозке зерна с полей трактор К-700 с тележками (тракторный поезд) заменяет 10 автомобилей и высвобождает соответствующее число водителей. К тому же автомобили менее приспособлены для работы на рыхлых почвах полей, быстрее изнашиваются и расходуют больше горючего.

Нехватка машин в какой-то мере восполняется путем увеличения сменности работы тракторов, более полной загрузки мощностей, повышения рабочей скорости агрегатов. Однако более интенсивная эксплуатация тракторов ускоряет их износ и приводит или к преждевременному списанию тракторов, или к увеличению затрат на ремонт. Для замены изношенных тракторов предназначается большинство машин, поставляемых сельскому хозяйству. Действительные сроки службы тракторов в сельском хозяйстве (с учетом их ускоренного износа) меньше нормативных и составляют в настоящее время 4—5 лет. В стране ежегодно ремонтируется свыше 1 млн. тракторов³, примерно половина их действующего парка. Затраты только колхозов и совхозов на ремонт техники составляют свыше 1,5 млрд. рублей⁴, что превышает

¹ Осьмак В. В., Праздничных А. Г. Возмещение износа сельхозмашин. — В кн.: Срок службы машин и экономическая эффективность их ремонта. Одесса, 1972, с. 87.

² Синюков М. Анализ использования машинно-тракторного парка. — Экономика сельского хозяйства, 1979, № 1, с. 69—74.

³ Пономарев Г. Техническое оснащение сельскохозяйственного производства. — Плановое хозяйство, 1974, № 8, с. 81—86.

⁴ Пономарев Г. Техническое оснащение сельскохозяйственного производства. — Плановое хозяйство, 1974, № 8, с. 81—86.

ст затраты на производство 500 тыс. тракторов⁵. При этом качество ремонта нельзя признать высоким, так как моторесурс отремонтированных тракторов не превышает 50—60%⁶.

Кроме того, ремонтным предприятиям и организациям требуется своевременная поставка запасных частей, которые также являются продукцией тракторостроения. В тракторостроении возникает проблема определения пропорции между производством основной продукции и производством запасных частей, и, таким образом, вопрос эффективности ремонта и вопрос оптимального срока службы тракторов не может быть решен в рамках только сферы эксплуатации, как утверждают некоторые авторы⁷.

Важно также определить, что выгодней с народнохозяйственной точки зрения: преобладающая в настоящее время практика проведения капитального ремонта тракторов или производство более качественных и надежных в эксплуатации тракторов со значительным сроком службы до первого капитального ремонта. Только комплексная оценка путей развития тракторостроения и путей повышения технической оснащенности отраслей-потребителей позволит определить величину рациональных сроков службы тракторов в соответствии с требованиями технического прогресса и темпами роста объемов работ, подлежащих выполнению тракторами в отраслях-потребителях⁸. При этом речь идет об определении не только максимально возможного выполнения объемов работ в отраслях-потребителях за счет оптимизации структуры парка и структуры производства тракторов, но и пропорций распределения ресурсов между следующими сферами: разработка конструкции тракторов, опытное производство, массовое производство, эксплуатация (включая поддержание в работоспособном состоянии), списание, снятие с производства.

По нашему мнению, данная задача перспективного планирования может быть формализована одной экономико-математической моделью большой размерности, позволяющей рассчитать структуру производства тракторов и возрастной состав их парка, которые обеспечили бы удовлетворение потребности в его услугах с минимальными интегральными приведенными затратами в сферах производства и эксплуатации тракторов.

Оптимизационная матрица такой задачи состоит из следующих блоков.

1. Блок динамики мощностей и объемов производства тракторов и запасных частей к ним, в котором помимо баланса мощностей учтена такая особенность производства, как возможность его переналадки с изготовления каких-либо тракторов на выпуск модифицированных их моделей, что имеет значение при определении стратегии развития отрасли и целесообразного темпа замены поколений выпускаемых тракторов. Для запасных частей не рассматривается случай переналадки мощностей по выпуску запасных частей и мощности по изготовлению тракторов. Учтен также и ежегодный прирост выпуска продукции на освоенных мощностях за счет оргтехмероприятий.

2. Блок динамики парка тракторов и его возрастной структуры. Он формализует связь производства тракторов и формирования парка тракторов в каждом последующем году с парком тракторов предыдущего года с учетом возможности списания тракторов до нормативного срока службы и обязательности их списания при достижении максимального срока службы. Связь с доплановым периодом осуществляется в данном блоке путем учета парка тракторов базового года.

3. Блок распределения запасных частей взаимовызывает объемы их производства с использованием для поддержания действующего парка тракторов в работоспособном состоянии, а также для поставок на экспорт.

4. Блок выполнения парком тракторов видов работ в заданном объеме. В условиях, когда потребность в работах не может быть удовлетворена полностью, целесообразно структуру данного блока видоизменить: потребность народного хозяйства в рабо-

тах, выполняемых тракторами, в каждом году удовлетворяется равномерно по всем видам работ в соответствии с искомым уровнем удовлетворения потребности, на величину которого накладываются условия монотонности роста и неперевышения стопроцентного уровня.

5. Блок, ограничивающий использование дефицитных ресурсов в пределах заданных моментов.

Основной функционал представленной задачи — минимизация интегральных приведенных затрат в сфере производства и эксплуатации, а при условии, когда потребность в работах удовлетворяется не полностью (второй способ задания блока 4), данный функционал должен учесть интегральные потери в народном хозяйстве от неполного удовлетворения потребности.

Решением задачи определяется следующее: а) объемы производства тракторов и запасных частей к ним по годам планового периода; б) ввод мощностей по производству тракторов и запасных частей к ним по годам планового периода; в) ввод мощностей по производству тракторов, осуществляемый за счет их переналадки с производства какого-либо трактора на производство его модифицированной модели; г) структура парка тракторов в каждом году планового периода, характеризующая его объемом, достигнутыми сроками службы и видом работ, которые этот парк выполняет; д) структура списываемого парка тракторов; е) ресурсно обеспеченный уровень удовлетворения потребности народного хозяйства в выполнении работ.

Поскольку в задаче срок службы тракторов не является фиксированной величиной, потребность хозяйства в выполнении работ парком тракторов может быть удовлетворена как за счет производства тракторов, так и за счет увеличения срока их службы и оптимизации структуры парка тракторов.

Ввиду большой размерности была разработана трехуровневая система моделей, сохранявшая идеи основной оптимизационной задачи, но позволяющая расчленять входную информацию, реализовать задачу за счет ее поэтапного решения. Степень агрегации на разных уровнях системы моделей различна: конечная продукция отрасли, конкретные марки (модели) тракторов, являющихся объектом планирования, группируются в типы тракторов, объединенные каким-либо одним признаком: (конструкционная особенность, назначение использования и т. д.), а типы тракторов группируются в виды тракторов. Таким образом, на верхнем уровне системы моделей объект оптимизации — «виды» тракторов, на среднем — «типы» тракторов одного вида, на нижнем — «модели» тракторов одного типа.

На основе агрегированной информации, полученной по результатам решения задач нижнего уровня и характеризующей производство и эксплуатацию уже не самих тракторов, а их групп, объединенных в типы, формируются задачи среднего уровня, отличие которых от моделей нижнего уровня состоит в том, что переналадка производства с одного типа тракторов на другой не рассматривается, и срок службы типа тракторов фиксируется на основе результатов решения задач нижнего уровня. Целевая функция на среднем уровне системы моделей — максимизация интегрального уровня удовлетворения потребности в работах, выполняемых тракторами.

Верхний уровень системы моделей, модель «Координация» перераспределяет дефицитные ресурсы между видами тракторов таким образом, чтобы обеспечить (с учетом возможного предпочтения) одинаковый интегральный уровень удовлетворения потребности в выполнении работ.

Существующие методы решения подобных задач распределения ресурсов между объектами планирования с целью достижения единого эффекта способны перераспределять лишь один какой-то ресурс, задаваемый суммарно на период либо на один какой-то год.

⁵ Синюков М. Указ. соч., с. 70.

⁶ Пономарев Г. Указ. соч., с. 84.

⁷ Антошкенич В. С. Экономическое обоснование новой сельскохозяйственной техники. М., 1971, с. 53.

⁸ Техно-рабочий проект подсистемы «Автотракторное и сельскохозяйственное машиностроение». АСПР Госплана СССР, ч. 2. М.—Новосибирск, 1978.

Нами предложен итеративный метод перераспределения нескольких видов ресурсов, причем задаваемых по годам планового периода. Метод основан на предварительном ранжировании задач среднего уровня по степени убывания значения функционала и на распределении ресурсов из задачи с максимальным уровнем функционала в задачу с минимальным уровнем на основе анализа оценок ресурсов и областей их устойчивости: последовательно выбираются те ресурсы, разность оценок которых в крайних функционалах максимальна.

В задаче с максимальным уровнем функционала определяется размер ресурса, который может быть перераспределен на другой объект в пределах нижней границы устойчивости оценки. Аналогичный показатель определяется и в задаче с минимальным уровнем функционала: размер ресурса, добавление которого производится в пределах верхней границы устойчивости оценки. Минимум этих двух величин и определяет размер перераспределяемого ресурса.

Кроме того, для ускорения процесса сходимости из задачи с максимальным уровнем функционала (опять-таки в пределах устойчивости оценок) перераспределяются ресурсы, имеющие нулевые оценки. Каждое перераспределение ресурса оценивается с точки зрения расчетного сближения функционалов, чтобы проследить монотонность процесса и его непрерывность. Далее решаются две крайние задачи среднего уровня системы моделей с новыми ограничениями на ресурсы.

Таким образом, за один шаг перераспределяется несколько видов ресурсов между крайними задачами, что приведет, несомненно, к сближению их функционалов, причем в задаче с максимальным уровнем функционала снижается в меньшей степени, чем увеличивается в задаче с минимальным уровнем, что способствует к тому же и максимизации среднего уровня значений функционалов.

На следующем шаге задачи вновь ранжируются, определяется соотношение крайних значений функционалов и в случае необходимости перераспределяются ресурсы. Реализация серии задач на ЭВМ доказала сходимость процесса за конечное число итераций.

Предлагаемая система моделей реализуется в настоящее время в рамках АСПР для комплекса отраслей машиностроения: автомобильной промышленности, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения и машиностроения для животноводства и кормопроизводства⁹. Эти отрасли выделены из общей системы отраслей народного хозяйства и объединены в комплекс на том основании, что цель их развития на перспективу едина — повышение уровня механизации, улучшение условий труда и его эффективности в отраслях, потребляющих производимую рассматриваемыми отраслями продукцию. Кроме того, эти отрасли связаны кооперацией, расходуют одни и те же дефицитные ресурсы и, поскольку они выпускают продукцию длительного пользования, решение задачи эффективного поддержания парка выпускаемых машин в работоспособном состоянии и обеспечения его запасными частями имеет для них первостепенное значение.

При реализации системы моделей тракторостроение было представлено одним видом продукции («тракторы колесные»), включающим два типа тракторов «тракторы колесные тягловым усилием 3 т/с», «тракторы колесные тягловым усилием 5 т/с». Машин первого типа (тракторы Т-157 и Т-158) закреплялись за «карьерными» и «грейдерными» работами, второго типа (тракторы К-700 и К-701) — за «пахотными» и «грейдерными» работами, т. е. была предусмотрена возможность взаимозаменяемости тракторов планирования и приняты следующие сроки службы: срок службы до первого капитального ремонта — один год, нормативный срок службы — три года, срок службы до полного износа — четыре года. Объем капитальных вложений был ограничен суммарно на пять лет, а материальный ресурс лимитировался по годам планового периода.

⁹ Техно-рабочий проект подсистемы... ч. 2.

Пробные реализации системы моделей на информации, принципиально отражающей взаимосвязь производства и эксплуатации, показали, что структура парка тракторов и сроки их службы зависят от распределения ресурсов между сферами производства и эксплуатации и внутри этих сфер (см. таблицу).

При свободном задании ограничений на лимитируемые ресурсы получено решение двух задач нижнего уровня, которое показало, что более эффективными тракторами в первом типе являются тракторы Т-158, а во втором — К-701, которые полностью вытеснили конкурирующие марки тракторов в парке на «грейдерных» работах.

В результате решения задачи верхнего уровня выравнены уровни удовлетворения потребностей во всех видах машин, кроме того, суммарная «заявка» на ресурсы была «урезана» в соответствии с лимитами: по капитальным вложениям на 16%, а по материальным ресур-

Изменение структуры парка тракторов в зависимости от пропорций распределения объемов работ и дефицитных ресурсов (на примере «грейдерных» работ)

Показатель	Тип, модель	Год планового периода						
		1	2	3	4	5	6	7
Ресурсы не лимитированы								
Выполнение заданного объема работ, % к суммарному	3 т/с	43	37	37	37	37	30	24
	5 т/с	57	63	63	63	63	70	76
Распределение капитальных вложений, % к итогу за 5 лет	3 т/с					34		
	5 т/с					66		
Распределение материальных ресурсов, % к итогу	3 т/с	39	41	50	49	43	35	29
	5 т/с	61	59	50	51	57	65	71
Структура парка тракторов, % к итогу	3 т/с	55	51	54	51	62	45	46
	5 т/с	45	49	46	49	38	55	54
Средний возраст тракторов в парке, лет	T-157	2,32	2,78	3,0	—	—	—	—
	T-158	2,52	2,28	1,79	1,89	2,24	2,34	2,53
	K-700	3,0	2,26	3,85	3,0	—	—	—
	K-701	—	—	1,0	1,24	2,23	1,68	2,68
Ресурсы лимитированы								
Выполнение заданного объема работ, % к суммарному	3 т/с	43	38	23	18	13	9	8
	5 т/с	57	62	77	82	87	91	92
Распределение капитальных вложений, % к лимиту на 5 лет	3 т/с					0		
	5 т/с					100		
Распределение материальных ресурсов, % к лимиту	3 т/с	46	41	41	40	35	27	55
	5 т/с	54	59	59	60	65	73	45
Структура парка тракторов, % к итогу	3 т/с	59	50	43	36	35	19	5
	5 т/с	41	50	57	64	65	81	95
Средний возраст тракторов в парке, лет	T-157	2,22	2,92	2,59	2,31	1,98	1,91	4,0
	T-158	3,0	3,5	4,0	—	—	—	—
	K-700	3,72	3,62	3,2	—	—	—	—
	K-701	—	1,0	1,65	1,43	2,17	2,13	2,96

сам — в среднем на 30%. По результатам решения задач среднего уровня (максимизация уровней удовлетворения потребности в выполнении работ видом машин) задания по объемам работ при «срезанных» ресурсах были снижены на 12%, причем выявилась эффективность тракторов типа «Б т/с», и поэтому из развития производства тракторов конкурирующего типа вообще не было выделено капитальных вложений. При таких допущениях выполнение заданного объема работ возможно путем изменения структуры производства и структуры парка, а также сроков службы тракторов.

Учет же дефицита капитальных вложений и материальных ресурсов следующим образом повлиял на решение задач нижнего уровня: полностью изменились структура и объемы производства тракторов и запасных частей к ним, распределение тракторов по видам работ и возрастная структура их парка. Суммарный парк тракторов на «трейдерных» работах снизился за период в среднем на 25%, более мощные тракторы типа «Б т/с» стали выполнять уже с четвертого года более 80% всего объема работ, а тракторы типа «З т/с» составили в парке к концу периода всего 5%. При этом более перспективным в первом типе оказался трактор Т-157, который уже в четвертом году полностью вытеснил тракторы Т-158 на данном виде работ; во втором типе по-прежнему эффективным остался трактор К-701. Изменился и срок службы тракторов.

Таким образом, опробование системы моделей подтвердило наше мнение о том, что планирование сроков службы должно быть достаточно гибким и учитывать конкретные экономические ситуации распределения дефицитных ресурсов, определяющие производство и эксплуатацию машин.

НИИ систем,
Новосибирск

Л. В. ШИШКИНА

ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ СОПРЯЖЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ В РЕГИОНЕ

В системе моделей перспективного планирования главное место справедливо отведено исследованию вертикальных связей между отдельными отраслями и регионами, с одной стороны, и с народным хозяйством в целом — с другой. Вместе с тем большое значение имеет и учет горизонтальных связей, например при планировании комплекса сопряженных производств (энергетического, лесопромышленного и др.). Существуют и ярко выраженные межкомплексные связи, необходимость рассмотрения которых признается многими авторами. Так, в ряде работ, выполненных в ЦЭМИ АН СССР и ИЭ и ОПП СО АН СССР, обосновывается подход к делению народного хозяйства на блоки (или комплексы отраслей) по функционально-целевому признаку. При формировании блоков учитываются все виды связей и, в первую очередь, по текущему производственному потреблению, капитальным вложениям, взаимозаменяемости продукции и ресурсов.

Наиболее приемлемое, по мнению автора, рассмотрение природы горизонтальных связей дано в работе Е. Ю. Фаермана¹, предлагающего выделять межотраслевые комплексы по принципу производственно-технологического структурирования. В качестве структурообразующей подсистемы в межотраслевом комплексе принимается группа профилирующих отраслей, которую дополняют группы отраслей более высокого уровня, обслуживающих технологические процессы (строительство, машиностроение) и выполняющих системные функции (транспорт, управление). Наличие внутри- и межкомплексных взаимосвязей служит основой различных взаимовлияний. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо выделять технологические и материальные связи. Попытки разделить эти типы взаимосвязей на макроэкономическом уровне, как правило, безрезультатны по следующим причинам. Первая состоит в отсутствии (при высокой степени агрегации экономических показателей) параметров, определяющих технологию производства. Другая заключается в известной коррелированности связей этих двух видов: наибольшие технологические взаимовлияния часто (хотя далеко не всегда) сопутствуют производствам с интенсивным материальным обменом. Наконец, принципиально важно учитывать воздействие технического прогресса как фактора динамичности изучаемых взаимодействий.

Для того, чтобы сочетать качественное рассмотрение вопроса с количественными оценками, нами была выбрана группа отраслей, включающая лесопромышленное производство, промышленность сборного железобетона и строительство. Первые две имеют одного потребителя — строительство, которое, по материалам межотраслевого ба-

¹ Фаерман Е. Ю. Проблемы долгосрочного планирования. М., 1971. 464 с.

ланса за 1972 г. потребовало 13% продукции лесопромышленного комплекса, а с учетом косвенных затрат — через машиностроение, черную, цветную металлургию, стекольную и химическую промышленность — около 30%. Наиболее тесные связи с лесопромышленным комплексом по взаимозависимости продукции и взаимозависимости технологий имеют производства сборного железобетона и стеновых материалов, поскольку эти производства являются составными частями единого технологического процесса — создания новых фондов. Из связей взаимозависимости названных производств видно следующее.

1. Каждая из перечисленных отраслей связана не только с предприятиями рассматриваемой группы: существуют технологические связи с другими отраслями народного хозяйства, характеризующие последовательные этапы преобразования природных материалов в конечные продукты, и учет этих связей необходим.

2. Прямые и обратные связи неравнозначны: сложившаяся внутриотраслевая структура лесопромышленного комплекса, возможность взаимозависимости продукции внутри комплекса, существенное влияние транспортного фактора делают взаимодействие лесных отраслей со строительством более разнообразным, и поэтому прямые связи должны быть рассмотрены более детально.

Характер связей между строительством и отраслями лесопромышленного комплекса претерпевает существенные изменения. Под влиянием научно-технического прогресса снижается доля материалов, перерабатываемых непосредственно на строительной площадке, повышается удельный вес сборных конструкций заводского изготовления. Значительно увеличился удельный вес продукции химической промышленности, а удельный вес лесной и лесоперерабатывающей промышленности, по данным межотраслевого баланса за 1966 и 1972 гг., снизился на 8%. Тем не менее по мере индустриализации строительных работ расширяется круг отраслей лесопромышленного комплекса, тесно связанных со строительством. Строительство через своевременный взвод мощностей оказывает воздействие на создание основных фондов этих отраслей, а последние, как поставщики ресурсов, оказывают определенное влияние на строительное производство. Эту взаимосвязь необходимо учитывать при прогнозировании, перспективном планировании развития названных производств.

Исследование взаимосвязей производств наиболее эффективно в крупном экономическом районе. В данной работе в качестве такого района выбран Красноярский край, наиболее развитая в экономическом отношении часть Восточно-Сибирского экономического района. Лесопромышленный комплекс как отрасль специализации производит 11% валовой продукции промышленности Красноярского края.

Решение задачи оптимизации комплекса отраслей в регионе позволило рассмотреть следующие виды взаимодействия: а) влияние объемов производства одной отрасли на объем выпуска в другой; б) влияние структуры производства на взаимосвязи отраслей; в) влияние ассортимента состава обмена на технологию производства отраслей; г) прямое и опосредованное влияние научно-технического прогресса на взаимосвязи отраслей; д) воздействие той или иной отрасли на развитие рассматриваемых производств.

Изучение этих аспектов связано с факторами, определяющими развитие данных производств. Для лесопромышленного комплекса это: эффективное использование сырьевой базы лиственных пород, тонкоглубокой переработки сырья и комплексного использования древесины; введение новых технологий для изготовления экспортной продукции и т. д. Для строительной индустрии определяющими являются: особенности индустриализации строительства в различных районах при за-

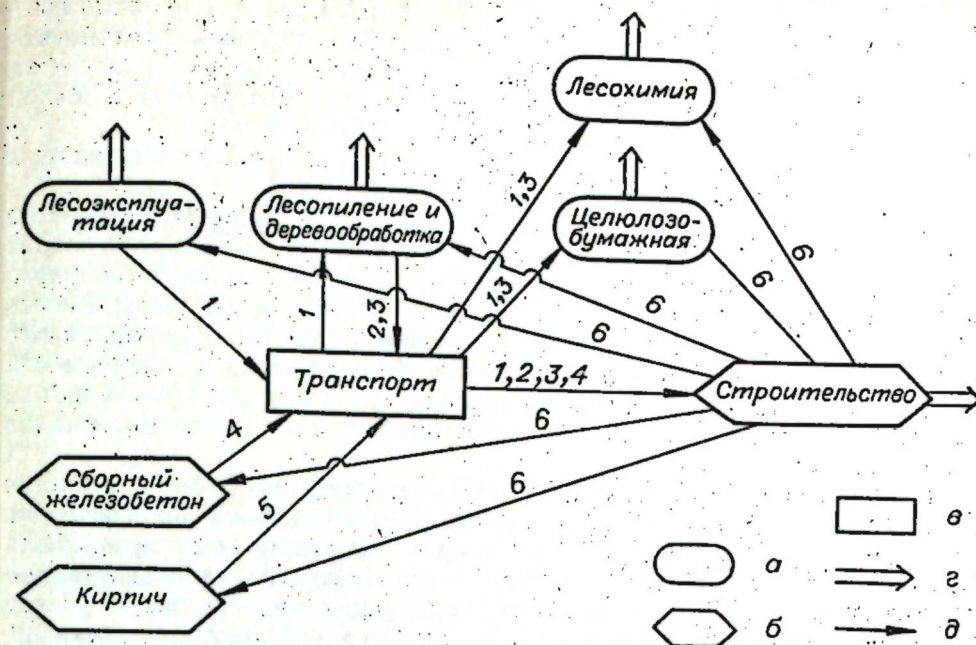

Схема взаимосвязей лесопромышленного производства и строительства. Межотраслевые материальные связи по поставкам деловой древесины — 1, пиломатериалов — 2, отходов лесопиления — 3, сборного железобетона — 4, кирпича — 5, продукции строительства — 6. Отрасли лесопромышленного комплекса — 7, строительство — 8; связывающие и обслуживающие производства — 9, важнейшие внекомплексные связи — 10, внутрикомплексные связи — 11.

данной структуре строительно-монтажных работ; выбор пунктов размещения оптимальных мощностей предприятий; влияние изменения структуры строительно-монтажных работ (СМР) на оптимальный план строительного производства.

Цели исследования предопределили содержание и структуру модели. При рассмотрении лесопромышленного производства как поставщика продукции строительству предусматривается производство таких экономичных материалов и конструкций, как древесноволокнистые и древесностружечные плиты (ДВП и ДСП), фанера, клееные деревянные конструкции. Кроме того, в задаче рассматриваются и другие народнохозяйственные потребности, в том числе экспортные нужды в продукции лесопромышленного комплекса, полученные из моделей более высокого уровня. Поскольку строительство вынуждено компенсировать недостаток в одних материалах использованием других, в модели предусматривается взаимозаменяемость лесопроductии в сфере потребления, а также замена железобетонных конструкций и стеновых материалов деревянными и клефанерными конструкциями в пределах технически допустимых границ. Такое обоюдное взаимовлияние и дополнительные условия определяют номенклатуру конечной продукции. Введение в модель способов производства по каждому продукту позволяет рассмотреть особенности технологий сопряженных производств, учесть влияние технологии в одной отрасли на объемы выпуска продукции в другой отрасли.

Для количественной оценки горизонтальных взаимодействий нужно, чтобы каждый способ характеризовался нормами расхода сырья, затратами на производство продукции, объемами строительно-монтажных работ на единицу прироста мощности. Чтобы учесть сортиментную структуру сырьевой базы, нормы расхода лесосырья на лесопиление (по технологическим способам) дифференцированы в зависимости от породы (хвойные, лиственные). Воздействие новых технологических решений наиболее сильно проявляется на новых предприятиях, поэтому

для них нормы расхода исходного сырья в расчете на 1 м³ пиломатериалов предусматриваются повышенными. Это обусловлено тем, что здесь предполагается большую часть древесины перерабатывать на технологическую щепу. При этом сортность пиломатериалов и выход продукции на единицу сырья соответственно повышаются.

Влияние региональных факторов отражено в дифференцированных по зонам затратах на создание новых предприятий.

Блок капитального строительства включает 7 видов строительства и является в модели связующим звеном, так как компонентами затрат выступают одновременно нормы расхода лесоматериалов и сборного железобетона на 1 млн. руб. СМР. Эти способы дают возможность определить взаимодействие объемов производства лесопромышленного комплекса и промышленности сборного железобетона в зависимости от объемов и структуры СМР, уровня индустриализации строительства, который определяет размеры применения тех или иных материалов и конструкций.

Важным аспектом исследования горизонтальных связей является изучение взаимовлияния пространственной организации производства. С этой целью в модели вся территория Красноярского края была условно разделена на четыре крупные зоны. Агрегирование поставщиков и потребителей сырья и готовой продукции проводилось с учетом этого разделения. В модели каждая зона характеризуется достигнутыми объемами производства лесной и лесоперерабатывающей промышленности, СМР, мощностями строительных баз, потребностями в основных материалах и конструкциях.

Наиболее развитой в хозяйственном и транспортном отношении является Красноярская зона. Здесь имеется мощная строительная база, сравнительно лучшая обеспеченность рабочей силой, что создает предпосылки для более интенсивного развития промышленности, а следовательно, для крупных капитальных вложений и объемов СМР. Енисейская зона характеризуется большими запасами высококачественной древесины, наличием водных и энергетических ресурсов, что создает основу для развития в больших масштабах лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Абаканская зона развивается как крупный энергетический и машиностроительный комплекс и является значительным потребителем лесоматериалов. Однако сравнительно небольшая расчетная лесосека не позволяет наращивать темпы лесозаготовительного производства и развивать отрасли, сырьем для которых служит древесина. В Канской зоне создаются предприятия цветной металлургии, химической промышленности. Большие объемы СМР, наличие сырьевой базы для развития лесопромышленного производства делают эту зону наиболее интересной для исследования взаимосвязей лесопромышленного производства со строительством.

Транспортный блок учитывает возможность перевозки продуктов между рассматриваемыми районами и при этом открывает возможности углубления внутрирайонной специализации производств.

Среди региональных факторов, влияющих на взаимодействие производств, особое место занимает агломерация размещения. Агломерационный эффект по различным оценкам может достигать 10—30%. Поэтому на основе тщательного анализа хозяйственного развития края в модели намечались возможные пути размещения сырьевых и перерабатывающих производств лесной, лесоперерабатывающей промышленности, предприятий стройиндустрии с учетом возможности агломерации. При этом учитывался эффект в размере 10%.

Критерием эффективности тех или иных мероприятий принимался минимум приведенных затрат по всему кругу учитываемых производств, включая затраты на транспорт сырья и готовой продукции.

Т а б л и ц а 1

Влияние объемов выпуска продукции лесопромышленного комплекса на размещение предприятий стройиндустрии

Зона	II вариант*			III вариант*		
	Валовая продукция лесных отраслей	Объем СМР	Валовая продукция сборного железобетона	Валовая продукция лесных отраслей	Объем СМР	Валовая продукция сборного железобетона
Красноярская	115	104,5	101,2	116,8	105,6	102,3
Канская	110	103	100,8	122	106,7	101,2
Енисейская	220	137,4	124	285	400	308
Абаканская	105	101,2	100,2	105	103,4	102,7

* % к I варианту.

Метод исследования — вариантыные расчеты по модели. Вычислительный метод, основанный на методе разложения В. А. Волконского², позволяет уже в процессе итераций рассматривать взаимодействие исследуемых производств.

В процессе исследования были произведены расчеты нескольких вариантов плана. Среди них варианты с различным уровнем потребления лесоматериалов в строительстве, с увеличенным производственным заданием на продукты глубокой переработки древесины с целью определения влияния объемов и структуры лесопромышленного производства на размещение и мощности предприятий стройиндустрии, с увеличенными объемами строительно-монтажных работ с целью выявления взаимовлияния на размещение исследуемых производств.

В процессе исследования были получены следующие результаты.

1. Установлено взаимовлияние размещения рассматриваемых производств. Результаты этого эксперимента приведены в табл. 1. Во II варианте было увеличено задание на производство продукции лесопромышленного комплекса. Для обеспечения ввода мощностей потребовались дополнительные объемы капитальных вложений и ввод мощностей по производству сборного железобетона и стеновых материалов. Приведенные в табл. 1 результаты показывают, что лесопромышленное производство предопределяет размещение объектов стройбазы. Влияние объемов СМР на размещение лесопромышленных объектов значительно слабее и при планируемых на десятилетний период объемах капитальных вложений существенного влияния не окажет. Только резкое увеличение объемов строительно-монтажных работ (в 4 раза) приведет к размещению лесопромышленных производств в районах сосредоточенного строительства (вариант III).

2. Выявлено воздействие технологии одной отрасли на объемы и структуру выпуска в другой, показана эффективность замены железобетонных конструкций деревянными. Эффективность такой замены следует из сопоставлений по себестоимости, капитальным вложениям, а также по полному кругу затрат с учетом перераспределения капитальных вложений в отраслях. В связи с заменой 20% сборного железобетона клееными деревянными конструкциями объем капитальных вложений в строительство предприятий лесопромышленного комплекса увеличился на 44,5 млн. руб., а в промышленности сборного железобетона уменьшился на 56,7 млн. руб., т. е. экономия капитальных вложений составила 12,2 млн. руб. При этом эффективность капитальных вложений возросла в 1,5 раза, экономия трудозатрат на 1 млн. руб.

² Волконский В. А. Модель оптимального планирования и взаимосвязи экономических показателей. М., 1967. 152 с.

Таблица 2
Нормы расхода основных строительных материалов на 1 млн. руб. СМР

Материалы и конструкции	Единица измерения	Фактические нормы расхода	Рекомендуемые нормы расхода	
			промежуточные	оптимизированные
Круглый лес	м³	219	192	186
Пиломатериалы	м³	661	547,88	528,8
ДВП	м²	135	2032	2048
ДСП	м²	0,5	17,2	18,3
Фанера	м²	0,88	9,45	12
Сборный железобетон	м³	1630	1500	1300
Кирпич	тыс. шт.	350	302	300
Деревянные конструкции	усл. кирп. м³	0,23	95	218

составила 95 чел./дней, а на весь объем СМР, предусмотренных в плановом периоде — 171 тыс. чел./дней.

3. В процессе решения были получены оптимизированные нормы расхода основных строительных материалов на 1 млн. руб. СМР. Однако сложившаяся структура лесопромышленного производства в Красноярском крае, темпы нарастания мощностей не позволяют сразу выйти на оптимальный уровень лесопотребления в строительстве, и оно характеризуется промежуточными нормами (табл. 2). Кроме того, установлено колебание уровня затрат на единицу продукции лесных отраслей. Значения рассчитанных коэффициентов позволяют судить о фондоемкости лесопромышленного производства по зданиям и сооружениям дифференцированно по зонам края.

Эти коэффициенты могут найти применение при построении локальных моделей, при согласовании их с народнохозяйственными моделями при оценке отдельных хозяйственных решений.

Таким образом, рассмотренное взаимодействие лесопромышленного и строительного производства позволило выявить и конкретизировать набор взаимосвязей, оценить степень их значимости и дать конкретные количественные оценки.

*Институт экономики
и организации промышленного производства
СО АН СССР,
Новосибирск*

А. С. МОСКОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СИБИРИ

(К 50-летию первого пятилетнего плана
развития народного хозяйства)

Исполнилось 50 лет со дня одобрения в конце апреля 1929 г. XVI конференцией ВКП(б) и в мае — утверждения V Всесоюзным съездом Советов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, положившего начало истории славных героических пятилеток борьбы советского народа за построение социализма и коммунизма.

Плановое руководство народным хозяйством — важнейшая закономерность и могучее орудие социалистического строительства. Оно стало возможным после победы пролетарской революции и начало внедряться с первых лет Советской власти.

У истоков становления научного государственного планирования развитием экономики стоял В. И. Ленин. Он неоднократно указывал, что без единого государственного хозяйственного плана невозможно успешное восстановление и развитие народного хозяйства, создание материальной основы социализма. В. И. Ленин разработал основные теоретические и организационные вопросы планового государственного руководства всеми сторонами общественной жизни. Уже в марте 1918 г. В. И. Ленин поставил перед страной такие организационные задачи в области планирования: «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом...»¹

Одной из важнейших задач социалистического планирования является обеспечение необходимых народнохозяйственных пропорций, т. е. слаженной и согласованной работы всех отраслей народного хозяйства. «Все планы отдельных отраслей производства, — указывал В. И. Ленин, — должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся»².

Ленинские указания о перспективном планировании были закреплены в решениях IX съезда партии (март 1920 г.), в которых подчеркивалось, что «основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение *единого хозяйственного плана*, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху»³.

В тяжелые годы гражданской войны и разрухи по инициативе и при личном участии В. И. Ленина был разработан первый в истории человечества научный перспективный план электрификации нашей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 7.

² Там же, т. 42, с. 154.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр., т. 2. М., 1970, с. 151.

страны — план ГОЭЛРО, который был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. Главная задача плана — возрождение и развитие народного хозяйства на базе электрификации и создание фундамента социалистической экономики.

План предусматривал значительные задачи по созданию и развитию в Сибири (особенно в ее западной части) на основе природных ресурсов отраслей тяжелой промышленности: угольной, горнодобывающей, химической, металлургии, машиностроения и других. В плане говорилось о восстановлении и быстром развитии крупной промышленности и транспорта в Западной Сибири, которой «предстоит быть по меньшей мере основным районом для снабжения продуктами тяжелой индустрии всей Сибири, а может быть, Туркестана и Монголии»⁴.

В плане ГОЭЛРО по указанию В. И. Ленина была поставлена проблема создания Урало-Кузнецкого промышленного комплекса, которая впоследствии стала стержнем первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Сибири, основой индустриализации края.

Давая высокую оценку первому перспективному плану и осмеивая тех, кто не верил в его выполнение, В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов указывал: «И вот, когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, находятся нередко скептики, которые говорят: где уж там нам на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас. Товарищи, нужно уметь соединять и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех... Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение»⁵.

В. И. Ленин называл план ГОЭЛРО второй программой партии, которая будет улучшаться, совершенствоваться на местах по мере ее осуществления⁶.

С переходом к мирному хозяйственному строительству расширялись возможности и возрастала роль планового руководства возрождением и развитием экономики страны Советов. В феврале 1921 г. при Совете труда и обороны была создана Государственная общеплановая комиссия (Госплан), на которую возлагалась подготовка и разработка текущих и перспективных хозяйственных планов, рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных планов различных ведомств и областных хозяйственных органов и др.⁷ Вскоре создаются плановые комиссии при губернских и областных исполкомах, а также плановые органы в хозяйственных наркоматах и ведомствах.

В первые годы нэпа составлялись месячные, квартальные и годовые бюджеты, текущие плановые задания отдельным отраслям промышленности, транспорта и т. д. С 1925 г. стали разрабатываться контрольные цифры развития народного хозяйства, превратившиеся затем в годовые народохозяйственные планы. В контрольных цифрах впервые вместо прежних разрозненных производственных программ и отраслевых планов был намечен народохозяйственный план на один год, где планы предприятий и отраслей хозяйства были координированы и увязаны в общий план. Эти первые контрольные цифры были еще не совершенны, но они обогащали опытом плановые органы в совершенствовании и развитии социалистического планирования. Текущие хозяйственные планы опирались на перспективный народохозяйственный план — план ГОЭЛРО.

⁴ План электрификации РСФСР. М., 1955, с. 603.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 153—154.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 157—158.

⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов, т. 1. М., 1957, с. 203, 204.

В 1920 г. Сибирский революционный комитет (Сибревком) создал Экономический отдел, затем преобразованный в Сибирскую государственную плановую комиссию (Сибгосплан). На нее и Сибирское областное промышленное бюро ВСНХ была возложена задача составить на основе указаний IX съезда партии о разработке единого хозяйственного плана и плана ГОЭЛРО первый для Сибири план хозяйственного развития.

В чрезвычайно трудных условиях разрухи, при отсутствии какого-либо опыта в составлении подобных документов, при крайнем несовершенстве и скудности имевшихся статистико-экономических материалов плановые и хозяйственные органы Сибири одними из первых в стране приступили в начале 1921 г. к разработке плана развития народного хозяйства крупного региона. Его составление велось под непосредственным руководством Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. В начале марта 1921 г. третья Всесибирская партийная конференция рассмотрела вопрос «Об очередных задачах хозяйственного строительства в Сибири» и дала основные директивы для разработки этого плана. Главными задачами промышленного развития Сибири, указывалось в решениях конференции, должны быть широкое использование колоссальных запасов водной энергии, значительное увеличение добычи угля, создание прочной металлургической базы, развитие машиностроения, всемерное расширение отраслей, работавших на экспорт (добычи золота, лесной промышленности, переработки сельскохозяйственного сырья) и др.⁸

Основываясь на четких указаниях Сибирской партийной организации, плановые и хозяйственные органы Сибири сумели уже к августу 1921 г. представить четвертой Сибирской партийной конференции тезисы «Об основах единого хозяйственного плана Сибири».

Председатель Сибгосплана, позднее известный дипломат и академик, И. М. Майский на этой конференции говорил: «Здесь в Сибири мы несколько опередили Центр... Мы начали работу в феврале без всяких указаний Центра, руководствуясь лишь общими соображениями об общегосударственных задачах Сибири»⁹.

Тезисы были одобрены партийной конференцией и Сибревкомом, а на их основе намечена в общих чертах хозяйственная программа на 1921—1925 гг. и более детально разработан план на 1921/22 г.

Однако первый план был еще несовершенным, он не охватывал всех отраслей промышленности, не был связан с общегосударственным планом, а главное не опирался на какие-либо реальные материальные и финансовые ресурсы, которых в то время не было как в Сибири, так и во всей Советской России. Поэтому он остался в те годы неосуществленным. И несмотря на это, план послужил основой дальнейшей плановой работы в Сибири. Так в первые тяжелые годы Советской власти закладывались основы для планирования развития народного хозяйства в Сибири.

В конце восстановительного периода на основе указания сибирских партийных и советских органов Сибкрайплан и Сибкрайсовнархоз провели значительную работу по составлению нового перспективного плана развития сибирской промышленности на 1925/26—1929/30 гг. Этот план учитывал развитие некоторых отраслей промышленности, имеющих общесоюзное значение: осуществление урало-кузнецкой проблемы, увеличение добычи угля, постройку Тельбесского металлургического завода, широкую реализацию экспортных возможностей края (расширение золотодобывающей, лесной, слюдяной и других отраслей).

Одновременно план предусматривал решение задач, имевших пре-

⁸ Изв. Сиб. обл. бюро РКП(б), 1921, 5 марта.

⁹ Бюл. 4-й Сиб. конф. РКП(б), 1921, № 5, с. 2—3.

имущественно сибирское значение: максимальное использование и переработка на месте сырьевых ресурсов края (кожсырья, маслосемян, шерсти, молопродуктов, конопли и т. д.), дальнейшее развертывание сельскохозяйственного машиностроения, создание ряда новых отраслей на базе имеющегося сырья.

В целом планировалось увеличение основных производственных фондов в 4,3 раза, рост числа рабочих почти в 1,5 раза, а объема производства вдвое, в том числе по промышленности ВСНХа — почти втрое. Для развития промышленности требовалось вложить за пять лет 162 млн. руб., из них в союзную — 120 млн. руб. в основном за счет государственного бюджета¹⁰. Первый Сибирский краевой съезд Советов, проходивший в декабре 1925 г., одобрил курс на индустриализацию Сибири и основные направления пятилетнего плана развития сибирской промышленности. Вместе с тем он указал на необходимость дальнейшего его уточнения и дополнения по отраслям, имеющим экономические предпосылки для своего развития (машиностроение, промышленность строительных материалов, сахарная, бумажная, консервная промышленность и др.)¹¹.

Разработанный план был встречен в центральных органах страны с большим интересом. ВСНХ РСФСР утвердил этот план как основу для дальнейшей разработки перспектив развития сибирской промышленности. С этой целью он направил в Сибирь специальную комиссию, которая в феврале — марте 1926 г. провела большую работу по уточнению показателей плана и увязки его с общесоюзными задачами. В результате работы комиссии плановый объем производства важнейших отраслей промышленности значительно увеличился¹².

В апреле 1926 г. Президиум ВСНХ РСФСР заслушал доклад об итогах работы комиссии. План развития сибирской промышленности с внесенными изменениями был одобрен и сибирским организациям было предложено руководствоваться им в своей работе¹³. Таким образом, в результате совместной работы центральных и сибирских организаций был создан первый пятилетний план развития промышленности Сибири.

Однако выполнение плана натолкнулось на ряд серьезных трудностей, вытекавших, во-первых, из несовершенства самого плана, во-вторых, и это главное, из недостаточности финансовых и материальных ресурсов, которыми располагала наша страна и которые она направляла на развитие в первую очередь тех районов, где имело место значительное развитие промышленности (Центр, Северо-Запад, Юг), и вкладываемые средства в короткое время давали наибольший эффект. В связи с этим предусматриваемые в плане ассигнования из госбюджета оказались нереальными.

Кроме того, план имел и другие недостатки: отсутствовала тесная увязка между развитием промышленности и перспективами расширения сельскохозяйственного производства (план составлялся только для промышленности), при разработке планов отдельных отраслей не были учтены потребности страны в целом, наблюдалось стремление обеспечить Сибирь во всех отраслях продукцией только «собственного» производства.

Сибирские плановые и хозяйственные органы, совершенствуя методы работы и накапливая фактический материал о развитии экономики, в последующие годы составили несколько вариантов пятилетних и ге-

неральных планов на более длительный срок. Так, в течение 1926 г. был разработан генеральный перспективный план развития народного хозяйства Сибирского края на 15 лет (1926/27—1940/41 гг.). В нем делалась попытка отразить те экономические процессы, которые могут произойти в народном хозяйстве Сибири за эти годы. Он был составлен Сибкрайпланом без участия местных плановых органов и поэтому давал лишь ориентировочные наброски будущих перспектив. Этот план предусматривал удвоение национального дохода, создаваемого в Сибири, рост основных производственных фондов в 8,8 раза, валовой продукции в 11 раз за весь период¹⁴.

Параллельно с разработкой 15-летнего плана шло составление оперативного плана на пятилетний его отрезок (1926/27—1930/31 гг.). В течение 1927 г. был разработан вариант пятилетнего плана на 1927/28—1931/32 гг. Этот план исходил из более высоких заданий, нежели предыдущий. Им намечалось удвоение объема выпускаемой продукции, строительство ряда новых предприятий¹⁵.

В 1928—1929 гг. была проведена большая работа по составлению нового генерального плана развития сибирской промышленности на 1928/29—1942/43 гг., который более широко раскрывал перспективы развития важнейших отраслей промышленности как в Западной, так и в Восточной Сибири¹⁶.

Многие положения названных планов послужили основой разработки сибирской части первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1928/29—1932/33 гг.

Аналогичные планы разрабатывались в различное время и по другим регионам и в целом по стране, главным образом в отраслевом разрезе. Но они по ряду причин не были совершенны и носили ориентировочный характер. Однако их составление обогащало хозяйственные органы опытом совершенствования планирования и подготовило условия для разработки более полного научного общегосударственного перспективного плана первой пятилетки.

Первый комплексный план развития народного хозяйства СССР составлялся на основе Директив XV съезда ВКП(б), в которых давалась целевая установка на быстрый рост тяжелой индустрии, коллективизацию сельского хозяйства, социальное и культурное развитие, на укрепление оборонной мощи страны. Всей работой по составлению пятилетнего плана непосредственно руководил Центральный комитет партии, который определил конкретное содержание этого плана.

Основная задача плана первой пятилетки состояла в том, чтобы создать в СССР мощную тяжелую индустрию, способную реорганизовать на базе социализма все народное хозяйство. Это был план развернутого социалистического наступления по всему фронту. В конкретных социально-культурных и технико-производственных показателях первой пятилетки нашла выражение генеральная линия партии на построение социализма в СССР. Пятилетний план — крупнейшее достижение плановой работы, разработка его обогатила опыт перспективного планирования.

Основываясь на ленинских положениях о рациональном размещении производительных сил в стране и его неоднократных указаниях о создании и развитии крупной индустрии на востоке страны на базе богатств недр и сырьевых ресурсов, большое место в первом пятилетнем плане уделялось Сибири. Разработка сибирской части пятилетнего

¹⁰ К вопросу об индустриализации Сибири. Новониколаевск, 1925, с. 64—65.

¹¹ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919—декабрь 1925. Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959, с. 208—209.

¹² См.: История индустриализации Западной Сибири (1926—1941 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1967, с. 50—52.

¹³ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 118, д. 184, л. 1.

¹⁴ Основные положения Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1927, с. 14.

¹⁵ ГАНО, ф. 12, оп. 1, д. 417, л. 178—179.

¹⁶ Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930.

хами, не критическая оценка экономических рекомендаций по рациональному использованию подлинных земель, агрохимии и т. п.

После решительного осуждения октябризма (1964 г.) и мартовщины (1965 г.) Плехановским ЦК КПСС субъективизма в руководстве сельским хозяйством начинается новый этап в истории целины, характеризующийся более глубоким и всесторонним исследованием проблем, анализом как успехов, так и трудностей в освоении новых земель. Наиболее значительный вклад в разработку рассматриваемой темы внесли авторы V тома «Истории Сибири», в 4 и 7 главах которого анализируются проблемы развития сельского хозяйства в 1951—1965 гг.⁸ Расширилась проблематика исследований. Общественному анализу подверглось советское строительство в целинных районах. В трудах не столько историков, сколько представителей сельскохозяйственной и экономический науки, получили глубокое обоснование проблемы развития производства и особенно создания почвозащитной системы земледелия.⁹ Более обстоятельно и всесторонне стали изучаться и традиционные сюжеты — деятельность партийных организаций на целине, формирование целинных коллективов, вклад ученых в разработку системы ведения сельского хозяйства, ведущая роль рабочего класса в освоении новых земель и др.¹⁰

Одним из преодоленных до сих пор недостатков исторических работ состоит в том, что массовое освоение целинных и залежных земель во второй половине 50-х годов показывается, как правило, вне связи со всей предшествующей историей подъема целины. Пожалуй, лишь в работах В. И. Куликова освоение целины в 20—30-х годах служит предметом специального рассмотрения, однако материалы по Сибири в них приводятся лишь фрагментарно.¹¹ Историками Сибири история освоения новых земель в 20—30-х годах разработана слабо. Эта проблема решалась в Сибири в неразрывной связи с сельскохозяйственным переселением в край. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в Сибири в годы социалистического строительства наиболее обстоятельно исследована Н. И. Платуновым.¹² Однако одним из существенных недостатков его работ состоит в том, что в них не раскрывается роль переселенцев в хозяйственном освоении новых земель. Так, Н. И. Платунов утверждает, что «в довоенные годы Совет-

ской власти, благодаря переселению было освоено в восточных районах страны более 15 млн. га ранее еще не обрабатываемых земель...»¹⁴ Однако соответствующих расчетов, показывающих, как получена приведенная цифра, к какой территории она относится, автор не приводит. Остается невыясненным и главное: какую конкретно роль сыграли переселенцы в освоении новых территорий.

Освоение новых земель в конце 20-х и в 30-е годы проводилось социалистическими хозяйствами — колхозами и совхозами, вооруженными новой машинной техникой. Опыт освоения сибирской целины совхозами и колхозами еще не получил научного освещения. Даже в специальной монографии о строительстве совхозов Западной Сибири в годы первой пятилетки об освоении новых земель, по сути дела, ничего не говорится.¹⁵ Между тем в опыте освоения целинных земель в 30-е годы много ценного и поучительного. Он не только показал возможности и способы освоения новых земель социалистическими хозяйствами, вооруженными тракторами и другими совершенными машинами, но и преподал некоторые уроки по рациональному хозяйствованию и агротехнике. Быстрые темпы строительства, недостаток средств, техники, кадров, отсутствие опыта обусловили и многие трудности в совхозном строительстве. Освоение новых земель в Сибири происходило непрерывно, вплоть до Великой Отечественной войны. К концу 30-х годов посевные площади в Сибири в сравнении с дореволюционным периодом возросли примерно в 2 раза.¹⁶

Развертывание во второй половине 50-х годов в огромных масштабах работ по освоению новых земель было логическим продолжением проводимой партией политики в 20—30-х годах и опиралось на предшествующий опыт совхозов и колхозов. Научное обобщение этого опыта, анализ не только достигнутых успехов, но и просчетов помогли бы глубже учесть уроки тех лет и избежать ошибок в дальнейшем.

Недостаточно изученной и освещенной в литературе является проблема объективной необходимости массового освоения целины в середине 50-х годов. В большинстве работ обстоятельно показаны предпосылки, основные направления деятельности и мероприятия партии, обеспечивающие освоение новых земель: массовое почвенное обследование для выявления и отбора пашни, пригодной для обработки, поставки техники, строительных материалов, семян и других ресурсов в целинные районы, направление туда многочисленных отрядов квалифицированных кадров и т. п. Однако объективная необходимость освоения целинных земель в середине 50-х годов как основного направления подъема сельскохозяйственного производства, невозможность других вариантов решений зерновой проблемы, исключение других альтернатив недостаточно обосновывается в литературе в целом и особенно в исследованиях по Сибири.

Научное обоснование объективной необходимости массового освоения целины в середине 50-х годов как оптимального пути решения зерновой проблемы возможно при всестороннем анализе внутреннего и международного положения нашей страны в тот период. Состояние сельского хозяйства в начале 50-х годов проанализировано в партийных документах. В 1949—1953 гг. валовое производство и заготовки зерна в стране фактически не росли и не достигли довоенного уровня. В 1953 г. хлеба было израсходовано государством больше, чем заготовлено; приходилось часть зерна брать из государственных резервов,

⁸ История Сибири. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л., 1969, с. 244—265, 345—360.

⁹ Меднижков В. И. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за подъем совхозного производства (1954—1958 гг.). Автореф. канд. дис. Томск, 1967, 25 с.; Заборцев А. И. Развитие хозяйственного расчета и воспроизводство в совхозах Западной Сибири. Новосибирск, 1975, 299 с. и др.

¹⁰ Бараев Л. И. Новое в земледелии восточных районов страны. — Земледелие, 1967, № 11, с. 16—21; Вопросы экономики и организации сельскохозяйственного производства Западной Сибири. Вып. III. Новосибирск, 1969, 255 с.; Сиягин И. с. 12—16; Почвозащитное земледелие. М., 1975, 304 с.; Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири. Новосибирск, 1977, 205 с. и др.

¹¹ Рождественский Е. В. Идеологическая работа партийных организаций областей Западной Сибири в период массового освоения целинных и залежных земель (1954—1958 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1965, 20 с.; Казанцев А. В. Деятельность Алтайской краевой партийной организации по подготовке и воспитанию механизаторских кадров (1953—1965 гг.). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1971, 23 с.; Большому развитию шефства города над деревней в период завершения строительства социализма (1951—1958 гг.). Автореф. канд. дис. Томск, 1974, 24 с. и др.

¹² Куликов В. И. Коммунистическая партия в борьбе за освоение новых земель в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства. — Вопросы истории КПСС, 1977, № 1, с. 33—46; Он же. Исторический опыт освоения целинных земель и др.

¹³ Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917—июль 1941 гг.). Томск, 1976, 283 с. и др.

¹⁴ Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства..., с. 278.

¹⁵ См.: Антошин Ю. Г., Анисков В. Т. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск, 1971, 224 с.

¹⁶ Посевные площади СССР. Статистический справочник. М.—Л., 1939, с. 6—10.

что совершенно недопустимо. В Западной Сибири, хотя валовые сборы несколько превысили довоенный уровень, объем заготовок был ниже довоенного¹⁷.

При обосновании необходимости перехода к массовому освоению земель на востоке большинство исследователей неправомерно абстрагируются от международной обстановки начала 50-х годов. Это время характеризуется разгаром не только «холодной войны», но и войны в Корее. Международная обстановка в сочетании с внутренней — резкое отставание сельскохозяйственного производства от развития индустрии и потребностей страны — продиктовали необходимость принятия срочных мер по подъему сельского хозяйства.

Возможности решения этой задачи за счет старопахотных земель в европейской части страны были в то время практически исключены, прежде всего, вследствие слабого развития химической промышленности, производящей минеральные удобрения. Действительно, в 1955 г. было произведено всего 9,7 млн. т минеральных удобрений (в условных единицах); на 1 га пашни приходилось менее 10 кг (в настоящее время около 77 кг) минеральных удобрений. Это было крайне мало, и удобрения в то время вносились только под технические культуры, овощи и частично под картофель, под зерновые культуры они практически не выделялись¹⁸. Развитие химической промышленности до уровня, который позволил бы обеспечить удобрениями обширные площади под зерновыми культурами, требовало огромных капитальных вложений и длительного времени.

Если уровень производства минеральных удобрений не позволял рассчитывать на быстрый подъем качественных показателей в земледелии, то высокий уровень развития сельскохозяйственного машиностроения (производство тракторов в середине 50-х годов по сравнению с довоенным возросло в 3,6 раза, а комбайнов — более чем в 10 раз) создавал благоприятные возможности для подъема целинных земель. В пользу первоочередного освоения плодородных земель востока говорило и то, что таким путем можно было добиться быстрого повышения не только количественных, но и важных качественных показателей: в этих районах хорошо произрастали наиболее ценные культуры — твердые и сильные сорта пшеницы.

Необходимость освоения земель в восточных районах главным образом диктовалась положением в стране в целом, но было бы неправильно игнорировать и региональные задачи развития экономики. В период построения социализма, в годы войны, а также послевоенные годы была в большей мере преодолена отсталость восточных районов, в развитии промышленности и транспорта этих районов произошел большой скачок. Нельзя не согласиться с В. М. Слободным, который утверждает, что «все это коренным образом изменило экономические условия развития сельского хозяйства восточных степных районов. Их сельскохозяйственное освоение явилось в то же время важным условием пропорционального развития народного хозяйства востока страны»¹⁹. Этот правильный и важный вывод не нашел еще в литературе всестороннего конкретно-исторического обоснования.

Одна из важных проблем — проблема формирования целинных коллективов. Многочисленные отряды специалистов, механизаторов, коммунистов и комсомольцев были направлены в целинные районы Си-

бири. По неполным данным, в середине 50-х годов из городов Сибири было направлено в МТС свыше 5 тыс. дипломированных специалистов, 8,5 тыс. механизаторов, более 1530 коммунистов рекомендовано на работу председателями колхозов; кроме того, по комсомольским путевкам прибыло около 130 тыс. чел. — около трети всех целинников страны²⁰. В результате с начала 1951 по апрель 1956 г. сельское население в Западной Сибири возросло на 360 тыс. чел.

Процесс формирования целинных коллективов в историографии показывается упрощенно, не вскрываются трудности в этом сложном деле, поиски мер по закреплению кадров, совершенствование стимулов труда целинников. Большинство целинников трудилось на целине сравнительно непродолжительное время. Так, из прибывших из других районов в 1954—1956 гг. в МТС Алтая 33,3 тыс. чел. ушло уже к концу 1956 г. 35%. На постоянное жительство в Алтайском крае осталось лишь 15% новоселов. Удельный вес новоселов среди пополнения трактористов 1954—1958 гг. составлял 20,9%, а комбайнеров — 31,6%. В последующие годы доля новоселов-механизаторов резко снижается и составляет в 1959—1962 гг. лишь 7%²¹. Это позволяет сделать вывод, что основным источником формирования целинных коллективов в Сибири были местные жители.

Одновременно с освоением целинных земель происходили поиски новой почвозащитной системы земледелия. Один из непосредственных участников, а позднее исследователь целинной эпопеи Ф. Т. Моргуни справедливо писал: «За последние десятилетия не было в земледелии свершения, которое, по размаху и эффективности можно сопоставить с победой над эрозией на целине!»²²

Многие аспекты истории выработки и внедрения новой почвозащитной системы земледелия изучены слабо. В ряде работ показано, что в ходе освоения целины были допущены ошибки, выразившиеся в непомерной распашке земель, шаблонной агротехнике, волюнтаристском планировании и т. п. Ф. Т. Моргуни пишет, что ошибки особенно пагубно сказались после 1958 г.²³

Допущенные ошибки и просчеты привели к засоренности полей сорняками, к возникновению ветровой и водной эрозии, к «черным бурям». В Сибири подвержено 10 млн. га земель ветровой и 3 млн. га водной эрозии (около 25% всех сельскохозяйственных земель). Всего в восточных районах страны подвержены или могут подвергаться ветровой эрозии около 47 млн. га земель²⁴.

В литературе предпринимаются попытки вскрыть причины допущенных ошибок, выявить ответственность отдельных ученых и научных коллективов за рекомендацию к внедрению в практику недостаточно научно обоснованных и проверенных на практике рекомендаций. В. М. Слободин указал на ответственность академика Т. Д. Лысенко и поддерживающих его ученых за рекомендации ранних сроков сева, что «приводило к снижению урожаев и росту засоренности посевов»²⁵.

Г. А. Наливайко и руководимый им Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства отрицали значение чистых паров и рекомендовали повсеместно в целинных районах внедрять так называемую пропашную систему земледелия, считая, что главным предшественником под зерновые культуры могут быть только пропаш-

¹⁷ Бессонов С. К. Зерновое производство Западной Сибири. — В кн.: Вопросы экономики и организации сельскохозяйственного производства Западной Сибири. Вып. III, с. 131—132.

¹⁸ Слободин В. М. Освоение целинных земель и развитие земледелия в СССР. — В кн.: Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Москва, 1975, с. 139.

¹⁹ Там же, с. 140.

²⁰ История Сибири, т. 5, с. 248, 250, 253.

²¹ ГААК, ф. 569, оп. 10, д. 297, л. 64, 73; Казанцев А. В. Количественный и качественный рост механизаторских кадров Алтая (1956—1963 гг.). Сборник науч.-исслед. работ аспирантов и молодых ученых Алтайского с.-х. ин-та (материалы конференции). Вып. 2. Барнаул, 1966, с. 91—92.

²² Моргуни Ф. Т. Хлеб и люди. М., 1979, с. 277.

²³ Там же, с. 141.

²⁴ Куликов В. И. Исторический опыт освоения целинных земель, с. 191.

²⁵ Слободин В. М. Указ. соч., с. 143.

ные культуры, в основном кукуруза и бобы. В литературе указано на ошибочность этих предложений²⁶. Таким образом, при разработке рациональной системы земледелия на целине приходилось преодолевать многие трудности, ошибочные рекомендации отдельных ученых. К сожалению, некоторые работы о вкладе ученых в освоение целинных земель не учитывают этого обстоятельства²⁷.

Исследователи едины в определении главной причины допущенных ошибок на целине — это субъективизм и администрирование в руководстве сельским хозяйством. Президент ВАСХНИЛ, академик П. П. Лобанов отмечал, что в 1957—1958 гг. учеными была разработана система научно обоснованных рекомендаций по ведению сельского хозяйства на целине. «Однако эти рекомендации и разработки по системам ведения хозяйства не были использованы, а были подменены административными указаниями по структуре посевных площадей, парам. Было точно указано, сколько надо сеять свеклы, кукурузы, бобов и т. д., то есть вместо научно разработанной системы ведения хозяйства были предложены малообоснованные мероприятия»²⁸.

Сущность новой почвозащитной системы земледелия всесторонне разработана в трудах академика А. И. Бараева и других ученых. Задача историков — показать этапы разработки и внедрения этой системы в целинных районах, преодоление последствий ветровой и водной эрозии почв, повышение культуры земледелия. Однако нельзя не согласиться с В. И. Куликовым, что по этой проблеме отсутствуют обобщающие исторические труды²⁹.

Создание таких трудов позволило бы обстоятельно показать преимущества нашего опыта массового освоения целины перед опытом проходившего в конце прошлого столетия земледельческого освоения степных районов США, Канады и юга Европейской России, растянувшегося на несколько десятилетий и имевшего экстенсивный хищнический характер. В СССР в сравнительно короткий срок стало возможно перейти от экстенсивного к интенсивному земледелию на целине. На первом этапе (примерно до 1959 г.) повышение урожая было достигнуто в результате использования высокого плодородия вновь освоенных земель. Период 1960—1965 гг. характеризуется поисками путей интенсивного развития целинного земледелия. После 1965 г. начинается последовательно проводиться курс на интенсификацию сельского хозяйства на основе внедрения новой почвозащитной системы земледелия. Современная аграрная политика партии исходит из того, что коренное улучшение земель путем мелиорации — главное направление в деятельности по освоению новых земель. Важная задача историков — дать всестороннее конкретно-историческое обоснование отмеченных этапов освоения целины, раскрыть преемственность, а также их качественное своеобразие.

По-прежнему актуально изучение социально-экономических итогов и последствий массового освоения целины. На материалах Сибири эта проблема слабо разработана. Прежде всего — об экономической эффективности освоения новых земель. Если по стране в целом и Казахстану приведены обоснованные расчеты экономической эффективности освоения новых земель, то по сибирской целине это еще предстоит сделать исследователям. В работах историков Сибири показатели экономиче-

ской эффективности освоения целинных земель приводятся, как правило, без ссылки на источник и без обоснования методики расчетов. При рассмотрении вопросов эффективности освоения новых земель ни в одной из работ не дается экономического обоснования осуществленных мероприятий, не оценивается степень риска, непредвиденных последствий, связанных с выведением экологической системы из состояния равновесия.

Недостаточно изучено влияние освоения целины на развитие индустрии и народного хозяйства Сибири в целом, на создание в регионе крупных агропромышленных комплексов, новых городов и рабочих поселков с благоустроенным жильем, системой культурно-бытовых объектов, строительство современных коммуникаций и т. п. Предстоит исследовать социальные последствия освоения целинных земель. В Сибири подъем новых земель в 50-х годах осуществлялся в основном колхозами, хотя одновременно проходило и новое совхозное строительство (в Казахстане подъем целины производился почти исключительно совхозами). В Сибири на долю колхозов приходилось 85%, а совхозов — 15% всех освоенных вновь земель. В отдельных районах роль совхозов была значительно большей, в Омской области они освоили примерно одну треть земель. Рост числа совхозов в Сибири происходил еще в большей степени за счет преобразования колхозов в совхозы, получившего здесь массовый размах с 1957 г.

В последующие годы отмеченная тенденция продолжалась. В результате к середине 70-х годов в совхозном производстве Западной Сибири было сосредоточено около 70% посевных площадей, валовой продукции, основных средств производства, трудовых ресурсов (по РСФСР — около 50%)³⁰. Рабочий класс стал преобладающей частью населения не только в городе, но и в деревне. Социальное значение этого процесса, его влияние на развитие села, на укрепление союза рабочего класса с крестьянством предстоит всесторонне исследовать историкам Сибири. Освоение целины сопровождалось также ростом культурно-технического уровня всех социальных слоев деревни, подъемом их политической и трудовой активности. Эти и другие социальные процессы должны стать предметом специального исследования историков.

Дальнейшее изучение освоения и рационального использования новых земель в Сибири имеет не только региональное значение. Без такого исследования невозможно научное решение центральной проблемы — определение общих закономерностей и особенностей этого процесса в условиях социализма.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР,
Новосибирск

²⁶ Лобанов П. П. Вопросы развития сельскохозяйственного производства в северных районах Казахстана, степных районах Западной Сибири и задачи научных учреждений. — В кн.: Проблемы сельского хозяйства Северного Казахстана и степных районов Западной Сибири. М., 1967, с. 8.

²⁷ См.: Корнилов Л. Л. Вклад Академии наук в освоение целинных земель. — В кн.: Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 159—168.

²⁸ Лобанов П. П. Указ. соч., с. 6.

²⁹ Куликов В. И. Исторический опыт освоения целинных земель, с. 175.

³⁰ Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегодник. М., 1977, с. 155, 159; Ладеиков В. Н., Носков А. А. Указ. соч., с. 12—13, 74.

В. В. АЛЕКСЕЕВ, Г. М. МАКИЕВСКИЙ

РАБОЧИЕ СИБИРИ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА (некоторые проблемы методологии)

Подготовка к изданию многотомной «Истории рабочего класса Сибири» выдвинула ряд сложных методологических проблем. В данной статье ставится задача рассмотреть ряд вопросов, относящихся к периоду перехода от основ социализма к развитому социализму, который охватывает двадцатилетие с конца 30-х до конца 50-х годов.

Говоря об этом этапе, Л. И. Брежнев подчеркнул, что «развитие, совершенствование социализма — задача не менее сложная, не менее ответственная, чем создание его основ»¹. Однако деятельность рабочего класса в эти годы (за исключением периода Великой Отечественной войны) исследована крайне недостаточно. Не решен ряд принципиальных проблем. Между тем В. И. Ленин предупреждал о недопустимости обращения к частным вопросам без предварительного решения общих². Поэтому важно получить ответы хотя бы на некоторые из них.

Классики марксизма-ленинизма, характеризуя историческую роль рабочего класса, главное ее содержание видели в том, что, ликвидировав политическое и экономическое господство буржуазии, взяв в свои руки политическую власть и командные позиции в экономике, рабочий класс сможет обобществить производство и труд, построить коммунистическое общество. В. И. Ленин писал, что именно рабочему классу предстоит «обобществить производство на деле»³. Он расшифровал эту мысль как «превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом»⁴. Путь к цели пролегает через технический прогресс и его фундаментальную основу — электрификацию всей страны. «Машинная индустрия, — многократно отмечал В. И. Ленин, — ...обобществляет труд во всем обществе»⁵.

Обобществление производства и труда не ограничивается сферой производительных сил, а преобразует также область производственных отношений, детерминирует постепенное преодоление социально-классовых различий, в результате чего «все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся»⁶. Обобществление есть плановый, научно управляемый процесс, в котором рабочий класс во главе с Коммунистической партией выступает, по определению В. И. Ле-

нина, «экономическим объединителем»⁷, решающей созидательной силой. Обобществляя под руководством партии производство и труд, рабочего класса действует как политический и идейный объединитель общества, выразитель коренных интересов всех трудящихся.

Идея В. И. Ленина, руководство партии позволили рабочему классу преодолеть беспримерные трудности. Советская индустрия в предвоенный период превратилась в самую концентрированную в мире. Однако тогда только завершилось создание основ социализма. «Технически развитых индустриальных стран» был еще далек от уровня наиболее продолжало сказываться наследие дореволюционных времен»⁸.

Рассмотрим такой исключительно важный показатель, как отраслевую структуру промышленности по выпуску валовой продукции. В 1940 г. на продукцию машиностроения и металлообработки приходилось 12%, на электроэнергетику, химическую и нефтехимическую промышленность — соответственно по 2% валовой продукции. Три ведущих отрасли, определявших судьбы технического прогресса, производили только 16% промышленной продукции⁹. Следствием этого была низкая степень механизации производственных процессов в сфере материального производства в целом, а в сельском хозяйстве, капитальном строительстве, ряде добывающих отраслей промышленности особенно. Только в обрабатывающей промышленности имелось значительное число рабочих, управлявших машинами и механизмами, а также занятых их ремонтом и наладкой. Во всех остальных отраслях их доля исчислялась несколькими процентами. Каков технический базис, такова и квалификация рабочих. В 1937 г. 59,5% рабочих промышленности относились к малоквалифицированным¹⁰. 40,5% рабочих хоть и были квалифицированными и высококвалифицированными, однако их квалификация основывалась лишь в малой мере на знаниях, а преимущественно на навыках. Иначе и быть не могло, так как в 1939 г. только 8,4% рабочих имели не менее семилетнего образования. У остальных рабочих было в лучшем случае начальное образование¹¹. Следовательно, квалификация и образование рабочих оказались недостаточными для ликвидации эксплуататорских классов и построения материально-технической базы основ социализма, но их не хватало для дальнейшего развития преимуществ социализма.

Рассмотрим общие проблемы роста рабочего класса и их территориальную специфику на примере Сибири. Развиваясь опережающими темпами, Сибирь к концу 30-х годов превратилась в аграрно-индустриальный регион. Однако технический потенциал сибирской индустрии находился значительно позади среднесоюзных показателей, не говоря уже о передовых экономических районах страны. Становой хребет региональной экономики образуют отрасли общесоюзной специализации. В предвоенной Сибири к ним относилась черная и цветная металлургия, угольная, лесная и деревообрабатывающая промышленность. В совокупности они давали 34,5% промышленной продукции региона¹². За исключением черной металлургии промышленность не располагала мощной технической базой, а в лесной промышленности механизация

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 249.

⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 6, с. 374.

⁹ Омаровский А. Совершенствование структуры промышленного производства за годы Советской власти. — Экономические науки, 1977, № 7, с. 10.

¹⁰ Вдовин А. И., Дробинцев В. З. Рост рабочего класса СССР 1917—1940 гг. М., 1976, с. 209.

¹¹ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977, с. 57.

¹² Московский А. С. Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.) (Историко-экономический очерк). Новосибирск, 1975, с. 248.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 535.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 7.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 180; См. там же: т. 40, с. 108; т. 44, с. 9 и др.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 346.

делада только первые шаги. Отрасли, не входившие в разряд специализированных, испытывали острый недостаток техники.

Особенность предвоенной Сибири — преобладание ручного труда, весьма тяжелого в добывающих отраслях, низкая квалификация рабочих, недостаточность материального стимулирования. В этих условиях проблемы обеспечения производства рабочей силой решались с большим напряжением. Организованное движение трудовых ресурсов осуществлялось главным образом административными мерами¹³.

XVIII съезд ВКП(б) сделал вывод, что Советский Союз вступил в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Основываясь на идеях В. И. Ленина, съезд разработал стратегический план всестороннего использования преимуществ социализма в области производственно-технической, социально-экономической, политической. Курс XVIII съезда — это ускорение темпов и расширение фронта технического прогресса, внедрение современной техники во все отрасли народного хозяйства, во все производственные процессы, как основные, так и вспомогательные. Съезд выдвинул перспективу создания техники будущего — автоматизации производственных процессов. Главным направлением рационализации размещения производительных сил рассматривалось их продвижение на восток, создание в новых районах комплексного хозяйства. Была намечена программа роста материального и культурного благосостояния трудящихся.

Решения съезда были адресованы прежде всего рабочему классу. Всемирный рост его социально-политической активности, значительное повышение культурно-технического уровня съезд рассматривал как главное условие прогресса советского общества, его движения к коммунизму¹⁴. Идеи XVIII съезда ВКП(б) получили затем творческое развитие в Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы, в постановлениях XIX и XX съездов КПСС¹⁵.

Преобразуя экономику по планам партии, рабочий класс в содружестве с колхозным крестьянством и интеллигенцией сумел увеличить за 1940—1960 гг. основные производственные фонды в народном хозяйстве в 3,2 раза, в том числе в промышленности — в 4,2, в строительстве — в 7,5, на транспорте и в связи — в 2,8 раза¹⁶. Новая техника обусловила важные достижения в механизации труда. Пленум ЦК КПСС в июле 1955 г. с удовлетворением отметил: «Рост производства продукции машиностроения дал возможность повысить уровень механизации тяжелых и трудоемких работ в важнейших отраслях промышленности — угольной, металлургической, нефтяной, лесной, а также в строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве»¹⁷.

Следствием технического прогресса явилось дальнейшее углубление отраслевого разделения труда. Число самостоятельных отраслей в промышленности СССР в 1939 г. было 195, в 1960 г. — 295¹⁸. К вновь возникшим отраслям относились приборостроение, газовая промышлен-

ность, производство атомной энергии, производство пластмасс и многие другие¹⁹. Произошли значительные структурные сдвиги в валовой продукции промышленности. В 1960 г. на долю машиностроения и металлообработки пришлось уже 16,8% всей продукции, а вместе с энергетикой, химией и нефтехимией — 23%²⁰.

Углубление общественного разделения труда на основе технического прогресса подняло общесоюзную кооперацию труда на более высокую ступень. Дальнейший прогресс характеризовал обобществление производства и труда. Во всех этих процессах самый весомый вклад принадлежал рабочему классу. Создавая, внедряя, осваивая новую технику в содружестве со специалистами и учеными, он добился принципиально важных достижений в производительности труда. За 1940—1960 гг. она выросла в промышленности до 296%, в строительстве до 285, на железнодорожном транспорте до 227%²¹. Рост производительности труда вобрал все основные достижения рабочего класса.

Значительные изменения произошли в социально-классовой структуре советского общества. За 1940—1958 гг. удельный вес рабочего класса поднялся с 27,5 до 46,6%, колхозного крестьянства снизился с 40,3 до 30,4%, интеллигенции вырос с 3,3 до 9,3%²². Окрепло единство советского общества, цементирующей силой которого выступает рабочий класс.

Важные количественные и качественные изменения произошли в самом рабочем классе. Его численность за 1940—1958 гг. почти удвоилась²³. Качественные изменения в своей основе имело внедрение механизации труда. Технический прогресс увеличил как абсолютно, так и относительно слой рабочих, управлявших машинами и механизмами, занятых их ремонтом и наладкой. Удельный вес таких рабочих в промышленности страны поднялся с 32,4% в 1948 г. до 39,4% в 1959 г.²⁴ В капитальном строительстве значительный слой рабочих, связанных с машинной техникой, сложился только во второй половине 50-х годов. В результате за счет строителей увеличилось и окрепло индустриальное ядро рабочего класса.

Даже простая механизация производства требует от рабочего гораздо больших знаний, чем сложный ручной труд²⁵. Вместе с машинной техникой, подчас весьма сложной, расширяет сферу своего действия новый тип квалификации, основанный прежде всего на знаниях, требующих от рабочего значительных интеллектуальных усилий. В 1959 г. среди рабочих промышленности 51,7% относились к квалифицированным и высококвалифицированным²⁶. 39,6% рабочих имели образование не ниже неполного среднего²⁷. При качественном скачке в образовании квалификационные изменения были менее значительны. Образование прогрессировало быстрее, чем квалификация, однако и в последней нельзя обойти существенно важных качественных изменений. В послевоенные годы в ведущих по технической оснащенности и по темпам технического прогресса отраслях промышленности начал быстро складываться тип рабочего с неполным средним и средним образованием,

¹³ Кистанова Н. С. Региональное использование трудовых ресурсов. М., 1978, с. 19.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 5. М., 1971, с. 335—366.

¹⁵ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 3. М., 1958, с. 11—33; КПСС в резолюциях..., т. 6, с. 343—352; там же, т. 7, с. 117—142.

¹⁶ Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972, с. 60.

¹⁷ КПСС в резолюциях..., т. 7, с. 72.

¹⁸ Москович В. М. Общественное разделение труда при социализме. М., 1966, с. 52; Комаров В. Е. Строительство коммунизма и профессиональная структура работников производства. М., 1965, с. 19.

¹⁹ Ефимов А. Н. Советская индустрия. М., 1967, с. 119.

²⁰ Экономика развитого социалистического общества. Основные черты, закономерности развития. М., 1977, с. 371.

²¹ Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 84.

²² Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс — ведущая сила советского общества. (Вопросы методологии и историографии). М., 1977, с. 76.

²³ Там же.

²⁴ Структура народного хозяйства СССР. М., 1967, с. 210—211.

²⁵ Русанов Е. С. Распределение и использование трудовых ресурсов в СССР. М., 1971, с. 187.

²⁶ Комаров В. Е. Строительство коммунизма и профессиональная структура работников производства. М., 1965, с. 90.

²⁷ Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 57.

который по содержанию труда сближается с инженерно-техническими работниками. Из таких рабочих, отличающихся не только своей профессиональной, но и социально-политической зрелостью, складывается основное ядро рабочего класса. Оно выступает главным резервом роста КПСС.

Технический прогресс, экономическое освоение новой техники, рост производительности труда образовали прочный фундамент повышения материального и культурного благосостояния трудящихся, дальнейшего сближения государственных и личных интересов. Основное ядро рабочего класса стало более многочисленным и боеспособным, возросло его влияние на класс в целом. Одним из важных последствий этого явилась дальнейшая стабилизация производственных коллективов. Доля рабочих промышленности с непрерывным стажем работы на данном предприятии свыше 5 лет выросла в промышленности за 1947—1957 гг. с 24 до 40%, в капитальном строительстве за 1948—1957 гг. — с 13 до 21%²⁸.

Развиваясь в русле общих закономерностей, Сибирь имела и важные региональные особенности. Во-первых, ее характеризуют опережающие темпы роста капитального строительства²⁹. Во-вторых, Сибирь вышла на передовые позиции в области технического прогресса. Общеизвестно, что главным показателем технического уровня производства выступает электровооруженность труда. Перевес Сибири в этом плане доказан на большом конкретно-историческом материале³⁰.

Сибирь закономерно определила среднесоюзные темпы технического прогресса, так как этого требовали жизненные интересы дальнейшего совершенствования единого народнохозяйственного комплекса страны. В. И. Ленин считал одним из решающих факторов эффективности советской экономики ее способность «самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья...»³¹. В послевоенный период роль Сибири как поставщика цветных, редких, драгоценных металлов, топлива, древесины круто возросла. Поэтому широким фронтом развернулась механизация горнорудной, лесной, угольной промышленности, а также капитального строительства. Одновременно в Сибири возникли новые отрасли общесоюзной специализации: химическая и нефтехимическая, ряд подотраслей машиностроения, заводские подразделения цветной металлургии. В массе своей это были крупные и крупнейшие предприятия, оснащенные первоклассной техникой.

Таким образом, углубление отраслевого разделения труда повлекло за собой рационализацию размещения производства, усиление роли Сибири в экономике страны. Новый этап обобществления производства многократно упрочил связи сибирских предприятий с другими экономическими районами страны.

Преобразуя экономику по законам научно-технического прогресса, во многом изменились сибирские рабочие. Сдвиги в их численности почти не отличались от общесоюзных, ускорение темпы подготовки военных годов³². Специфика Сибири — особо быстрые темпы подготовки квалифицированных кадров /сообразно с требованиями производства. Социалистические производственные отношения открыли простор для преодоления противоречия между современной техникой и отсутствием

необходимого количества квалифицированных кадров. В относительно короткий срок были достигнуты заметные успехи. Металлисты, как известно, принадлежат к категории наиболее квалифицированных рабочих. Численность рабочих крупных предприятий машиностроения и металлообработки Западной Сибири за 1940—1956 гг. увеличилась более чем в 4 раза, а их удельный вес среди рабочих крупной промышленности вырос с 21 до 36%. По всей промышленности РСФСР увеличение за 1940—1955 гг. составило только 3%³³. При этом сибирский металлист 50-х годов по квалификации был на голову выше своего военного предшественника. В Восточной Сибири за тот же срок почти в 3 раза увеличилась численность отряда рабочих металлургической промышленности, а их удельный вес среди рабочих крупной промышленности поднялся с 12 до 17%³⁴. Рост шел преимущественно за счет заводских подразделений цветной металлургии, которые отличались высокой квалификацией рабочих, и крупных, хорошо механизированных рудников.

Сибирь находилась на одном из передовых мест в стране по масштабам подготовки квалифицированных кадров рабочих. Вместе с тем обеспеченность промышленности Сибири квалифицированными кадрами оставалась много ниже, чем в западных районах страны³⁵. Однако сохранившееся к концу 50-х годов отставание ни в каком сравнении не идет с довоенным периодом, когда в Сибири слой рабочих, управлявших машинами и механизмами, был очень невелик. О принципиальных изменениях в квалификации рабочих можно обоснованно судить по удельному весу специалистов в производственных коллективах. Инженеры и техники принадлежат к интеллигенции, не входят в состав рабочего класса, однако, будучи членами производственных коллективов, выполняют важные производственно-технические и социально-экономические функции. Обслуживая коренные интересы рабочего класса, они управляют техническим прогрессом, внедряют научную организацию труда. Динамика удельного веса специалистов в значительной степени характеризует темпы внедрения новой техники, роста квалификации рабочих, повышения производительности труда³⁶. За 1940—1959 гг. армия специалистов в Сибири выросла в 4,4 раза, их удельный вес в РСФСР увеличился с 8,2 до 13,3%, тогда как доля рабочих и служащих в федерации поднялась с 12,1 до 15,4%. Сближение неоспоримо. В 1959 г. на 1 тыс. рабочих промышленности и строительства приходилось специалистов с высшим и средним специальным образованием в РСФСР 94, в Западной Сибири — 98, Восточной Сибири — 90 чел.³⁷. Отсюда можно заключить, что качественный разрыв в квалификации рабочих промышленности и строительства был в основном преодолен. Скачкообразно выросло также образование сибирских рабочих. В 1959 г. оно вплотную подошло к общесоюзным показателям³⁸.

Рубеж развитого социализма Сибири — это сложившийся прочный костяк постоянных рабочих во всех отраслях промышленности и строительства, это консолидация молодых производственных коллективов. При всей фундаментальной важности технического прогресса, ведущее

²⁸ Народное хозяйство РСФСР. Стат. сборник. М., 1957, с. 64; Мниц Л. Е. Население и трудовые ресурсы восточных районов СССР. (Сибирь и Дальний Восток). М., 1958, с. 31, 35.

²⁹ Мниц Л. Е. Указ. соч., с. 31, 35.

³⁰ Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966, с. 54.

³¹ Комаров В. Е. Экономические проблемы подготовки и использования кадров специалистов. М., 1972, с. 154, 155.

³² Народное хозяйство РСФСР. Стат. сборник. М., 1957, с. 35, 38; Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. Стат. ежегодник. М., 1960, с. 416, 419, 430, 433, 436, 440.

³³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. V. М., 1973, с. 86, 88, 95, 97, 102, 107, 109, 110, 115.

²⁸ Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.). М., 1964, с. 123, 124.

²⁹ Капитальное строительство в СССР. Стат. сборник. М., 1961, с. 118, 119.

³⁰ Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. I. 1885—1950 гг. Новосибирск, 1973; Алексеев В. В. Указ. соч. Ч. II, 1951—1970 гг. Новосибирск, 1976.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

³² Хлусов М. И. Развитие советской индустрии в 1946—1958 гг. М., 1977, с. 144.

значение оставалось за общественными отношениями. Громадный рост партийных, профсоюзных комсомольских организаций, прежде всего на самых трудных и ответственных направлениях добывающей промышленности и капитального строительства, возросший уровень их деятельности, реформа и существенное увеличение заработной платы, размах жилищного строительства, совершенствование моральных стимулов — все это умножило творческий потенциал сибирских рабочих, подготовило их к дальнейшим свершениям.

Период строительства развитого социализма углубил наметившуюся в предвоенный период тенденцию возрастания роли Сибири, ее рабочего класса в экономической и социально-политической жизни страны. Эта тенденция подтверждается не общими темпами роста валовой продукции (они недостаточно показательны для района нового освоения), а масштабами капитального строительства и технического прогресса, вовлечением в народнохозяйственный оборот новых сырьевых и энергетических ресурсов, выступающих незаменимыми компонентами технического прогресса. Возрастание роли Сибири выразилось в могучем развороте социалистического соревнования на сибирских предприятиях, в неуклонном росте политической активности сибирских рабочих.

Рабочие Сибири, опираясь на всестороннюю поддержку рабочего класса и всех трудящихся СССР, подготовили плацдарм для всестороннего комплексного использования природных богатств региона, которое стало реальностью в период развитого социализма. Вместе с продвижением производительных сил на восток закономерно увеличивается масштаб деятельности рабочих-сибиряков, их вклад в экономический и социально-политический прогресс Советского Союза.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР,
Новосибирск

Л. М. ГОРЮШКИН

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В исторической литературе более других изучены выступления запасных в июле — августе 1914 г. А. Б. Беркевич и А. А. Храмков оценивают их как антивоенные¹. Этому же мнению придерживается и В. Г. Тюкавкин, автор соответствующего раздела в «Истории Сибири»². Другие исследователи совершенно обоснованно, на наш взгляд, проявляют осторожность в оценке антивоенной направленности выступлений запасных в июле 1914 г. А. Ф. Иерусалимский считает, что аграрную борьбу с протестом против войны связывала лишь «более сознательная часть» крестьянства³. В. М. Самосудов отмечает, что выступления мобилизованных не имели ярко выраженного антивоенного характера, и всеобщая мобилизация явилась «лишь толчком к проявлению антиправительственных настроений»⁴.

Неточности в оценке характера крестьянского движения в годы первой мировой войны во многом объясняются тем, что оно исследуется в отрыве от анализа настроений крестьянства в целом и его различных социальных групп. Придавая большое значение учету настроений масс, В. И. Ленин писал: «Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами невозможна революционная тактика»⁵. С «фактической картиной» настроений В. И. Ленин предлагал «сочетать свои "виды", надежды, лозунги»⁶. Без такого сочетания, учета настроений невозможно действенное руководство революционной борьбой трудящихся масс, без этого невозможно и правильное понимание самой революционной борьбы.

Настроения масс влияли на характер и размах крестьянских выступлений, а те, в свою очередь, оказывали влияние на настроения и их эволюцию. Изучение крестьянского движения в тесном единстве с настроениями масс — один из методологических принципов исследования классовой борьбы в деревне. Настроения крестьянства зависели от многих факторов: от состояния экономики, растущей разрухи и дороговизны, положения на фронте, развития классовой борьбы в центре страны и в Сибири, агитации большевиков, политических ссыльных,

¹ Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. — Исторические записки, 1947, т. 23, с. 5; Храмков А. А. Крестьянское движение в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. — В кн.: Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук Томского политехнического института. Томск, 1958, с. 72.

² История Сибири, т. 3. Л., 1968, с. 457.

³ Иерусалимский А. Ф. Крестьянское движение в России накануне и в начале первой мировой войны. — История СССР, 1967, № 3, с. 123.

⁴ Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907—1917 гг.). Омск, 1970, с. 157.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 290—291.

⁶ Там же, с. 175.

местных крестьян; затягивания войны, потока похоронок; писем и рассказов фронтовиков, правительственной и церковной агитации и др.

В порядке обсуждения выскажем некоторые соображения об эволюции настроений сибирских крестьян в годы первой мировой войны, основанные на изучении архивных и опубликованных материалов.

Июль—август 1914 г. Резкое недовольство крестьянства остатками феодализма в деревне, массовые выступления на аграрной почве как продолжение борьбы предшествующего времени. Еще нет понимания крестьянством связи начавшейся войны с политикой самодержавия, отсутствие у основной его массы представления о войне, ее характере и тяжести. Надежда и уверенность в скорой победе, обвинения Германии в агрессии. Начало оживления религиозных настроений. Поддержка войны кулачеством, его участие в «летучих отрядах», подавлявших запасных. Проявления неосознанного, стихийного недовольства войной. По существу, уже в первые месяцы в настроениях крестьян были заложены чувства (многие в зародыше), которые получили развитие в последующее время.

Сентябрь 1914—начало 1915 г. Рост шовинистических и «патриотических» настроений среди сельской буржуазии, середняков и части мелких крестьян, которые сочетались у кулаков со стремлением нажиться на войне путем поставки продуктов для армии и уклониться от призыва; пожертвования для армии и солдатских семей. Оживление религиозных чувств. Жалобы крестьян, особенно солдаток, на недостаток рабочих рук и другие трудности.

Начало—осень 1915 г. Постепенное рассенвание «патриотических» настроений. Сомнения крестьян в возможной победе, колебания мелкой буржуазии от недовольства бедствиями войны и дороговизной к идее защиты Родины. Пожелания мира в неопределенной форме, рост сектанства в крестьянской среде как показатели стихийного, иногда скрытого протеста против войны. Усиление антивоенной и антиправительственной агитации в деревне и тяги крестьянства к печатному слову. Растущее недовольство трудящихся крестьян царским правительством, порядками в армии, особенно после отступления русских войск из Галиции и Польши. Настроения поддержки правительства в среде кулачества, увеличившего поставки в армию. Ослабление крестьянского движения особенно по сравнению с июльскими волнениями 1914 г.

Осень 1915—февраль 1917 г. Поворот крестьянства к оппозиционным настроениям по отношению к царскому правительству (сентябрь—октябрь 1915 г.). Растущее недовольство дороговизной, реквизициями, царским правительством (царем), торговой буржуазией. Расширение круга недовольных за счет беженцев, женщин, солдат. Развитие религиозного индифферентизма, усиление пожеланий мира. Выжидательные настроения и временное оживление надежды на победу в связи с прорывом ген. Брусилова. Активизация в конце 1915—начале 1916 г. крестьянского движения. Недовольство войной, понимание ее ненужности и связи с политикой самодержавия. Неприязненное и враждебное отношение широких масс трудящихся крестьян к царизму, колебания сельской буржуазии. Исчезновение среди крестьянства царистских иллюзий. Проявления в сибирской деревне революционной ситуации, сложившейся в стране.

* * *

В тесном взаимодействии с настроениями крестьян развивалась классовая борьба в деревне. Уже начало первой мировой войны ознаменовалось массовым крестьянским движением, выступлениями запасных. Они охватили половину всех губерний и областей страны, в том числе Западную Сибирь, где наиболее сильными были в Томской гу-

бернии. Из деревни волнения мобилизованных перебросились в Барнаульск, Новоиколаевск, Каинск, Татарск, Кузнецк, Бийск, Змеиногорск, Тайгу, Боготол, Мариинск и другие города и железнодорожные станции. «Беспорядки происходили почти повсеместно в Томской губернии», — доносил 2 сентября 1914 г. томский губернатор в департамент полиции⁷.

Причины движения крылись в резком недовольстве самодержавием, феодально-крепостническими пережитками и кулацкой эксплуатацией. Запасные не только требовали выдачи кормовых и пособий, улучшения транспортировки, вежливого обращения, но и громили лесничество, волостные правления, лавки, дома торговцев и кулаков, уничтожали документы и портреты царя. Крестьяне захватывали казенную и частную землю, рубили лес. На Алтае, ставшем центром крестьянского движения в Томской губернии, они разгромили Павловское, Кулундинское, Мармышанское, Касмалинское и Нижнетомское лесничества, произвели массовые порубки в Барнаульском, Ключевском и других лесничествах⁸.

В городах и на железнодорожных станциях выступления нередко носили характер вооруженных столкновений. Барнаульское волнение — наиболее сильное из всех — вспыхнуло под влиянием большевистской агитации. 22 июля 1914 г. более 20 тыс. запасных, не подчинившихся приказам воинского начальника, вместе с городскими рабочими и крестьянами-проводниками попытались разгромить тюрьму и освободить заключенных. Восставшие избивали полицейских, запасные из крестьян — должники торговых фирм — громили и жгли конторы по скупке масла и склады сельскохозяйственных машин, уничтожали долги, обязательство и торговые книги. Наибольшему разгрому подверглись учреждения американской, английской и шести датских фирм. Целые кварталы города были объаты пожаром. Захватив оружейные магазины, запасные стали громить купеческие лавки и пакгаузы на пристанях, здания местного отделения «Русского для внешней торговли банка» и дома буржуазии. Общий убыток, исчисленный, властями составил более 4 млн. руб.

В жарких схватках отряды войск и полиции при двух орудиях, поддержанные городской буржуазией, к 25 июля подавили восстание⁹. Но и после этого около 50 объездчиков во главе с инспектором лесной стражи Алтайского округа полковником Россели охраняли «кабинетское имущество» (лесопильный завод, склад леса и здания), боясь новых выступлений запасных¹⁰. Военный суд приговорил 260 участников барнаульского выступления к различным срокам каторги и тюремного заключения¹¹. Вооруженные выступления прошли также в Новоиколаевске, Кузнецке и Каинске. О размахе и остроте июльских событий в Томской губернии можно судить по тому, что войска использовались примерно в 40 пунктах, убито 136 (по другим сведениям — 140) участников волнений из 247 погибших в 28 губерниях России¹². Запасные, выступившие против винной монополии казны и Кабинета, разгромили в Томской губернии 52 лавки¹³.

В Тобольской губернии произошло не менее 16 выступлений мобилизованных, из них самым крупным было волнение в Ишиме. Оно подавлено войсковыми частями, посланными из Омска. В числе восьми

⁷ ЦГА ОР, ф. ДП-00, оп. 4, 1914, д. 108, ч. 7, л. 11.

⁸ ЦГИА, ф. 468, оп. 28, д. 296, л. 53; ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4047, л. 246.

⁹ См.: Храмов А. А. Крестьянское движение в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г., с. 65—68; ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4047, л. 189—195.

¹⁰ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4047, л. 250.

¹¹ Там же, оп. 32, д. 844, л. 2, II; д. 176, л. 2, Б.

¹² ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1729, л. 129—130; ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4057, л. 62.

¹³ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4057, л. 42.

местных крестьян; затягивания войны, потока похоронок; писем и рассказов фронтовиков, правительственной и церковной агитации и др.

В порядке обсуждения выскажем некоторые соображения об эволюции настроений сибирских крестьян в годы первой мировой войны, основанные на изучении архивных и опубликованных материалов.

Июль—август 1914 г. Резкое недовольство крестьянства остатками феодализма в деревне, массовые выступления на аграрной почве как продолжение борьбы предшествующего времени. Еще нет понимания крестьянством связи начавшейся войны с политикой самодержавия, отсутствие у основной его массы представления о войне, ее характере и тяжести. Надежда и уверенность в скорой победе, обвинения Германии в агрессии. Начало оживления религиозных настроений. Поддержка войны кулачеством, его участие в «летучих отрядах», подавлявших запасных. Проявления неосознанного, стихийного недовольства войной. По существу, уже в первые месяцы в настроениях крестьян были заложены чувства (многие в зародыше), которые получили развитие в последующее время.

Сентябрь 1914—начало 1915 г. Рост шовинистических и «патриотических» настроений среди сельской буржуазии, середняков и части мелких крестьян, которые сочетались у кулаков со стремлением нажиться на войне путем поставки продуктов для армии и уклониться от призыва; пожертвования для армии и солдатских семей. Оживление религиозных чувств. Жалобы крестьян, особенно солдат, на недостаток рабочих рук и другие трудности.

Начало—осень 1915 г. Постепенное рассевание «патристических» настроений. Сомнения крестьян в возможной победе, колебания мелкой буржуазии от недовольства бедствиями войны и дороговизной к идее защиты Родины. Пожелания мира в неопределенной форме, рост сектанства в крестьянской среде как показатели стихийного, иногда скрытого протеста против войны. Усиление антивоенной и антиправительственной агитации в деревне и тяги крестьянства к печатному слову. Растущее недовольство трудящихся крестьян царским правительством, порядками в армии, особенно после отступления русских войск из Галиции и Польши. Настроения поддержки правительства в среде кулачества, увеличившего поставки в армию. Ослабление крестьянского движения особенно по сравнению с июльскими волнениями 1914 г.

Осень 1915—февраль 1917 г. Поворот крестьянства к оппозиционным настроениям по отношению к царскому правительству (сентябрь—октябрь 1915 г.). Растущее недовольство дороговизной, реквизициями, царским правительством (царем), торговой буржуазией. Расширение круга недовольных за счет беженцев, женщин, солдат. Развитие религиозного индифферентизма, усиление пожеланий мира. Выжидательные настроения и временное оживление надежды на победу в связи с прорывом ген. Брусилова. Активизация в конце 1915—начале 1916 г. крестьянского движения. Недовольство войной, понимание ее ненужности и связи с политикой самодержавия. Неприязненное и враждебное отношение широких масс трудящихся крестьян к царизму, колебания сельской буржуазии. Исчезновение среди крестьянства царистских иллюзий. Проявления в сибирской деревне революционной ситуации, сложившейся в стране.

* *

В тесном взаимодействии с настроениями крестьян развивалась классовая борьба в деревне. Уже начало первой мировой войны ознаменовалось массовым крестьянским движением, выступлениями запасных. Они охватили половину всех губерний и областей страны, в том числе Западную Сибирь, где наиболее сильными были в Томской гу-

бернии. Из деревни волнения мобилизованных перебросились в Барнаулы, Новониколаевск, Каинск, Татарск, Кузнецк, Бийск, Змеиногорск, Тайгу, Боготол, Мариинск и другие города и железнодорожные станции. «Беспорядки происходили почти повсеместно в Томской губернии»,— доносил 2 сентября 1914 г. томский губернатор в департамент полиции⁷.

Причины движения крылись в резком недовольстве самодержавием, феодально-крепостническими пережитками и кулацкой эксплуатацией. Запасные не только требовали выдачи кормовых и пособий, улучшения транспортировки, вежливого обращения, но и громили лесничества, волостные правления, лавки, дома торговцев и кулаков, уничтожали документы и портреты царя. Крестьяне захватывали казначейскую и казенную землю, рубили лес. На Алтае, ставшем центром крестьянского движения в Томской губернии, они разгромили Павловское, Кулундинское, Мармышанское, Касмалинское и Нижнетомское лесничества, произвели массовые порубки в Барнаульском, Ключевском и других лесничествах⁸.

В городах и на железнодорожных станциях выступления нередко носили характер вооруженных столкновений. Барнаульское волнение— наиболее сильное из всех—вспыхнуло под влиянием большевистской агитации. 22 июля 1914 г. более 20 тыс. запасных, не подчинившихся приказам воинского начальника, вместе с городскими рабочими и крестьянами-проводниками попытались разгромить тюрьму и освободить заключенных. Восставшие избивали полицейских, запасные из крестьян—должники торговых фирм—громили и жгли конторы по скупке масла и склады сельскохозяйственных машин, уничтожали долговые обязательства и торговые книги. Наибольшему разгрому подвергались учреждения американской, английской и шести датских фирм. Целые кварталы города были объаты пожаром. Захватив оружейные магазины, запасные стали громить купеческие лавки и пакгаузы на пристанях, здания местного отделения «Русского для внешней торговли банка» и дома буржуазии. Общий убыток, исчисленный, властями составил более 4 млн. руб.

В жарких схватках отряды войск и полиции при двух орудиях, поддержанные городской буржуазией, к 25 июля подавили восстание⁹. Но и после этого около 50 объездчиков во главе с инспектором лесной стражи Алтайского округа полковником Россели охраняли «кабинетское имущество» (лесопильный завод, склад леса и здания), боясь новых выступлений запасных¹⁰. Военный суд приговорил 260 участников барнаульского выступления к различным срокам каторги и тюремного заключения¹¹. Вооруженные выступления прошли также в Новониколаевске, Кузнецке и Каинске. О размахе и остроте июльских событий в Томской губернии можно судить по тому, что войска использовались примерно в 40 пунктах, убито 136 (по другим сведениям—140) участников волнений из 247 погибших в 28 губерниях России¹². Запасные, выступившие против винной монополии казны и Кабинета, разгромили в Томской губернии 52 лавки¹³.

В Тобольской губернии произошло не менее 16 выступлений мобилизованных, из них самым крупным было волнение в Ишиме. Оно подавлено войсковыми частями, посланными из Омска. В числе восьми

⁷ ЦГА ОР, ф. ДП-00, оп. 4, 1914, д. 108, ч. 7, л. 11.

⁸ ЦГИА, ф. 468, оп. 28, д. 296, л. 53; ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4047, л. 246.

⁹ См.: Храмов А. А. Крестьянское движение в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г., с. 65—68; ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4047, л. 189—195.

¹⁰ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4047, л. 250.

¹¹ Там же, оп. 32, д. 844, л. 2, II; д. 176, л. 2, 5.

¹² ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1729, л. 129—130; ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4057, л. 62.

¹³ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4057, л. 42.

выступлений, известных на сегодняшний день по Акмолинской области, выделялись волнения казаков 4 и 7 полков Сибирского казачьего войска под Кокчетавом 31 июля — 1 августа 1914 г. В Петропавловском уезде мобилизованные сожгли постоянный двор кулака Трофимова, который был известен как «эксплуататор старожильского и переселенческого населения»¹⁴. В целом по Западной Сибири выступления запасных охватили около 170 пунктов¹⁵. В Восточной Сибири одной из главных форм протеста стала неявка на призывные пункты. Из 55 с лишним тысяч запасных, подлежащих призыву в Енисейской, Иркутской губерниях и в Забайкальской области, не явилось около 10 тысяч человек¹⁶. В Абаканском, Батенях, Бузуновой, Городчанском, Ново-чаровском и других селениях Енисейской губернии запасные и крестьяне не подчинялись местной власти, избивали полицейских, припоминая им взыскание податей, громили винные лавки¹⁷.

Движение запасных, направленное против остатков феодализма и царских порядков в деревне, явилось продолжением крестьянских выступлений в довоенное время, но оно имело и свои особенности. Поводом, толчком для него послужила военная мобилизация, наиболее активное участие в движении приняла мобилизованная в армию часть крестьянства из запасных. Они еще не понимали грабительского характера войны и не выступали против нее сознательно, но волнения, возникшие главным образом на почве недовольства остатками феодализма в деревне, объективно оказались направленными против царского правительства и развязанной им войны.

Об антиправительственной направленности волнений свидетельствуют попытки запасных освободить заключенных из тюрем, сочувственное отношение к политическим ссыльным. В письме, перлюстрированном жандармами, ссыльный 18 декабря 1914 г. писал адресату в Петроград: «Когда я ехал по Сибири, был как раз разгар мобилизации... Интересно, что запасные всюду относились к нам сочувственно, приветствовали, передавали газетку, разговаривали о воле и пр.»¹⁸. Несмотря на стихийность, городские выступления запасных совместно с рабочими имели большое значение как показатель крепнущего союза рабочего класса и крестьянства в борьбе против царизма.

С первых месяцев войны ссыльные большевики (Я. М. Свердлов, Е. Д. Стасова, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, С. В. Коснор, Е. И. Ярославский и др.) организовали распространение ленинского манифеста ЦК «Война и российская социал-демократия», направляли деятельность местных партийных организаций. Е. В. Владимиров вспоминает, что уже в начале 1915 г. ленинские тезисы о войне проникли в отдаленные районы Енисейской губернии, в том числе в Приангарье и Туруханский край. Антивоенные прокламации печатали Ачинская, Бийская и другие партийные группы. В частности, в подпольной типографии Ачинска большевики напечатали листовку «Не ходите на войну»¹⁹.

Члены «Военно-социалистического союза» выпустили ряд листовок, раскрывающих империалистический характер войны. Листовка «Война — войне. Кто должен победить?», обращенная к рабочим, крестьянам и солдатам, заканчивалась лозунгами: «Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует мир, революция, со-

циализм! Долой капиталистов!»²⁰. Большевистские идеи проникали и в деревню. Круг крестьян, стихийных агитаторов против самодержавия, расширялся за счет женщин-солдаток и фронтовиков.

Марининский уездный исправник докладывал томскому губернскому близким возвращаясь с фронта в отпуск нижние чины советуют то, что после войны жизнь крестьянина изменится к лучшему и что в противном случае «солдаты возьмут свое»²¹. В декабре 1915 г. фронтового уезда, говорил, что «государь не умеет править государством крестьян в неизбежности падения самодержавия. Крестьянин Жарков из с. Сизово Канинского уезда заявил, что «государя уберут долой»²². «Ему не быть у нас государем, мы сделаем республику», — говорил жителю пос. Озеро Карачи Канинского уезда ссыльный из Тобольской губернии. Крестьян призывали не платить подати бывшие фронтовики (с. Петропавловское Барнаульского уезда, июль 1915 г.), политические ссыльные (с. Покровское Красноярского уезда, август 1916 г. и с. Братское Нижнеудинского уезда, март 1916 г.)²³, местные крестьянки-солдатки (пос. Бухаринский Акмолинской области, март 1915 г., д. Петраковская Курганского уезда, март 1916 г. и др.)²⁴.

В первые месяцы войны крестьяне оказались в плену ложного патриотизма. «Среди крестьянства, — писал В. И. Ленин, — правящей клике при помощи буржуазной печати, духовенства и т. д. тоже удалось вызвать шовинистское настроение»²⁵. О населении Акмолинской области, объятom «святым патриотическим чувством», докладывал министру внутренних дел в октябре 1914 г. акмолинский губернатор²⁶, «необыкновенный подъем патриотических чувств» отмечал енисейский губернатор²⁷.

Под влиянием экономической и политической действительности (взыскание недоимок и разорение хозяйств, нехватка товаров и рост цен, реквизиции, произвол властей и т. д.), под влиянием затянувшейся войны, неудач на фронте, притока похоронных и возвращения раненых, под воздействием большевистской агитации в начале 1915 г. в настроении крестьянства происходят изменения. В мае новобранцы Вороновской волости Томского уезда говорили на сходе: «воевать не будем, сбежим или отдадимся в плен, затеял войну царь, а не мы — пусть царь свою голову и подставляет»²⁸. Шовинистический угар, охвативший крестьян, довольно быстро рассеялся. «Отношение к высшим правительственным властям (центральным) повсюду неблагоприятное», — писал начальник Иркутского губернского жандармского управления в докладе о настроениях населения в октябре 1915 г. В то же время томский губернатор отмечал «поворот к оппозиционному настроению» среди крестьян отдельных районов Томской губернии²⁹.

В связи с призывом ратников ополчения 2-го разряда осенью 1915 г. крестьяне селений Томского уезда говорили: «Ну вот, второй

²⁰ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск, 1978, с. 282—284.

²¹ ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 6928, л. 228 об.

²² ЦГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 925, лл. 136, 149.

²³ Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 г. Сборник документов, М. — Л., 1965, с. 259, 306—307.

²⁴ Самосудов В. М. Указ. соч., с. 114, 116—117.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 330.

²⁶ ЦГАОР, ф. ДП-00, оп. 4, 1914, д. 141, ч. I, л. 3 об.

²⁷ Там же, д. 108, ч. 20, л. 8.

²⁸ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 4201, л. 155 об.

²⁹ Горюшкин Л. М. Указ. соч., с. 60—61; ЦГАОР, ф. ДП-00, 1915, оп. 124, д. 108, ч. 77, л. 11.

¹⁴ ЦГАОР, ф. ДП-00, оп. 4, 1914, д. 138, ч. I, л. 4.

¹⁵ Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907—1917 гг.). Документальное пособие к спецкурсу. Омск, 1971, с. 152—153.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 243, л. 329—334.

¹⁷ История Сибири, т. 3, Л., 1968, с. 466; ЦГАОР, ф. ДП-00, д. 138, ч. 20, л. 2; д. 138, ч. 23, л. 1.

¹⁸ ЦГАОР, ф. ДП-00, 1915, д. 9, ч. 25, л. Б, л. II.

¹⁹ См.: Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1975, с. 60.

год идет война, а что она дала нам хорошего, убавила народа, искалечила годных работников, оставила сирот и дряхлых стариков, а теперь и последних забирают, а с нас же спрашивают подати и повинности, кто же должен платить, когда остаются одни женщины»: «С войны для нас, крестьян, жизнь стала дорога и тяжела, а купцов вообще торгующих война обогащает, так как все предметы продажи повышены в цене в 3—5 и 10 раз выше той, по которой они продавались до войны». «Зачем нам война, это нужно высшему начальству»³⁰. К 1917 г. в настроениях трудящихся крестьян Сибири преобладало недовольство войной и царским правительством.

В годы войны повысилась общественная активность крестьянства, возрос его интерес к печатному слову. «Интересно, что газеты и журналы стали выписываться не только начитанными людьми, но и рядовыми крестьянами, подчас с трудом разбирающимися по слогам», — сообщила газета «Народная Сибирь» 8 февраля 1915 г. В крестьянстве окрепли элементы политической сознательности, хотя в целом их выступления оставались стихийными.

К концу 1914 г. царскому правительству удалось несколько заглушить крестьянское движение в Сибири, однако оно не прекратилось. Во время мобилизации в сентябре 1915 г. повторились волнения ратников 2-го разряда, охватившие до 70 пунктов в различных районах страны, в том числе с. Берское Барнаульского уезда, где произошло столкновение ратников, вооруженных палками, с полицией³¹. Циркуляры Лесного департамента и Кабинета, разрешавшие бесплатный отпуск валежника на отопление солдатским семьям, не успокоили крестьян, и, как признавал начальник Енисейского управления земледелия и государственных имуществ, лишь усилили «массовые порубки, которые благодаря ограниченному составу стражи остановить было весьма трудно и дело доходило чуть не до вооруженных столкновений»³². Захваты кабинетского и казенного леса продолжались. В сентябре 1915 г. около 20 солдаток д. Мельниково Барнаульского уезда совершили «скопом» порубку леса в Озерском лесничестве. Угрожая объездчику топорами, они вынудили его удалиться³³. Жители арендных поселков на Алтае отказались вносить плату за арендуемую ими землю³⁴.

С конца 1915 — начала 1916 г. крестьянское движение вновь усиливается. В него вовлекаются женщины-солдатки, к прежним формам борьбы против самодержавия добавляются «продовольственные беспорядки». Волнения с участием солдаток, прибывших за денежным пособием, прошли в Новониколаевске еще в июне 1915 г., а с 1916 г. становятся постоянным явлением. В мае 1916 г. они вспыхнули в Красноярске, Боготоле, Бийске, в ноябре — опять в Новониколаевске. В. И. Ленин рассматривал волнения солдаток как первые зачатки революционных массовых действий³⁵. Выступления начались и в деревне. В Рыбинской волости Канского уезда Енисейской губернии в выступлении против сельских торговцев участвовало более 3 тысяч крестьян. Воинская часть, вызванная из Канска, арестовала свыше ста человек. С помощью воинских команд подавили волнения в Ачинской, Ирбейской и Уярской волостях³⁶.

³⁰ Г А Т О, ф. 3, оп. 12, д. 4201, л. 243.

³¹ Ц Г И А, ф. 1292, оп. 1, д. 1729, л. 135—142.

³² Г А К К, ф. 401, оп. 1, д. 203, л. 85.

³³ Г А Т О, ф. 3, оп. 45, д. 1247, л. 50, 58.

³⁴ Обзор деятельности округа за пятилетие (1911—1915 гг.). Барнаул, 1916, с. 106.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 230.

³⁶ Очерки истории Красноярской партийной организации, т. I. Красноярск, 1967, с. 198.

В мае 1916 г. крестьяне с. Викуловского Тобольской губернии сожгли 17 домов сельских лавочников и купцов, квартиры пристава и урядник «со всей канцелярией». В Змеиногорском уезде Томской губернии солдатки вынуждали владельцев торговых лавок продавать товары со скидкой в цене или даже раздавать бесплатно. Они разгромили лавки сельских торговцев в дер. Мякотихе, в селах Локтевском и Топольном Змеиногорского уезда, с. Солтонском Бийского уезда³⁷ и др. Стихийные бунты и погромы выражали недовольство крестьян, кабально зависимых от владельцев торгово-ростовщического капитала, и свидетельствовали о переплетении двух социальных войн в деревне.

Для военных лет характерна борьба крестьян и против реквизиций, проводимых правительством. Массовые выступления на этой почве произошли в 1916 г. в Бийском и Кузнецком уездах Томской губернии. В Ялutorовском уезде Тобольской губернии крестьяне, члены 13 кооперативных маслозаводов, отказались сдавать масло «в казну» по «твердым ценам», а Шатровское волостное правление отказалось содействовать уполномоченному военно-промышленного комитета в закупке сырья и продовольствия. Во всех губерниях и областях Сибири наблюдались отказы крестьян от внесения податей³⁸. В связи с сокращением в годы войны землеустроительных работ удельный вес крестьянских выступлений на этой почве заметно понизился.

Настроения крестьянства влияли и на солдат, что проявлялось в многочисленных побегах из эшелонов по пути на фронт. Из эшелона, отправленного из Томска 7 ноября 1915 г., побег начался сразу же, а на разъезде Сураново, в сумерки «нижние чины побежали уже толпой». Их не остановила и стрельба, в результате которой один человек был убит и два ранено. На станции Тайге убежало 216 человек, а на участке Тайга — Омск — еще 115 человек. В связи с этим командующий войсками Омского военного округа приказал выставить караулы и дозоры для предотвращения побегов, в том числе и силой оружия³⁹.

В революционное движение вовлекаются коренные народы Сибири. Указ царя о реквизиции «инородцев» на работы в тылу действующей армии, объявленный 25 июня 1916 г., вызвал «сильное брожение и неудовольствие», как докладывал губернатору бийский исправник. Многие жители Горного Алтая и «даже целые общества» заявляли властям, что «на работы в тылу армии они не пойдут и свидетельствовать не будут». Стремясь уклониться от реквизиции, 1412 человек, работавших в Змеиногорском уезде на рудниках и строительстве железнодорожной линии Риддеровского горнопромышленного акционерного общества, бросили работу и ушли в Усть-Каменогорский и Зайсанский уезды Семипалатинской области. Около 300 семейств киргизов и теленгитов, населявших окрестности Кош-Агача и пограничную полосу, бежали в Монголию, угнав у своих сородичей скот.

2-го августа 1916 г. поступила телеграмма об отсрочке реквизиции до 15 сентября. Несколько тысяч аборигенов, прибывших на сборные пункты в селения Горного Алтая Теньгу и Урсулу для освидетельствования, узнав об отсрочке, потребовали от крестьянского начальника «объявить о совершенной отмене призыва их на работы», предъявляли другие требования. С помощью полиции и вызванных войсковых частей волнения в Горном Алтае были подавлены, «глав-

³⁷ Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны..., с. 385—391; Г А Т О, ф. 3, оп. 12, д. 4264, л. 1; оп. 3, д. 6928, л. 211—211 об.

³⁸ Самосудов В. М. Указ. соч., с. 159—161; Крестьянское движение в России..., с. 383, 391; Ц Г А О Р, ф. ДП-00. 1916, д. 20, ч. 81, л. 1.

³⁹ Ц Г В И А, ф. 1450, оп. 4, д. II, л. 97.

ные зачинщики и подстрекатели» заключены в Бийскую тюрьму⁴⁰. В Восточной Сибири мобилизованные аборигены самовольно уходили в свои улусы или соседние местности, уклоняясь от работ. Иркутский губернатор в циркуляре от 8 декабря 1916 г. требовал от полиции возвратить на работы сбежавших и наказать их⁴¹.

В конце 1916 г. продовольственный кризис, охвативший страну, распространился на Сибирь. Не хватало продовольствия в городах, а в Восточной Сибири — и в сельской местности. Красноярский военно-промышленный комитет 24 декабря 1916 г. сообщал в Петроград, что «с каждым днем продовольственный кризис становится все тяжелее», в Министерство внутренних дел поступали телеграммы «о наступившем голоде в Иркутской губернии и Забайкальской области»⁴². Недовольство охватило широкие массы. 30 января 1917 г. начальник штаба Иркутского военного округа просил Главное управление Генерального штаба не выводить казачьи полки из пределов округа ввиду большого числа ссыльных и «неспокойного положения в крае»⁴³. Вместе со всей страной Сибирь стояла на пороге новой буржуазно-демократической революции.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР,
Новосибирск

В. С. ПОЗНАНСКИЙ
ПОДВИГ СИБИРСКИХ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

Одной из ярких героических страниц истории борьбы за Советскую власть явилось массовое партизанское движение на территории, временно захваченной белогвардейцами и интервентами, в период гражданской войны. Самый широкий размах война красных партизан приняла в восточных районах РСФСР.

«...Уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной Армии побить Колчака», — сказал В. И. Ленин в середине октября 1919 г.¹, когда советские войска Восточного фронта, сокрушив белогвардейцев в междуречье Тобола и Иртыша, перешли в решительное наступление, чтобы окончательно ликвидировать колчаковщину. Спустя полтора месяца приехавший в Москву за новым назначением командующий 5-й Краснознаменной армии М. Н. Тухачевский свою знаменитую лекцию «Стратегия национальная и классовая» в Академии Красного Генерального штаба закончил констатацией и объяснением этого непонятного тогда для многих явления: «В Сибири партизанство возникло среди крестьян, чаша терпения которых переполнилась, которые восстали против эксплуататоров, которые сами у себя организовали Советскую власть, которые душой и телом стремились воссоединиться с рабоче-крестьянской Россией. Это движение было движением полной солидарности сибирского крестьянства с рабочим классом. Такое партизанство могло быть нам только полезным, и мы не ошиблись, широко поддерживая его»². В будущем знаменитый советский полководец и военный теоретик усилил характеристику событий гражданской войны на Восточном Фронте в конце 1919 г.: «Не только наступала Красная Армия, но наступало и все сибирское крестьянство. Если же учесть те десятки тысяч партизан, которые действовали в тылу Колчака, то эта картина станет еще более яркой. Поражение самой сильной и наиболее организованной контрреволюции на Востоке — ликвидация Колчака — являет собою одну из успешных маневренных операций, сопровождаемых социальным походом сибирского крестьянства против белогвардейщины под организующим началом Красной Армии»³. А в приказе Реввоенсовета 5-й Краснознаменной армии вклад трудящихся Сибири в дело разгрома «верховного правителя» российской контрреволюции получил следующую оценку: «Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколения, и имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 232.

² Тухачевский М. Н. Избр. произв., т. 1. М., 1964, с. 50.

³ Тухачевский М. Н. Курган — Омск. — В кн.: Борьба за Урал и Сибирь. 1926, с. 88.

⁴ Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, с. 677.

⁴⁰ ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 6928, л. 147—147 об., 169—169 об., 187 об.; оп. 12, д. 4263, л. 75.

⁴¹ ГАКК, ф. 24, оп. 1, д. 417, л. 590.

⁴² ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 612, л. 49, 54; ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, л. 248, л. 24.

⁴³ ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 324, л. 128.

Сбывались прогнозы В. И. Ленина, считавшего, что колебания сибирского крестьянства, не поддержавшего летом 1918 г. Советскую власть в ее борьбе с врагом, — явление временное, что оно обязательно активно выступит против любых попыток реставрации помещичье-буржуазного строя, поднимется на всенародную войну против белогвардейщины и иностранной интервенции.

Вопреки надеждам организаторов российской контрреволюции и иностранной воинской интервенции против Советской Республики видеть Сибирь Вандеей, она, начиная с лета 1918 г., с каждым днем «краснела», превращалась в оплот ненавистного для них «ленинского большевизма». Сибирское крестьянство, составлявшее девять десятых населения обширного края, вслед за малочисленным здесь рабочим классом встало на путь всенародного восстания под лозунгом «Да здравствует власть Советов!». В столицах европейских империалистических держав, в Токио, в Вашингтоне правительства решали вопрос: как переломить ход событий на востоке России, чем еще помочь своему главному ставленнику. И вынуждены были принять решение об эвакуации интервенционистских войск (за исключением Японии, которая до конца 1922 г. пыталась «зацепиться» на русском Дальнем Востоке), оставив на произвол судьбы один на один с наступающей Красной Армией и восставшими сибиряками неудачливого адмирала. Характерен факт: по настоянию У. Черчилля кабинет министров Великобритании собирался для изыскания возможностей продолжить вооруженную интервенцию в Сибирь. Срочно было запрошено мнение главы военной миссии Антанты при колчаковской ставке английского генерала Альфреда Нокса. Ответ генерала, познавшего в Сибирь, что представляет собой гражданская война в России, обескуражил даже самых заядлых «ястребов»: «Можно разбить (силами Антанты — В. П.) миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым»⁵. Кабинету министров ничего не оставалось иного, как отдать распоряжение о прекращении военных поставок Колчаку и отзыве британских войск из Сибири и с Дальнего Востока.

А начиналась и развивалась великая краснопартизанская война сибиряков с врагами Советской власти так:

Организованный империалистами Антанты и США мятеж чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. отрезал Сибирь от Центральной России. На борьбу с Советами поднялось многочисленное кулачество, городская буржуазия, бежавшие после Октябрьской революции из европейской части страны офицеры-корниловцы, сторонники Временного правительства и Учредительного собрания. Летом 1918 г. в результате многократного превосходства в силах белогвардейцам и интервентам удалось сломить сопротивление первых подразделений молодой Красной Армии и отрядов рабочей Красной гвардии. Пали один за другим центры революционного движения и советизации края: Омск, Тюмень, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Чита; в руках врага оказались рабочие районы Кузбасса, Черемхово, Ленско-Витимских приисков. Погиб в Горном Алтае совершивший тысячекилометровый рейд по степям Западной Сибири красногвардейский отряд П. Ф. Сухова. 28 августа на небольшой железнодорожной станции Урульга, восточнее Читы, на совещании руководящих советских и военных работников ЦИКа Советов Сибири пришлось принять решение о прекращении боевых действий организованным фронтом по линии Транссибирской магистрали и переходе к партизанским методам борьбы с врагами Советской Республики. Командирам и бойцам предлагалось рассеяться небольшими группами по городам и селам,

⁵ Гражданская война, 1918—1921, т. 2. М., 1930, с. 412.

чтобы в подполье готовить восстания рабочих и крестьян, создавать партизанские отряды.

В Сибири установилась власть так называемой «демократической» эсеры, поставило задачу полного уничтожения «большевистских порядков», т. е. всех завоеваний Октябрьской социалистической революции. Первые же законы «освободителей от диктатуры» ударили и по трудовому крестьянству. Так, закон от 5 июля предусматривал возврат бывшим владельцам земель, построек и инвентаря, отобранных были средства. И вводятся различные налоги, принимается решение взыскать недоимки за 1915—1917 гг. На крестьян взваливают новые повинности (подводная и т. д.); белогвардейцы широко практикуют систему реквизиций лошадей, продовольствия, фуража. Но особенно оттолкнул крестьянство от контрреволюции «указ» Временного Сибирского правительства от 31 июля о призыве молодежи «для воссоздания не повсеместно отказывались давать сыновей в белую армию, заявляя, что не допустят войны «внутри страны против своего же брата — мужика»⁶.

Против непокорной деревни «защитники» крестьянских интересов — эсеровские заправилы двинули из городов карательные отряды. Белогвардейским офицерам и казачьим атаманам предоставили возможность действовать по своему усмотрению, лишь бы быстрее «искоренить большевизм». Естественно, люто ненавидевшие «черную кость» вчерашние монархисты, корниловцы сразу же пустили в ход оружие и нагайку, что в сочетании с кулацкими самосудами над деревенскими активистами Советской власти и непокорными батраками привело к кровавой вакханалии. И в ответ не знавший крепостного права, всегда привыкший чувствовать себя вольным, крестьянин поднимается на по-работителей. В ряде районов вспыхивают крупные восстания: Чумайское в Марининском уезде Томской губернии, где выступило до 7 тыс. крестьян и бывших красногвардейцев; Минусинское на юге Енисейской губернии — до 10 тыс. крестьян-повстанцев; Шемонаихинское, где восстали почти 70 селений Змеиногорского уезда Алтайской губернии; восстали крестьяне притаежных сел в Тарском и Тюкалинском уездах к северу от Омска и Причерного края (правобережье Оби на стыке Барнаульского и Кузнецкого уездов). О событиях в Славгородском уезде Алтайской губернии местные белогвардейские власти докладывали: «В связи с призывом новобранцев в поселке Черный Дол крестьяне, по-видимому под влиянием агитации большевиков, учинили бунт. 2 сентября утром в Славгород нагрянула большая толпа народа, вооруженная винтовками, батогами, вилами, лопатами и прочим, которая, освободив арестованных, начала наступать на офицерскую роту. Местный гарнизон отступил, причем часть гарнизона, преимущественно офицеры, толпой убиты. Восставшими организован «Крестьянско-рабочий штаб», который издал несколько воззваний с призывом к крестьянам и рабочим восстать против Временного правительства и белой гвардии, а также посланы агитаторы по селениям уезда. Для подавления восстания в Славгород 10-го сентября прибыли правительственные войска под командой атамана Анненкова, порядок восстанавливается». Известно и о «восстановлении порядка»: белоказачья кавалерийская дивизия Анненкова и пластунская бригада полковника Зеленцова с артиллерией и пулеметами одолели почти

⁶ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.). Сборник докум. материалов. Свердловск, 1967, с. 259; История Кузбасса. Кемерово, 1967, с. 294.

безоружных и недостаточно организованных защитников Славгорода. Последовала расправа над жителями «мятежных» сел: анненковцы сожгли Черный Дол, изрубили шашками, повесили и расстреляли около 1700 человек; тысячи людей, в том числе женщины, подверглись публичной жестокой порке, в результате чего многие стали инвалидами⁷.

Регулярным войскам Временного Сибирского правительства летом — осенью 1918 г. удалось подавить первые крестьянские восстания, но мужик теперь ненавидел эсеровскую белогвардейщину, осознал необходимость утверждения «единственно правильной Советской власти». Военная диктатура монархиста адмирала Колчака, который стремился вернуть страну к дореволюционным порядкам, огнем и мечом, еще больше способствовала нагнетению всенародного гнева. Обобщая впоследствии причины успехов Советской власти в борьбе с контрреволюцией на востоке России, В. И. Ленин отмечал: «...сибирские крестьяне, которые менее всего поддаются влиянию коммунизма, потому что менее всего его наблюдают, получили такой урок от Колчака, такое *практическое* сравнение (а крестьяне любят сравнения *практические*), что мы можем сказать: Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»⁸.

Через линию фронта связанные Сибирского областного комитета РКП(б) доставили доклад в ЦК партии, где сообщалось о создании восставшими крестьянами «Канско-Заманской Федеративной Советской Республики» и других подобных партизанских районов, о том, что отовсюду партизаны просят большевистские комитеты присылать в их Советы рабочих, что каждый из островков Советской власти является местным антиколчаковским фронтом⁹.

Особенно широко разлилась волна красного повстанчества в начале 1919 г. в Енисейской губернии (ныне Красноярский край). Во многих местах население низвергало колчаковские органы, избирало Советы; формировались партизанские отряды. Количество добровольцев — почти все мужское население — постоянно превышало возможность вооружать их хотя бы примитивным оружием. Наряду с избой под красным флагом, где располагался исполком Совета (или штаб партизанского отряда) центральными в каждом из селений становились кузницы: в них ковались пики и сабли, изготовлялось хотя бы примитивное стрелковое оружие, даже самодельные пушки. В архивах сохранились сотни собранных в 20-е годы воспоминаний бывших партизан, подобных рассказанному Я. С. Замураевым: на сборные пункты «шли и ехали на своих лошадях добровольцы — кто с охотничьим ружьем, кто с одним тесаком, были и без всякого оружия»¹⁰.

Наиболее опасными для колчаковцев были партизанские группы (П. Е. Щетинкина, И. К. Лабеецкого и др.), выходившие к Транссибирской магистрали. Они разрушали железнодорожное полотно, линии телеграфной и телефонной связи, однажды разрушили мост через р. Чулым. На охрану железной дороги колчаковскому командованию пришлось бросить свои воинские части и части иностранных интервентов. К примеру, участок Ачинск — Красноярск — Канск патрулировала белочешская дивизия полковника Кадлеца. Из Омска в Красноярск телеграфировали (март 1919 г.): «Верховный правитель повелевает возможно скорее, решительнее покончить с енисейским восстанием, не

⁷ Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917—1920 гг.). Сборник документов. Барнаул. 1957, с. 223; Сибирские огни, 1968, № 11, с. 158.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 241.

⁹ Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.), с. 105, 106.

¹⁰ Замураев Я. С. Енисейские партизаны. Новосибирск, 1970, с. 40.

останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего Амурской области стали уничтожать селения со всеми жителями от мала до велика¹¹.

Направляемое большевистским подпольем, с ядром из рабочих-пролетариев партизанское движение росло и ширилось, несмотря на все усилия высших колчаковских властей разгромить его или хотя бы локализовать. Любой частичный успех белогвардейцев быстро сменялся гораздо более серьезными для них поражениями. Так, бросив против партизанских районов Енисейской губернии крупные военные карательные отряды, колчаковское командование за несколько месяцев, к июню 1919 г., сумело ликвидировать Северо-Ачинский фронт, Тасеевскую и Степно-Баджейскую Советские Республики. Но даже уничтожение десятков сел не привело к выполнению приказа Колчака: тасеевцы под командованием В. Г. Яковенко ушли в северные таежные районы, объединенная партизанская армия А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина через тайгу Восточных Саян и Минусинскую котловину пробилась в Урянхай (ныне Тувинская АССР). К партизанам потянулись тысячи новых бойцов. В августе 1919 г. в Белоцарском бою (Белоцарск — ныне Кызыл) армия Кравченко — Щетинкина наголову разбила трехтысячный отряд колчаковцев и стала хозяином положения на юге Енисейской губернии¹².

К лету 1919 г. партизанское движение захватывало огромные районы, в том числе в наиболее населенной Западной Сибири, вплотную подступило к Транссибирской магистрали, к важнейшим стратегическим пунктам, к столице Колчака Омску. Реальную действительность отражали слова партизанской песни: «По Иртышу и по Оби — везде гуляют пикари».

В условиях далеко неравной борьбы с вооруженными до зубов регулярными войсками Колчака и интервентов партизаны и поддерживающее их население проявляли массовый героизм, было совершено много героических подвигов. Старик Ф. С. Гуляев из алтайского села Рассказихи, подобно легендарному Сусанину, завел вражеский отряд в глухой лес, сам сумел сбежать от белогвардейцев и привести партизан, которые легко обезоружили изнемогающих от усталости карателей. Подобные подвиги совершили в Каинском уезде старик-охотник Никита Молчанов и 70-летний И. С. Пешков. Пешкову, как и Гуляеву, удалось сбежать от карателей, а Молчанова замучили до смерти озверевшие белобандиты. Геройски погибли окруженные белогвардейцами А. И. Избышев, юный Киря Баев, Н. М. Прилепа и многие другие партизаны, навечно оставшиеся в памяти земляков. Особую стойкость проявляли партизанские отряды, в которых значительную прослойку составляли коммунисты («Российский имени Владимира Ильича Ленина-Ульянова советский партизанский отряд» — командир В. П. Шевелев-Лубков; «Интернациональный советский партизанский отряд имени Карла Маркса» — командир Макс Ламберг и др.).

Но неверно было бы представлять народно-повстанческое движение против колчаковщины без изъянов и недостатков, сдерживающих его рост, ослабляющих силу ударов по белогвардейскому тылу. Не обошлось без типичной для периода гражданской войны анархистской «партизанщины», когда отдельные отряды не желали объеди-

¹¹ Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М. — Л., 1925, с. 115.

¹² Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972, с. 147—148.

няться с другими, выступать из района своего села, подчиняться большевистским центрам, командованию и административным органам партизанских «советских республик». Даже в такие известные своей героической борьбой с карателями-колчаковцами отряды, как П. К. Лубкова (Томская губерния), Г. Ф. Рогова (Алтайская губерния), Н. А. Каландаришвили (Иркутская губерния) подпольные большевистские организации вынуждены были посылать своих представителей с заданием обуздывать своеволие командиров, выводить бойцов из-под влияния анархистских или эсеровских идей. При отступлении армии Кравченко — Щетинкина с севера на юг с нею не пошла треть партизан (отряды К. Жестикова, И. Богана, Стародубцева) и почти все они погибли вскоре от рук карателей¹³.

Проходившее под председательством В. И. Ленина объединенное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 19 июля 1919 г., учитывая сложившуюся в Сибири ситуацию, специально рассмотрело вопрос «О сибирских партизанских отрядах» и вынесло постановление, в котором поручалось подготовить тезисы обращения Совнаркома к партизанам. Партизанским отрядам предписывалось «немедленно установить между собою постоянную связь и координировать свои действия и переход к централизации командования», подчеркивалась важность координации боевых операций партизан с советскими войсками и своевременных мер «обезвреживания отрицательных сторон партизанщины». Сибирскому бюро ЦК РКП(б) вменялось в обязанность «оказывать отрядам материальную помощь через сибирские партийные организации»¹⁴.

Решения ЦК партии сыграли исключительную роль в подъеме всенародной борьбы трудящихся Сибири с Колчаком. Под напором наступающей Красной Армии трещал колчаковский фронт, под ударами партизан и повстанцев рушился колчаковский тыл. Интервентам и белогвардейцам противостояли не отдельные разрозненные и относительно малочисленные отряды, а партизанские армии. В момент соединения с красноармейскими частями армия Мамонтова — Громова насчитывала 25 тыс., армия Кравченко — Щетинкина — 20 тыс., партизаны Причерного края — 11 тыс. бойцов. Партизанские полки и дивизии могли вступать в крупные сражения (как известное Солонцовское), освобождать города (Барнаул, Семипалатинск, Минусинск и др.).

В. И. Ленин следил за ходом массового повстанчества в Сибири, за процессом пополнения Красной Армии вчерашними партизанами. В мае 1920 г. он подписал постановление Совнаркома о выплате жалования и вознаграждения бойцам партизанских армий Алтайской и Енисейской губерний, боровшихся в тылу Колчака, на что Наркомату по военным делам выделялось сверхсметным кредитом 1,5 млрд. руб.¹⁵

После разгрома Колчака красные партизаны Восточной Сибири участвовали в освобождении Забайкалья и Дальнего Востока. Партизаны Западной Сибири уезжали добровольцами бить белополяков и Врангеля. По свидетельству В. К. Блюхера, в момент переброски дивизий из Сибири на запад весной — летом 1920 г. три четверти красноармейцев в них были сибирские крестьяне-партизаны¹⁶.

В. И. Ленин чрезвычайно высоко ценил героизм красных сибирских партизан. Он лично вручил приехавшему в Москву Ф. С. Гуляеву почетное революционное оружие (шашку) и подарок от себя —

металлический венок на могилу погибших партизан — односельчан старика-героя В. И. Ленин одобрил решение Алтайского губисполкома о присвоении Ф. С. Гуляеву второй фамилии — Сусанин¹⁷. После встречи и беседы с В. И. Лениным Н. А. Каландаришвили («Дедушка») решил порвать с анархизмом, вступил в ряды РКП(б), боролся с рецидивами партизанщины в частях и отрядах, которыми командовали партизан Н. И. Темеров самым знаменательным событием своей жизни назвал момент, когда он, комиссар добровольческого полка, попал на Курский вокзал столицы: «По перрону вокзала вдоль строя сибирских партизан шел Владимир Ильич Ленин. Владимир Ильич сердечно поздоровался с нами и обратился с короткой речью. Он поблагодарил лучших людей на борьбу с Врангелем. Ленин подчеркнул, что мы уже имеем хороший боевой опыт в войне против банд контрреволюции и интервентов, прикрывшихся властью Колчака. Ленин пожелал сибирякам новых славных боевых успехов на новом для них Южном фронте. Громким «ура» ответили мы на добрые пожелания вождя»¹⁸.

В начале Великой Отечественной войны большую группу бывших командиров сибирских партизан (краснознаменцы И. В. Громов, В. В. Загуменный, а также Я. С. Замураев и др.) перебросили в тыл немецко-врагом районов. Некоторые из них (С. В. Абрамов, А. Н. Данилов и др.) героически погибли в боях. Многие бывшие партизаны добровольцами вступили в сибирские дивизии, обессмертившие на полях сражений от Москвы до Берлина боевое имя сибиряков. Ратные подвиги партизан-ветеранов страна отметила орденами и медалями.

Память о сибирских красных партизанах — защитниках Советской власти запечатлена в трудах историков и в художественной литературе, жива в сознании народа.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР,
Новосибирск

¹³ За власть Советов на юге Сибири. Абакан, 1968, с. 65.

¹⁴ Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.), с. 119.

¹⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 8, с. 52—53, 86, 97, 521, 550.

¹⁶ Блюхер В. Революционное мужество. — Правда, 1935, 14 ноября; Он же. Победа храбрых. — Красная звезда, 1935, 14 ноября.

¹⁷ Вопросы истории КПСС, 1966, № 3, с. 104. Ф. С. Гуляев-Сусанин и И. С. Пешков-Сусанин были награждены Орденами Боевого Красного Знамени.

¹⁸ Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917—1920 гг.). Красноярск, 1957, с. 224.

В. Г. ЛЕБЕДЕВ

РОЛЬ ОСОБОЙ ВОЕННОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 5-й АРМИИ В ЛИКВИДАЦИИ АНТИСОВЕТСКИХ ЗАГОВОРОВ В ЯКУТИИ

В начале 1920 г. героическими усилиями 5-й армии и красных партизан было покончено с Колчаком. В это время ЦК РКП(б) и Советское правительство поставили перед Сибирью задачу максимально помогать войскам, ведущим борьбу на западе, куда одна за другой направлялись красноармейские дивизии. Оставшиеся в Сибири части должны были не допустить новых попыток белогвардейщины повернуть историю вспять.

Восстановление власти Советов в Восточной Сибири в условиях оккупации японцами Дальнего Востока означало переход сил контрреволюции в новую стадию борьбы, характеризовавшуюся подрывной работой. В период завершения гражданской войны возник ряд разрозненных заговоров и мятежей, направленных на реставрацию старых порядков.

Констатируя факт, что «английские и французские капиталисты... провалились со своей поддержкой Колчака в Сибири»¹, В. И. Ленин требовал не ослаблять борьбу с контрреволюцией в тылу, на отвоеванной у врага территории. «Контрреволюция побеждена, но далеко не уничтожена... Никаких иллюзий на этот счет! Мы знаем «питательную среду», порождающую контрреволюционные предприятия, вспышки, заговоры и прочее... Это среда буржуазии, буржуазной интеллигенции, в деревнях кулаков, повсюду — «беспартийной» публики, затем эсеров и меньшевиков. Надо утроить и удесятить надзор за этой средой. Надо удесятить бдительность, ибо контрреволюционные поползновения с этой стороны абсолютно неизбежны в настоящий момент и в ближайшем будущем»². Эти ленинские установки нашли свое воплощение и в далекой Якутии, где было раскрыто несколько антисоветских заговоров.

Летом 1920 г. для оказания помощи оружием и боеприпасами рабочим Амурских приисков и партизанам и для доставки в центр спасенного по инициативе С. Г. Лазо запаса золота, платины и серебра на Дальний Восток была послана Особая военная экспедиция 5-й армии. Из-за созданной семеновцами «читинской пробки» экспедиция была вынуждена проделать свой путь через Якутию, что сыграло чрезвычайно важную роль в раскрытии там контрреволюционных заговоров. Однако это историческое событие не получило достаточного освещения в литературе³. Имеющиеся в Центральном государственном архиве Советской

Армии материалы экспедиции после расшифровки и сопоставления с воспоминаниями очевидцев позволили расширить представления о борившейся до настоящего времени факт предотвращения июльского заговора в Олекминске, исправить утверждение авторов 3-го тома «Историкической интеллигенции» был раскрыт в августе 1920 г. органами ЧК осветить роль Особой экспедиции 5-й армии в подавлении контрреволюционных заговоров и мятежей.

В мае — июне 1920 г. якутскими буржуазными националистами была создана подпольная организация, во главе которой встал эсер Р. И. Оро-«Якутского трудового союза федералистов». Для подготовки и проведения предполагаемого путча заговорщики использовали культурно-просветительное общество «Саха аймах» («Якутское племя»), которое, будучи легальным, явилось в сущности политической организацией контрреволюции⁴. Центром заговора, охватившего различные уезды, стал Якутск. В своей борьбе заговорщики использовали буржуазно-националистическую идеологию, суть которой выражал лозунг «Якутия для якутов!» (характерный прием буржуазных националистов, обычно использовавшийся ими в период гражданской войны в СССР). Мятежники обратились за помощью к Японии, надеясь при ее поддержке «освободить» Якутию, то бишь избавить ее от большевизма и Советской власти. Документально установлено, что заговорщики направили своего агента в Японию и ждали реальной помощи японского империализма⁵, уже вынашивавшего планы создания буферной Якутско-Камчатской «республики» под протекторатом Японии и отторжения Северо-Востока от Советской России.

Особая военная экспедиция 5-й армии, вынужденная продвигаться через Олекминск, приняла непосредственное участие в раскрытии контрреволюционного заговора. Экспедиция, общей численностью в 220 чел., имела сильное ядро — 16-й особый отряд под командованием И. Данилова в количестве 184 чел., состоявший из закаленных и испытанных в боях бывших партизан П. Е. Щетинкина. Руководство экспедицией было возложено на сотрудников военной комендатуры Иркутска. Начальником экспедиции был комендант города П. Ф. Савлук, его помощниками — начальник оперативной части управления коменданта А. Г. Козлов и представитель особого отдела 5-й армии А. Евдокимов, начальником головного отряда — В. З. Урядников-Макаров⁷. В связи с исключительной важностью задания реввоенсовет 5-й армии предоставил экспедиции особые полномочия⁸.

Советская власть в Олекминском уезде, просуществовавшая после свержения колчаковщины в течение нескольких месяцев, была еще слаба, и местные свергнутые эксплуататоры и недобитые колчаковцы помышляли о восстановлении бывшего контрреволюционного режима. Враги Советской власти запугивали население антисоветским переворотом, распускали провокационные слухи о скором приходе белых⁹ и готовили антисоветский заговор.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 44.

² Ленин В. И. Там же, с. 58—59.

³ См.: Новгородов А. И. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969, с. 212—213; Литвинов А. И. Особый маршрут. Записки участника Особой экспедиции. Изд. 2-е, испр. Иркутск, 1972; Савлук П. Ф. Чрезвычайное задание. Воспоминание. — Полярная звезда, 1971, № 6, с. 112—117. В архиве автора хранится рукопись А. Г. Козлова «По нехоженным тропам якутской тайги».

⁴ История Якутской АССР, т. 3. М., 1963, с. 46.

⁵ См.: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. Сборник документов и материалов, ч. II, кн. 1. Якутск, 1961, с. 357; Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917—1923 гг. Новосибирск, 1978, с. 258.

⁶ См.: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии, ч. II, кн. 1, с. 33.

⁷ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 112, л. 1—2 об.

⁸ См.: Литвинов А. И. Указ. соч., с. 12; Савлук П. Ф. Указ. соч., с. 112.

⁹ Литвинов А. И. Указ. соч., с. 48, 53.

Руководство экспедиции не осталось безучастным к просьбам местных жителей о защите их от контрреволюционных сил.

В первые же дни пребывания в Олекминске А. Г. Козлов, А. И. Литвинов и В. З. Урядников-Макаров обратили внимание на загадочную переписку. На почте было обнаружено зашифрованное письмо, адресованное в Якутск Оросину и подписанное инициалом или просто знаком «Е». А. Г. Козлов подобрал ключ к двухзначному цифровому шифру. В письме заведующий одной из олекминских школ сообщал о поездке «дяди» в Маньчжурию, откуда он должен привезти учебники, карандаши, ручки и перья для олекминских учеников. На первый взгляд безобидный текст зашифрован не случайно. Оказалось, что школа и ученики — контрреволюционная организация, уехавший в Маньчжурию «дядя» — один из ее руководителей, посланный за иностранной помощью; учебники — инструкция по проведению антисоветского переворота, карандаши и ручки — ружья и пулеметы, перья — патроны¹⁰. А. Г. Козлов установил, что автором письма был местный учитель Т. Павлов¹¹.

Стало ясно, что контрреволюция планировала антисоветское выступление. Об этом было сообщено в Якутск, где шла основная подготовка к мятежу. Руководство экспедиции вдумчиво подошло к раскрытию и ликвидации заговора. Не ограничиваясь рамками Олекминска, где находилась лишь тыловая база экспедиции, было сделано все возможное для вскрытия контрреволюционного очага в Якутске. 25 июля между Якутском и Олекминском состоялся разговор по прямому проводу. В ответ на запрос председателя Якутского ревкома М. К. Аммосова и уполномоченного Иркутской губернской ЧК Д. Ф. Клиногофа было сообщено, что аресты заговорщиков пока не производились. Это было необходимо для получения дополнительных сведений об участниках заговора в Якутске и его окрестностях. Предполагалось, что после собрания филиала культурно-просветительного общества «Саха аймах», намеченного в Олекминске, удастся выяснить состав организации заговорщиков в Якутске¹².

Мятежники активно вооружались. На якутский язык переводились военные уставы. Все это свидетельствовало о серьезности намерений. Чтобы не дать возможности контрреволюционным силам реализовать свои планы, экспедиция приняла меры для усиления якутского гарнизона и 24 июля откомандировала в распоряжение губернского военкомата 89 чел.¹³

Выявив нити заговора, тянувшиеся в Якутск, Особая экспедиция арестовала Т. Павлова, В. А. Федорова, В. Н. Габышева и отправила арестованных в Якутск. Туда же был послан и весь материал по обвинению заговорщиков в принадлежности к тайной организации¹⁴. 28 июля А. Г. Козлов телеграфировал М. К. Аммосову и Д. Ф. Клиногофу о необходимости ареста в Якутске Р. И. Оросина, Н. Прядезникова, братьев Василия и Виктора Новгородовых, сообщая при этом адреса, где следовало искать заговорщиков¹⁵. Это свидетельствует об умелом подходе руководства Особой экспедиции к предотвращению вооруженного выступления контрреволюции.

Командование Особой экспедиции, отправляя арестованных в Якутск, в сопроводительном письме указало, что «на Якутский и Олекминский район необходимо обратить самое серьезное внимание»¹⁶. Для

¹⁰ См.: Козлов А. Г. Указ. соч., с. 14—15; Литвинов А. И. Указ. соч., с. 53—56.

¹¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 119, л. 15—16.

¹² ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 112, л. 25, 39.

¹³ Там же, д. 112, л. 25, 39.

¹⁴ Там же, д. 112, л. 30; д. 119, л. 18—19, 21.

¹⁵ Там же, д. 119, л. 15—16.

¹⁶ Там же, д. 119, л. 21; Новгородов А. И. Указ. соч., с. 212.

дальнейшего усиления гарнизона Якутска 5 августа туда было откомандировано еще 54 чел. во главе с командиром 16-го особого отряда И. Даниловым¹⁷.

Однако перешительность, проявленная губвоенкомом И. Л. Карпелем в ликвидации антисоветских сил¹⁸, мешала быстрому пресечению замыслов контрреволюции. Реввоенсовет 5-й армии был вынужден медленно отправить в Якутск новое подкрепление из состава экспедиции. К середине августа в ней оставалось 40 чел., остальные, несмотря на необходимость выполнения поставленной перед экспедицией чрезвычайной задачи, были отправлены в помощь Якутску¹⁹.

При таком активном участии Особой военной экспедиции удалось обнаружить и предотвратить в июле—августе 1920 г. антисоветское вооруженное выступление в Якутском и Олекминском уездах. Однако мягкие меры к участникам антисоветского заговора²⁰, примененные в августе 1920 г., позволили реакционным силам продолжать тайно вынашивать и осуществлять свои преступные замыслы. В Олекминске вновь была создана конспиративная организация, выступившая с оружием в руках в ноябре 1920 г. под лозунгом «Советы без коммунистов!» Такое же выступление чуть позже планировалось в Якутске.

Накануне мятежа в Олекминске А. Г. Козлов докладывал по телеграфу в Реввоенсовет 5-й армии: «Наблюдения жизни Якутской области, в частности Олекминского уезда дают настолько плачевную картину, что нахожу необходимым поставить об этом в известность Реввоенсовет с целью принятия соответствующих мер извне». Основываясь на фактическом материале, он сообщал: «Местная буржуазия, кулаки не тронуты; сохранив в своих руках все свои предприятия, за исключением открытой торговли, но открыто спекулируя припрятанными мануфактурой, продуктами, крепко держат поработенное население в своих цепких руках». А. Г. Козлов обращал внимание Реввоенсовета 5-й армии на неблагоприятную обстановку в Олекминском районе, отмечал, что в связи с продразверсткой нарастает брожение среди крестьян, «чем пользуются контрреволюционные силы вновь организующиеся», а молодой состав Олекминского уездного ревкома нуждается в поддержке. И коммунисты Особой военной экспедиции оказали разностороннюю помощь партийно-советским органам Олекминского уезда. Они вошли в состав олекминской партийной ячейки, выполняли большую работу по укреплению Советской власти, партийной и профсоюзной организации²¹.

Вскоре А. Г. Козлов вновь сообщил в Реввоенсовет, что по полученным сведениям «в Олекминске и окрестностях подготовлено восстание. Должно вспыхнуть в ближайшие дни. Принимают участие олекминские кулаки, интеллигенция... Нити в наших руках». В Олекминске был создан революционный штаб — оперативная тройка, в состав которой вошел А. Г. Козлов. Выяснив состав антисоветской организации, штаб провел аресты, принял все меры для бескровной ликвидации заговора и оказания решительного отпора контрреволюционным силам. Были раскрыты планы мятежников, пославших в окрестные села своих агентов, которые должны были известить местные организации о начале восстания в Олекминске и одновременно с этим поднять на местах антисоветские мятежи. Олекминск и уезд были объявлены на военном положении²². Организованное белогвардейцами и якутскими кулаками войсками вооруженное выступление, не было поддержано трудящимися Якутии. Контрреволюционный мятеж в ноябре 1920 г. потерпел крах.

¹⁷ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 122, л. 37, 40; д. 118, л. 12, 38-об.; д. 119, л. 26-об.

¹⁸ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 119, л. 23-об.

¹⁹ Там же, д. 118, л. 15, 41.

²⁰ Там же, д. 119, л. 35.

²¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 119, л. 76, 79-об, 85-86-об.

²² Там же, л. 80, 82—84.

Главаря его были преданы суду революционного трибунала и сурово наказаны. В Олекминском уезде было полностью восстановлено спокойствие.

Таким образом, оперативная и решительная деятельность Особой военной экспедиции 5-й армии позволила раскрыть в июле 1920 г. преступные планы кулацко-белогвардейской реакции в Якутском и Олекминском уездах и ликвидировать антисоветский мятеж в Олекминске в ноябре 1920 г. Обширное вооруженное контрреволюционное восстание в Якутии было предотвращено. Деятельность экспедиции нанесла сильный удар по буржуазно-националистической и белогвардейской своре, помышлявшей о свержении Советской власти и истреблении коммунистов. Тем самым Особая экспедиция защитила революционные завоевания от отчаянных попыток «восстановить власть грабителей народного труда»²³.

Своевременное пресечение и ликвидация контрреволюционных мятежей на Севере содействовали переброске частей Красной Армии из Восточной Сибири на Западный и Южный фронты.

Бдительность руководства экспедиции заслуживает высокой оценки. В начале 1920 г. Ф. Э. Дзержинский напоминал, что реакция «разгромлена, но не уничтожена... контрреволюция не уничтожена совсем, она только распылена, она ищет новых путей для овладения Советской Россией, для порабощения ее, для уничтожения коммунизма...». И далее Ф. Э. Дзержинский настоятельно требовал «все время вести наблюдение и пресекать корни козней и злонамерений врагов»²⁴. Деятельность Особой военной экспедиции 5-й армии полностью отвечала духу революционного времени, сформулированному в указаниях Ф. Э. Дзержинского.

Активное участие Особой экспедиции в подавлении контрреволюционных поползновений в Якутии не помешало выполнению порученного чрезвычайного задания. 3 апреля 1921 г. приказом Реввоенсовета 5-й армии экспедиция была расформирована²⁵, а оставшиеся в Якутии части 16-го и прибывшего позднее 10-го особых отрядов были прикомандированы к олекминскому военному для усиления местного гарнизона²⁶.

А. Г. Козлов, А. И. Литвинов, В. З. Урядников-Макаров были откомандированы в распоряжение Якутского губбюро РКП (б)²⁷. Как и многие другие командиры и красноармейцы Особой экспедиции они мужественно встали на решительную защиту Советской власти в Якутии и приняли активное участие в подавлении рецидивов колчаковщины в последующие годы.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР,
Новосибирск

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 44; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2, М., 1970, с. 94.

²⁴ Исторический архив, 1957, № 5, с. 183—184.

²⁵ ЦГА С А, ф. 185, оп. 1, д. 112, л. 84.

²⁶ Там же, д. 112, л. 77-об.; д. 118, л. 31; д. 119, л. 94.

²⁷ ЦГА С А, ф. 185, оп. 1, д. 112, л. 78.

С. И. ГИМПЕЛЬ

ТРИЛОГИЯ А. Л. КОПТЕЛОВА О В. И. ЛЕНИНЕ

А. Л. Коптелов — старейший писатель Сибири. Его романы «Светлая кровь» (1931), посвященный строительству Турксиба и коллективизации сельского хозяйства, «Великое кочевье» (1935) о значении социалистической революции в жизни «малых народностей», «Сад» (1955) о преобразовании природы Сибири, многочисленные повести и рассказы обрели свою многомиллионную аудиторию и привлекли серьезное внимание исследователей литературы. Особый интерес вызвала трилогия А. Л. Коптелова о жизни и деятельности В. И. Ленина в период пребывания в сибирской ссылке и эмиграции и борьбы за создание партии нового типа.

Работа над образом Ленина означает не только воссоздание облика вождя и великого человека, но прежде всего размышление о судьбах революции и страны, о смысле истории. И эта связь с современностью непременно предполагает вопрос: соответствует ли художественный облик Ленина его подлинному историческому облику, иными словами, как соотносится правда художественная с правдой исторической. Эта проблема была чрезвычайно актуальна и для других советских писателей, предшественников и современников сибирского писателя в освоении образа вождя: Н. Погодина, М. Шагинян, Э. Казакевича, В. Катаева, Е. Драбкиной, М. Прилежаевой, С. Дангулова. Волновала она и новосибирского писателя А. Л. Коптелова. Главная книга его жизни, трилогия о В. И. Ленине, включает романы: «Большой зачин» (1963), «Возгорится пламя» (1969), «Точка опоры», ч. I (1973). Последние главы трилогии (вторая часть романа «Точка опоры») опубликованы в год 60-летия Великого Октября. Роман «Большой зачин» охватывает начало революционного пути Владимира Ильича, создание им «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», последующий его разгром и ссылку Ленина и его единомышленников в Сибирь. Второй роман «Возгорится пламя» явился логическим продолжением предыдущего и запечатлел события шушенской ссылки. В романе «Точка опоры» писатель показывает великого деятеля революции в эмиграции, в период организации общерусской нелегальной политической газеты «Искра» и создания коммунистической партии большевиков.

В историческом повествовании подобного рода всегда возникает вопрос о границах документальности. Отказавшись от вымысла, принципиально выступая против любых попыток художественно дополнить исторический документ, многие создатели исторических романов оказывались в плену голых схем и абстракций, этот путь приводил к творческой робости, к известной скованности художника. С другой стороны, безудержная фантазия писателя в отношении известных исторических лиц ведет к произволу в оценке событий. Несомненно, самой важной проблемой в изображении характера исторической личности, особенно великой, является проблема художественного синтеза, которая заклю-

чается в умелом сочетании исторической правды и художественного вымысла, когда исследователь удачно соединяется с современностью. Такое постижение исторической эпохи связывается с современностью.

К достоинствам трилогии А. Л. Коптелова следует отнести хорошее знание документального материала, умение придать ему удачную художественную форму. Писатель буквально вжился в атмосферу эпохи. В этом ему помогли сочинения В. И. Ленина, статьи и воспоминания о нем, материалы Центрального партийного архива, семейные архивы, видных революционеров, рукописи и фотоснимки из различных музеев, газеты и журналы, которые Владимир Ильич получал в Шушенском, и многие другие документы. Какова же идейно-эстетическая платформа, с которой воссоздается в трилогии облик В. И. Ленина?

Это прежде всего сознание высокой ответственности работы писателя над важной темой, понимание того, что любое, даже незначительное, отступление от факта, документа, логики исторических событий, искажает образ Ленина — человека, стоящего в гуще истории. А. Л. Коптелов относится к числу тех писателей, для которых важно умело использовать силу самого документа, выявить его человеческую сущность. Об этом удачно высказался автор многих политических романов Ю. Семенов. «Документ — это поразительно. Он может быть сам по себе не особенно примечательным, но высветите его другим — и перед вами столкновение идей, характеров, перед вами личность в процессе формирования. Документальность исторической прозы достигает куда большего эффекта убедительности, чем любые, пусть самые возвышенные и красивые слова на ту же тему»¹. Никакой модернизации фактов, ни малейшего субъективизма в трактовке событий, точное следование исторической правде, бережное воспроизведение явлений действительности, их глубокий анализ — вот идейное и эстетическое кредо А. Л. Коптелова.

Многие годы писатель кропотливо собирал и художественно осмысливал материалы о В. И. Ленине. Изучив богатейший документальный материал, он сравнил воспоминания очевидцев с документами, проверил их, уточнил многие факты, нашел несоответствия, т. е. проделал кропотливую, колоссальную работу историка. Поэтому так достоверно, так доподлинно выглядит в трилогии атмосфера тех лет, так широко и впечатляюще переданы картины революционного быта. Точность описания обстановки, событий, отдельных ситуаций и характеров, зримость деталей составляют сильную сторону повествования А. Л. Коптелова. Причем, документальность трилогии особого рода. Она выверена фактом сибирской биографии писателя, великолепным знанием им сибирской природы, местного колорита, любовью к сибирякам. «Ленинские же документы, к которым я обращался в процессе работы над трилогией, дали мне верное, конкретно-историческое понимание событий. Изучая эти документы, я учился думать масштабно, осмысливать время»², — вспоминает писатель. Однако в трилогии А. Коптелова не найдешь слепого следования фактам биографии великого человека. Главное для него — донести их смысл.

Самый сложный период ленинской биографии отражен в романе «Возгорится пламя» (май 1897 — январь 1900). Год жизни Владимира Ильича в Шушенском лишен внешне ярких событий, поэтому у писателя проявилось напряженное внимание к его внутренней жизни, что повлекло за собой монологическую форму повествования. Она вызвана стремлением передать сосредоточенность внутренней жизни, особый драматизм душевного состояния Ильича, активность его чувства,

¹ Семенов Ю. С. Документ — это поразительно. — Литературная газета, 1977, 23 ноября, с. 3.

² Коптелов А. Л. С Лениным в сердце. — Литературное обозрение, 1977, № 11, с. 21.

титаническую работу мысли, воздействие на ход исторических событий. Именно здесь, в Шушенском, была закончена книга «Развитие капитализма в России», ряд статей и разработка программы будущей партии, здесь был дан бой оппортунистам — протест семнадцати против «Креда» экономистов. А. Л. Коптелов показал не только стойкость и несгибаемую волю революционеров, но и силу их нравственного примера. Большой удачей романа «Возгорится пламя» являются образы сибирских крестьян. Эти персонажи позволяют зримо представить глухую сибирскую провинцию того времени. С большой силой обнаруживается в романе мастерство писателя в создании сибирских пейзажей, в изображении охотничьих сцен. Причем, описание природы не самоцель, а способ создания лирического настроения. Эти картины позволяют полнее представить человеческий облик Ленина, многогранность его натуры. В изображении великой личности писатель счастливо избежал однообразия. Ленин везде показан разным: восторженный и азартный, сдержанный и внимательный, сосредоточенный и строгий.

Лишая образ Ленина внешней патетики, А. Л. Коптелов отмечает в его характере черты героические и возвышенные. Ему удалось нарисовать живой образ молодого вождя, воссоздать богатство его духовного облика, раскрыть диалектику могучей ленинской мысли, показать титаническую работу, проделанную им в условиях ссылки, а затем в период создания партии. Ленин-мыслитель, пламенный борец неотделим у Коптелова от Ленина — замечательного человека во всей неповторимости его индивидуальных черт и психологического облика.

В решении проблемы великой исторической личности и ее отношений с историей большую роль играет концепция героя. Каковы принципы воссоздания характера исторической личности? Как лучше писателю передать ее человеческую сущность, социальную и психологическую? Как подчеркнуть значение дела и мысли великого человека? Эти и многие другие вопросы постоянно встают перед создателями исторических романов. Актуальны они были и для А. Л. Коптелова. Марксистская трактовка роли исторической личности, правильная и современная концепция истории позволили писателю создать высоко идейное, подлинно художественное произведение, воссоздающее смысл исторической эпохи.

Писатель воспроизводит напряженность творческой жизни Ленина, мучительные поиски решений, имеющих значение не только для данного момента. Этим ленинским раздумьям соответствует свободная композиция романов, когда действие переносится из одного места в другое, следуя за направлением ленинской мысли, за ее неожиданными поворотами и ассоциациями. Благодаря широкому использованию внутреннего монолога читатель знакомится с творческой лабораторией Ленина — политика, мыслителя, ученого. Пред ним предстает широта и разносторонность интересов, человеческая значительность молодого Ленина, его замечательные нравственные качества, определившие облик великого исторического деятеля. В условиях изоляции от родных, близких, товарищей по борьбе, он живет напряженной содержательной жизнью человека, у которого есть большая цель. Автор старается показать самозарождение и созревание ленинской мысли. Он точно прослеживает, как порой случайные наблюдения приводят Ленина к большим теоретическим обобщениям. Следуя горьковской традиции в этом образе сочетание вычеловеческого в Ленине, стремясь передать в этом образе сочетание вычеловеческого и человеческого, стремясь передать в этом образе сочетание вычеловеческого интеллекта и способности к решительному действию, А. Коптелов, как Э. Казакевич, В. Катаев и другие писатели, находит новые штрихи в личности Ильича и вместе с тем ищет новые способы изображения его сложной душевной жизни.

В романе «Точка опоры» автор показывает великого революционера в процессе создания коммунистической партии. Поэтому описание кон-

Ю. В. ФОМЕНКО

К ВОПРОСУ О ЕДИНИЦЕ ЯЗЫКА

В современной лингвистической литературе широко и недифференцированно используется термин «единица языка». Этим термином называют фонему, морфему, слово, фразеологический оборот, синтаксическое словосочетание и предложение, а также дифференциальный признак фонемы, слог, основу, даже абзац, контекст и интонацию. Продолжая эту линию, единицами языка можно было бы называть части речи, члены предложения, грамматические категории и многие другие явления языка. Однако ясно, что такое употребление термина гносеологически не только бесплодно, но и вредно, поскольку мешает исследователю получить точное представление об устройстве языка. Необходимо строго разграничивать понятия элемента и единицы¹, а также комбинации единиц²: «... Никакая серьезная теория не может быть построена, если она уклоняется от решения вопроса об элементарной единице...» — утверждает Э. Бенвенист³.

Толковые словари русского языка понимают под элементом «составную часть какого-л. целого»⁴, а под единицей — «обособленную часть чего-л. целого, обладающую определенной самостоятельностью»⁵. В соответствии с этими словарными толкованиями будем использовать слово *элемент* в широком значении «составная часть», а слово *единица* — в значении «основной элемент, обладающий определенной самостоятельностью». Под комбинацией же единиц будем понимать свободное и временное соединение единиц, не дающее новое качество и не образующее новую, сложную единицу⁶.

Поскольку любая система представляет собой некоторое множество взаимосвязанных элементов, постольку элемент системы должен нести в себе некоторые существенные признаки этой системы, а основной элемент (единица) должен обладать «всеми основными свойствами, присущими целому»⁷. Распространив это положение на язык, мы сделаем вывод, что единица языка обладает всеми основными свойствами языка, его «существенными общими свойствами языка»⁸. В языковом знаке, «бесспорно, и проявляются главные свойства языка»⁹.

¹ См., например: Шур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974, с. 118.

² См.: Общее языкознание. М., 1972, с. 102—103.

³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 81. Между тем, «знакомая с состоянием этой проблемы, видишь, что мало кто из лингвистов, приступая к изложению даже сугубо теоретических вопросов, считает необходимым для себя дать хотя бы рабочее определение лингвистических единиц» (Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969, с. 7).

⁴ Словарь русского языка, т. 4. М., 1961, с. 1038.

⁵ Там же, т. 1. М., 1957, с. 628.

⁶ «Словарь русского языка» (т. 2, с. 104) определяет комбинацию как «сочетание, соединение, взаимообусловленное расположение чего-л. (обычно однородного)».

⁷ Выготский Л. С. Мышление и речь. — В кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 48.

⁸ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 13.

⁹ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 93.

кретных жизненных ситуаций и вся система художественных средств подчинены задаче изображения Ленина в деле, которому он служит беззаветно и душой которого по праву является. Читателю передается сила того интеллектуального и эмоционального напряжения, в котором постоянно пребывает Владимир Ильич — и когда разрабатывает организационные и теоретические основы большевизма в работе «Что делать?», и когда полемизирует с Плехановым по поводу новой программы партии, и когда размышляет о путях борьбы и о будущем своей страны. Если в первых двух романах А. Коптелов показал развитие характера, становление личности великого человека, то в последнем романе трилогии писателя больше привлекает его судьба, нелегкая судьба человека, сделавшего в юности свой выбор — борьба за счастье людей и определившего свой жизненный путь — служение революции.

Несомненное достоинство третьей книги А. Коптелова — углубление драматизма в воспроизведении единоборства большевиков с аппаратом самодержавия и деспотизма. Это позволяет представить себе всю трудность революционной деятельности Ленина и его соратников.

Создавая трилогию о В. И. Ленине, А. Коптелов использовал такую жанровую систему, в которой соединилась манера историка-исследователя и писателя, перевоплощающего факты в художественное повествование. Оказавшись перед выбором: строгая документальность или синтез истории и художественного вымысла, он предпочел последнее. Исследовательский характер и созвучие нашей эпохе определяют суть его произведений о В. И. Ленине. При этом писатель опирался на прекрасное знание материала, с большой точностью следовал внутренней логике характера великой исторической личности и позволял себе поэтический домысел лишь в рамках того, что находилось в строгом соответствии с правдой истории. Коптелов счастливо избежал беллетризации исторических фактов, схематизма, неубедительности домыслов.

В романах Коптелова искусство и публицистика органично сливаются в единое целое. Публицистические приемы здесь разнообразны: это и примечания в подстрочнике, и авторские ремарки, и пояснение-комментарий, и голос повествователя, непосредственно врывающийся в текст как выражение открытой авторской позиции, когда писатель связывает изображаемые исторические события не только с прошлым, но и с будущим, рассматривая их в перспективе. Созвучие трилогии А. Л. Коптелова о В. И. Ленине нашей героической современности проявилось в тех идеях гражданской активности и революционной нравственности, которые писатель черпает в революционном прошлом, истории нашей партии и государства.

Обычно произведения о великой или значительной исторической личности естественно оформляются в жанр историко-биографический. Однако романы А. Л. Коптелова — это произведения не только о В. И. Ленине, но и его времени, о партии, борьбе масс, революционной мысли эпохи. Их следовало бы рассматривать как цикл историко-революционных романов. Однако сам писатель называет свои романы политическими и настаивает на этом термине. В этом есть определенный смысл. Действительно, в романах А. Л. Коптелова воссоздается революционная обстановка эпохи, решаются актуальные политические проблемы времени создания коммунистической партии. Произведения А. Л. Коптелова жгуче современны, ведь жизнь и дело великого вождя революции, сила его нравственного примера, правда тех лет — нужны нам сегодня.

Трилогия А. Л. Коптелова о Ленине — важный этап в освоении ленинской темы, и мимо творческого опыта сибирского писателя не сможет теперь пройти ни один художник, решивший внести свой вклад в советскую ленинскую литературу.

К числу общих фундаментальных свойств языка и его элементов справедливо относят субстанциональность, дискретность, линейность, неоднородность, воспроизводимость и иерархичность¹⁰. Свойством всех элементов языка является также, по-видимому, цельность, хотя этот признак обычно приписывается лишь слову.

Чтобы быть доступным восприятию, языковой элемент должен быть — на уровне речи — конкретно-материальным образованием, должен иметь признак субстанциональности.

Дискретность (прерывность, членораздельность) языка заключается в том, что он представляет собой не сплошную аморфную массу, а некоторое множество отделенных друг от друга элементов. Дискретность элемента — это его выделяемость в качестве самостоятельного объекта¹¹. Дискретность иначе называют вычленимостью, выделяемостью, отдельностью, непересекаемостью, неключаемостью.

Линейность элементов языка заключается в том, что они «представляют собой протяженность и эта протяженность лежит в одном измерении: это линия»¹². С признаком линейности связана невозможность «произнесения двух элементов одновременно... Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи»¹³. «Линейность есть форма существования элементов языка и форма функционирования языка (образование конкретных систем из дискретных элементов)»¹⁴. Соссюр полагал, что этот принцип определяет весь механизм языка.

Неоднородность — это разнотипность, разнокачественность элементов языка. «Неоднородность элементов и неоднородность образованных из них классов обуславливают возможность построения сложных речевых цепей, создают благоприятные возможности для комбинаторики и построения различных речевых образований»¹⁵.

Необходимым признаком элемента любой знаковой системы, а значит, и языка, является воспроизводимость. Воспроизводимость — это регулярное использование в речи элемента, не создаваемого в процессе говорения, а извлекаемого из памяти как нечто готовое, заранее данное. «Воспроизводимость слова, — и вообще любой единицы или составной части языка, — подчеркивает А. И. Смирницкий, — является необходимым условием существования и функционирования языка как средства общения...»¹⁶.

Иерархичность — это свойство системы, включающей элементы разных рангов, образования разной сложности. Иерархичность языка заключается в том, что менее сложные языковые объекты входят в состав более сложных; при этом каждый менее сложный объект способен выступать как предельно простой случай более сложного объекта¹⁷. Иерархичность языка определяет безостаточную членимость любого языкового образования: каждая морфема без остатка делится на фонемы, каждое слово без остатка делится на морфемы, каждое предложение без остатка делится на слова.

Цельность (или неделимость) элемента языка толкуется в «Словаре лингвистических терминов» следующим образом: неделимость —

«критерий, позволяющий отличать слово (как не допускающее вставки между его частями) от синтагмы»¹⁸; неделимый — «не поддающийся разложению на составляющие части без потери данного качества»¹⁹.

Перечисленные признаки элемента языка уже на этом шаге анализа позволяют определить лингвистический статус дифференциально-го признака фонемы, предложения и словосочетания.

Как известно, некоторые ученые (Н. С. Трубецкой, Р. О. Jakobson, Б. Малмберг, В. В. Иванов и др.) мельчайшим элементом языка считают дифференциальный признак фонемы. Однако он не обладает сам по себе²⁰, отдельно от фонемы, из которой его вычленил лингвист-теоретик, и не имеет статуса элемента²¹. Дифференциальный признак фонемы — это не особый элемент языка а свойство, признак элемента — фонемы.

С другой стороны, предложение и словосочетание не обладают признаком воспроизводимости и уже по одной этой причине не могут быть отнесены к единицам языка. Ниже мы рассмотрим эти образования более подробно. Таким образом, в поисках единицы языка нам предстоит проанализировать природу фонемы, морфемы и слова (а также фразеологизма).

«Язык есть непосредственная действительность мысли»²², язык — это знаковая система, несущая информацию. Иначе говоря, язык двусторонен: он имеет форму и содержание. Признак двусторонности должен быть свойствен и единице языка.

Хорошо известно, что признак двусторонности свойствен морфеме и слову (а также фразеологизму), но не свойствен фонеме. Фонема не имеет значения (понятийного содержания) и является кратчайшим, далее линейно неделимым элементом языковой материи, используемым для складывания и различения звуковых оболочек морфем и слов, т. е. выполняющим конститутивную и дифференциальную функцию.

Теперь нам остается сделать выбор между морфемой и словом.

Важнейшая функция языка — номинативная. Номинативную функцию должна выполнять и единица языка. Если выполнять номинативную функцию значит обозначать отдельный предмет (класс однородных предметов) и выражать понятие об этом предмете²³, то номинативная функция свойственна слову, но не свойственна морфеме.

Морфема не обозначает отдельный предмет и не выражает понятие. «Значения морфем, — пишет В. М. Солнцев, — ассоциативны, т. е. морфемы не выражают отдельных понятий, но указывают на некоторую значимую или понятийную область»²⁴. «Приняв иную и весьма распространенную точку зрения, согласно которой морфема выражает понятие, мы будем вынуждены принять также и вытекающий отсюда вывод о том, что в синтагматическом ряду морфологически членимое слово выражает сразу несколько понятий»²⁵. Если слово связано с мышлением непосредственно, то отношение морфемы к мысли опосредуется словом. В связи с этим значение морфемы в акте речи не выступает на уровне осознания, а «носит как бы рефлекторный характер»²⁶.

¹⁸ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 256.

¹⁹ Там же, с. 257.

²⁰ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 130.

²¹ См.: Солнцев В. М. Указ. соч., с. 189.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 448.

²³ См.: Солнцев В. М. Указ. соч., с. 256.

²⁴ Там же, с. 177.

²⁵ Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 6.

²⁶ Там же, с. 9.

¹⁰ См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 100—103; Солнцев В. М. Язык как системное образование. М., 1977, с. 62; Смирницкий А. И. Указ. соч., с. 35; Моисеев А. И. Интеграция языковых единиц. — *Językoznawstwo*, 1973, z. 4, s. 115.

¹¹ См.: Харченко Н. П. Существует ли языковая единица более высокого порядка, чем предложение? — В кн.: Спорные вопросы синтаксиса. М., 1974, с. 218.

¹² Солнцев В. М. Указ. соч., с. 61.

¹³ Соссюр Ф. де. Указ. соч., с. 155.

¹⁴ Солнцев В. М. Указ. соч., с. 62.

¹⁵ Там же, с. 53—54.

¹⁶ Смирницкий А. И. Указ. соч., с. 35.

¹⁷ См.: Солнцев В. М. Указ. соч., с. 62—63.

Не выполняя номинативную функцию, морфема — вследствие этого — не обладает признаком самостоятельности, т. е. не допускает изолированного употребления. Коммуникативная деятельность протекает на уровне слов, а не на уровне морфем. Изолированное рассмотрение морфемы «есть уже продукт известной мыслительной деятельности, известного абстрагирования»²⁷.

Морфемы играют в языке роль сырого материала, используемого для расширения инвентаря единиц языка — слов. С функциональной точки зрения они близки к фонемам²⁸. Итак, не обладая признаками номинативности и самостоятельности, морфема не может претендовать на статус единицы языка.

Ясно, что единицей языка в строгом смысле этого термина является слово, обладающее всем набором перечисленных признаков. Взгляд на слово как на основную единицу языка является в современном (особенно отечественном) языкознании господствующим. Его придерживались и придерживаются В. Гумбольдт, Б. де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Ф. П. Филин, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, С. Д. Кацнельсон, Р. А. Будагов, Л. О. Резников, В. М. Солнцев, В. З. Панфилов, П. В. Чесноков, К. А. Левковская, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев, Г. А. Климов, П. Я. Скорик, Э. М. Медникова и многие другие ученые.

Фразеологизм занимает в языке место между словом и синтаксическим словосочетанием. С содержательной и функциональной (синтаксической) точек зрения фразеологизм (сращение и единство) подобен слову, с фонетической и морфологической точек зрения — синтаксическому (свободному) словосочетанию. Поскольку содержательный и функциональный признаки являются ведущими, фразеологизм оказывается ближе к слову.

Анализируя признаки элемента, языка и не обнаружив у предложения и словосочетания признака воспроизводимости, мы уже сделали вывод, что предложение и словосочетание не могут быть отнесены к единицам языка. Аргументируем этот тезис более подробно.

Итак, предложению не свойствен такой важнейший признак языка и его элементов, как воспроизводимость. Предложения (например: «Море смеялось», «А счастье было так близко, так возможно» и подоб.) не существуют в языке, не извлекаются из памяти как цельные, готовые образования, а возникают в речи, строятся говорящим с целью оформления и передачи той или иной конкретной мысли. «...Конкретные предложения, — пишет А. И. Смирницкий, — являются как таковые, как целые вообще единицами речи, а не единицами языка, так как они представляют собой более или менее законченные и самостоятельные речевые произведения»²⁹. «В грамматический строй языка входят не конкретные предложения, а закономерности образования предложений...»³⁰. Не будучи единицей языка, предложение вместе с тем является важнейшим объектом лингвистического исследования³¹.

²⁷ Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, с. 81. См. также: Резников Л. О. Понятие и слово. Л., 1958, с. 54; Смирницкий А. И. Лексикология английского языка, с. 21.

²⁸ См.: Климов Г. А. Фонема и морфема. К проблеме лингвистических единиц. М., 1967, с. 30.

²⁹ Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954, с. 18. См. также: Солнцев В. М. Указ. соч., с. 212; Он же. О понятии уровня языковой системы. — Вопросы языкознания, 1972, № 3, с. 17.

³⁰ Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 12.

³¹ См.: Смирницкий А. И. Лексикология английского языка, с. 15.

«Все отдельные составные части предложения... являются теми или другими единицами языка... Но организованная в данное конкретное предложение совокупность всех единиц языка, использованных в этом предложении, как целое уже выходит за пределы языка и не является его единицей, хотя бы и особого, высшего порядка»³². «...Предложение, — замечает Э. Бенвенист, — содержит знаки, но само не является знаком»³³.

Опираясь на понятие воспроизводимости единицы языка, следует помнить, что имеется в виду воспроизводимость единицы, взятой в целом³⁴, а не воспроизводимость какой-либо ее стороны или аспекта. Единица воспроизводится как величина целостная, глобальная. Например, когда говорят о воспроизводимости слова, имеют в виду, не лом — как единства содержания и формы. С этой точки зрения предложение действительно не обладает признаком воспроизводимости.

К сказанному можно добавить следующее. «Фонемы, морфемы, слова (лексемы) могут быть пересчитаны. Их число конечно. Число предложений бесконечно»³⁵.

Язык есть система знаков, несущая значения. Носителем значения должна быть и его единица. Такой единицей является слово. Предложение же имеет не значение, принадлежащее языку, а смысл возникающий в речи и находящийся за пределами языка³⁶. Если бы предложения были готовыми единицами языка, то язык вместил бы в себя всю совокупность человеческих знаний. Смысл предложения строится из значений слов, т. е. представляет собой комбинацию значений, а само предложение — комбинацию слов.

Известно, что единственным организующим принципом сигнальных систем животных и многих искусственных знаковых систем является отбор элементов, тогда как организующими принципами языка являются отбор и сочетание (комбинирование) знаков³⁷. Способность языка к комбинированию знаков и порождению бесконечно разнообразных сообщений и текстов и делает язык могучим орудием мышления.

Таким образом, предложение — это не единица языка, а грамматически оформленная комбинация единиц (слов), характеризующаяся смысловой и интонационной законченностью и выполняющая коммуникативную функцию.

³² Смирницкий А. И. Объективность существования языка, с. 18.

³³ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 139. См. также: Жинкин Н. И. Интеллект, язык и речь. — В кн.: Нарушение речи у дошкольников. М., 1972, с. 15; Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование, с. 145, 212, 317; Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории. М., 1963, с. 122, 123; Маслов Ю. С. Знаковая теория языка. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1967, с. 113; Он же. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? — В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 292; Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. Ростов н/Д., 1966, с. 257.

³⁴ См., например: Харченко Н. П. Указ. соч., с. 218.

³⁵ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 139.

³⁶ См. об этом: Жинкин Н. И. Указ. соч., с. 20—26; Звегинцев В. А. Смысл и значение. — В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973, с. 97; Он же. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, с. 168—169, 176; Домбровский И. Знак и смысл. — Вопросы языкознания, 1973, № 6, с. 22; Бенвенист Э. Указ. соч., с. 81—82; Дашевский Ф. Р., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 13; Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование, с. 64.

³⁷ См.: Булыгина Т. В. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования. Материалы к конф. «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967, с. 6; Жинкин Н. И. Указ. соч., с. 12; Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование, с. 267 и далее.

Признака воспроизводимости лишено и синтаксическое словосочетание. В отличие от слова и фразеологизма, оно не извлекается из памяти, а возникает в процессе порождения предложения. Вряд ли кто-нибудь решился бы утверждать, что в современный русский язык на правах его единиц входят такие словосочетания, как: *сходить отцу за папиросами, ночью переписывать к экзамену сочинение с черновика на беловик, мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком и т. п.*³⁸

Если бы мы приписали словосочетанию статус единицы языка, то в состав языка «оказалось бы включенным вообще все то, что высказано и высказывается»³⁹. Но такое понимание языка противоречит пониманию его в качестве средства, или орудия, человеческого общения: средство никак нельзя смешивать с тем, что им создается, что производится путем его применения»⁴⁰.

Синтаксическое словосочетание, в отличие от слова и фразеологизма, лишено признака цельности (неделимости): оно допускает разложение на составные части без потери данного качества. Признак раздельности проявляется в словосочетании на семантическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Если фразеологизм имеет одно значение, то в словосочетании столько значений, сколько в нем слов. Каждый компонент словосочетания (каждое слово) имеет самостоятельное лексическое значение и обозначает отдельную реалию, т. е. выполняет номинативную функцию. Это становится особенно очевидным при сравнении синтаксического словосочетания с фразеологическим: *утку съел — собаку съел, закинул удочку — закинул удочку*. Цельность номинации свойственна фразеологизму и не свойственна синтаксическому словосочетанию.

Семантическая раздельность словосочетания влечет за собой фонетическую, морфологическую и синтаксическую раздельность. Если помнить, что синтаксическое качество — это быть членом предложения, то легко понять, что синтаксическое качество имеет не словосочетание в целом, а каждый его компонент (каждое слово) в отдельности. Например, словосочетание *любуюсь цветком* состоит из двух слов (словоформ), каждое из которых выполняет синтаксическую функцию, является самостоятельным членом предложения (если только это словосочетание извлечено из предложения): словоформа *любуюсь* выполняет (может выполнять) функцию сказуемого, а словоформа *цветком* — функцию дополнения. Что же касается этого словосочетания в целом, то оно не является самостоятельным членом предложения и не имеет собственного синтаксического качества.

С содержательной и формальной раздельностью синтаксического словосочетания связана непредсказуемость его второго компонента: если в фразеологических словосочетаниях предсказуемость второго компонента равна 100% (*притча + во языцех*) или приближается к этой цифре, то в синтаксических словосочетаниях предсказуемость равна 0% (*вижу + 1, 2, 3...n*) или приближается к этой цифре⁴¹. Иначе говоря, между компонентами синтаксического словосочетания су-

³⁸ Примеры взяты из «Грамматики современного русского литературного языка». М., 1970, с. 538—540. «В самом деле, можно ли считать, — пишет А. И. Моисеев, — что в сознании говорящих по-русски есть понятие «покупать капусту» в отличие от понятия «покупать свеклу»...», понятие «покупать свежую капусту» в отличие от понятия «покупать квашеную капусту», понятие «пойти в лес» и понятие «идти из лесу»...?» См.: Моисеев А. И. Некоторые вопросы теории словосочетаний. — Филологические науки, 1977, № 2, с. 56.

³⁹ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка, с. 15.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Медникова Э. М. Разграничение понятий «свободное сочетание», «фразеологическая единица», «аналитическая единица». — В кн.: Проблемы анализа в лексике, вып. 1. Минск, 1967, с. 95.

ществуют отношения свободного выбора, в связи с чем синтаксические словосочетания нередко называют свободными (или продуктивными).

Итак, словосочетание — это не единица языка, а комбинация, сочетание единиц (слов). Объектом синтаксиса являются не словосочетания как таковые, а правила (законы, способы) сочетания слов в процессе порождения предложения⁴². «Единственное, ради чего стоит ими заниматься, — пишет В. А. Звегинцев, — это выявление грамматических связей слов, с помощью которых из слов строится предложение»⁴³. Словосочетания — это материал для изучения сочетаемости (валентности)⁴⁴.

Подведем некоторые итоги.

К числу конституирующих признаков единицы языка мы отнесли субстанциональность, дискретность, линейность, неоднородность, воспроизводимость, иерархичность, цельность, двусторонность, номинативность и самостоятельность. Всем набором этих признаков обладает лишь слово (а также часть фразеологических оборотов). Слово и явморфема имеют статус элементов, а предложение и словосочетание представляют собой комбинации единиц — слов. Слово выполняет номинативную функцию, а комбинация слов, выражающая законченную мысль, — функцию коммуникативную.

Новосибирский
государственный педагогический институт

⁴² «...Объектом синтаксиса является комбинаторика слов, в процессе осуществления которой и возникает речь», — пишет В. М. Солнцев. (Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование, с. 289).

⁴³ Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, с. 132. См. также: Арутюнова Н. Д. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке. — Филологические науки, 1962, № 2, с. 33; Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973, с. 12; Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974, с. 89.

⁴⁴ См.: Фоменко Ю. В. Является ли словосочетание единицей языка? — Филологические науки, 1975, № 6, с. 60—65; Он же. Проблема словосочетания с позиций учения о единицах языка. — Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, т. 172. Русский синтаксис. Воронеж, 1976, с. 13—16.

в первом оно выражено наречием *аят* 'хорошо', обладающим конкретным содержанием, а во втором — местоимением *он* 'как', которое содержит лишь указание на образ действия, не конкретизируя его. Очевидно, что в этом местоимении кодируется тот элемент содержания придаточной части, который или неизвестен, или представляется наиболее важным. Таким образом, значение и конституирующая функция относительных слов проявляются в рассматриваемых конструкциях не в отношении между частями сложноподчиненного предложения, а только внутри придаточной части. Их употребление вызывается необходимостью обозначить в придаточном то, что неизвестно, или сосредоточить внимание на известном.

Употребление относительных слов в сложноподчиненных предложениях этого типа ограничивается некоторыми закономерностями. Обычно они встречаются в таких конструкциях, у которых форма зависимого сказуемого имеет наиболее абстрактное значение. Такими являются прежде всего формы винительного и именительного падежей причастия в придаточных дополнительных и подлежащих³. Как в тех, так и в других предложениях в роли сказуемого главной части употребляются лишь переходные глаголы, обозначающие акт мысли, речи, восприятия. При придаточных дополнительных эти глаголы имеют форму нестрадательного залога любого лица в соответствии с подлежащим главной части. Например: *Тар илэ иснаван эчэлбун сара*. 'Куда он девался, мы не знаем'. *Де, эр биденэл, авахил атаманы он некэдеривэн сипкитнэл бидерэ*. 'Находясь там, они незаметно наблюдали затем, что делает атаман авахов'. *Эр Умусликэн, болгоксокон, сон, оно, сон, оно, или н, энэнэвэн муиктэллэн*. Умусликэн, расстроившись, со слезами начал высматривать, куда она ушла'.

При придаточном подлежащем сказуемое главной части выражается глаголом той же семантики, но всегда только в форме 3 лица страдательного залога. Форма 3 лица вызвана необходимостью координации сказуемого с подлежащим-предикативной единицей. Страдательный залог указывает, что придаточное подлежащее представляет собой объект действия, выраженного сказуемым главной части. Например: *Эр самахик тэтылин иду-дэ бихин эхин ичэврэ*. 'Где ее шаманская одежда, не видно было'. *Эр амардукин нюрин илэ-дэ иснан эхин савра*. 'Куда долетела стрела, неизвестно'. *Тар таниксэ, мэчикки чагидалан иллакин, бэе бихин или-дэ эвки ичэврэ*. 'Когда, вытащив мяч, встал за ним, не видно было, где находится человек'.

Конструкции с придаточными дополнительными и подлежащими чаще употребляются без относительных слов. От описанных выше предложений с относительными словами они отличаются рядом формальных и семантических признаков. Так, если зависимое сказуемое выражено переходным глаголом, не имеющим при себе прямого дополнения, то это сказуемое обозначает не процесс действия, а его результат, объект. При этом управляющий глагол главной части может иметь любое значение, в том числе значение конкретного действия, направленного на вещественный объект. Например: *Ичэнэви, долдынави, санэвиулгучэкэл*. 'Расскажи, что видела, что слышала, что узнала'. *Торганэй, нэкэкэн, гуннэвэс дялулкидянав*. 'Торганэй, братец, то, что ты мне сказал, исполню'. *Тарит, тавар би ананалав ихивракис, сунду элэкин надавахун дялувдианатын*. 'Если довезешь все, что я тебе завещала, в целости, то это достаточно обеспечит вас'. Как видно из приведенных примеров, в эвенкийском языке для указания на неизвестный объект внутри при-

даточного дополнительного нет необходимости использовать относительное слово *экун* 'что'.

Однако встречаются единичные предложения, в которых это местоимение выполняет функцию прямого дополнения внутри придаточной части в старину'. *Мэнды экун эеттывэс бун, нэм*. 'Отдам тебе все, что ты сам себя значение объекта, оставляя сказуемому только процессуальное точное дополнительное в эвенкийском языке не принято. Присутствие небольшого числа таких предложений в исследованных текстах объясняется влиянием русского языка.

То, что в предложениях рассматриваемого типа относительные слова не участвуют в выражении зависимости придаточного от главного, а проявляют свое значение только внутри придаточного, позволяет им сохранить свое исконное вопросительное значение. Вопрос, обозначенный относительным словом, направлен на определенную часть содержания придаточного и не распространяется на все предложение в целом. Например: *Си тар ахаканма экун ухава онадукин ахактанни?* 'За какое зло ты преследуешь эту девушку? (Букв. ... потому что она какое зло сделала?)' Здесь придаточное и главное связаны причинно-следственными отношениями, выраженными формой отложительного падежа зависимого сказуемого *онадукин* 'потому что сделала'. Местоимение же *экун* обозначает вопрос, относящийся к слову *ухава* 'зло', и не затрагивает главной части. Такова же роль вопросительных местоимений в следующих предложениях: *Ир иду эмэнэвэн ичэнды?* 'Где ты его видела?' (Букв. 'Ты видела, что он где пришел?'). *Иду бихиквун, этэрэ бакара мунэ?* 'Где нам быть, чтобы нас не нашли?' (Букв. 'Нас не найдут, если мы где будем?'). *Хунатпа гаксадыри бэе ир бугаду кинниви балтанаван ичэчэс?* 'В какой стране ты видел, чтобы жених убивал брата невесты?' (Букв. 'Ты видел, что в какой стране...').

2. В предложениях с уступительными придаточными наблюдается иное соотношение местоимений с формой зависимого сказуемого. Сказуемое в таких придаточных выражается деепричастием с суффиксом *-чали* (*-чэли*)⁴. Широко распространены предложения, в которых форма этого деепричастия служит единственным средством выражения синтаксических отношений между придаточным и главным. В таких предложениях выражается общее уступительное значение, т. е. несоответствие содержания главной части тому, что должно было бы следовать из содержания придаточной части: *Улгучэмэттэвэр эетчэлитын, турэтын эвки юрэ*. 'Хотя они и хотят разговаривать, но слова не идут'. *Эхит-тэ эчэлис суруру, илэ-дэ этэм сунтывра*. 'Хоть ты сейчас и не пойдёшь, всё равно никуда от меня не убежишь'. *Кейивчалит-та, митнэ муланды мата эмэчэ*. 'Хоть мы и потерпим поражение, пришел мата, который пожалеет нас'.

В конструкциях с уступительными придаточными употребляются относительные слова, имеющие значение места, времени, степени, образа действия и пр. Однако многообразие значений этих слов сочетается с общим для всех уступительным значением, которое позволяет говорить о наличии в восточных диалектах особых уступительных относительных слов. Они образуются от вопросительных слов посредством прибавления к ним частицы *-да*. В отличие от омонимичных относительных слов, употребляемых в других видах сложноподчиненных предложений с отрицательной главной частью, уступительные слова имеют

³ Относительные слова, не отражающие смысловых отношений между компонентами сложноподчиненного предложения, очень редко употребляются в конструкциях с другими придаточными. Например: *Экунма саритпар эйгэт*. 'Сыграем, как (во что) умеем'.

⁴ Деепричастие с суффиксом *чали* не отмечено исследователями эвенкийского языка, в том числе его восточных диалектов. Между тем изученные материалы свидетельствуют о его довольно широком распространении.

одинаковую форму (с частицей *-да*) независимо от того, выражено ли сказуемое главной части глаголом в утвердительной или отрицательной форме: *Эр нёрчаксал, эр Коколдокон-киннин он-да гарадачалин-олдон-диви эхин тыкрэ*. 'Во время борьбы Коколдокон не падал боком, как бы его тесть ни бросал'. *Эр мэрилэ орон бихэмдэ, сенми сэргэлигчэнэ, сэргэлигчэнэ, иччин он-да илбэчэлин, энэ олухуйда угунн, адяран-ивит*. 'Пёстрый олень поднял оба уха и упёрся, не двигаясь, как бы ни подготавливал его хозяин'. В первом предложении местоимение *он-да* 'как ни' сочетается с отрицательной главной частью, во втором — с утвердительной.

Таким образом, предложения с уступительными придаточными характеризуются специфическим распределением значений между относительным словом и формой зависимого сказуемого. Уступительные местоимения участвуют в выражении синтаксической зависимости придаточного от главного, осложняя общее уступительное значение, выраженное формой деепричастия на *-чали*, своим конкретным, частным, но тоже уступительным значением.

Примеры: *Би иду-дэ бучэлиг-дэ, сон, ори ачин*. 'Где бы я ни умер, плача по мне не будет'. *Ахун-да горо бичэлин, этэм н, элэрэ*. 'Я не испугаюсь, как бы ни была она далека'. *Он-да хэлинчэчэлис, би мата-бэе бихим, дон, ор удывас тон, суйири*. 'Как бы ты ни торопилась, я — мата-человек, по твоему свежему следу следующий'.

3. Особый тип соотношения местоимений с формой зависимого сказуемого представлен в конструкциях с условно-временными деепричастиями. В них относительные слова вызывают переосмысление условных отношений выраженных деепричастием. В результате изменяется содержание предложения: условная зависимость заменяется уступительной. Относительные слова являются в этих предложениях единственным средством выражения семантической зависимости придаточной части от главной; деепричастие же способствует лишь оформлению сложноподчиненного предложения, не выражая реальной семантической соотносительности между его частями. Условное деепричастие может сочетаться как с относительными словами, общими для других видов придаточных, так и с собственно уступительными относительными словами (с обязательной частицей *-да*). Как те, так и другие выражают уступительные отношения.

Примеры: *Экундулин иктэрэкин, самнарин албадяран*. 'Куда бы ни ударил мечом, не может попасть'. *Норсагат, н, и кейякин, тыкэ одян, ан*. 'Давай бороться, кто бы ни победил, по его будет'. *Экун-да бихикин, ичэдэвэн ичэмэлчэктэ*. 'Какой бы он ни был, я немедленно на него посмотрю'. *Ахун-да букатырил бихиктын, экэлдун, элэрэ*. 'Сколько бы ни было богатырей, не бойтесь'.

4. Очень редко встречаются сложноподчиненные предложения, в которых форма зависимого сказуемого, указывающая на отношения между придаточным и главным, предполагает употребление только одного определенного местоимения. В таких предложениях относительное слово не уточняет, не конкретизирует значение глагольной формы, а лишь дублирует его. Например, в предложении: *Си, он аявритни утуетни иктудэкэл*. 'Бей его молотком, как захочешь' — форма творительного падежа причастия *аявритни* 'как захочешь' сама указывает на образ действия, причем выражает это значение с исчерпывающей конкретностью. Употребление местоимения *он* 'как' не способствует большей дифференциации этого значения, а только повторяет его. Местоимение является избыточным, лишним компонентом в структуре сложноподчиненного предложения; наличие его объясняется влиянием русского языка.

Нецелесообразность употребления относительного слова особенно ярко проявляется в тех случаях, когда оно не только не уточняет значение формы зависимого сказуемого, но характеризуется более общим

по сравнению с ней значением. Например: *Эхит синэвэ-дэ атагастари бихикин, би-дэ окин н, эри инэн, ин, ив элдэлэн ичэврэ илдымчэв, гунчэчим*. 'Если бы нашелся кто-нибудь обижаящий тебя, я, думаю, стала бы забивать тебя, пока жива. (Букв. '...пока виден мой ясный день'.) *Хэргу дин иргивэнэн н, элумухидун егин тогурук ан, н, аниду элдан, ки мугдэкэн*. 'Авахи нижней земли, богатыря Сумуёндю за девять лет приговорили стоять в виде обгорелого пня'.

В этих предложениях как деепричастие и причастие (*элдэлэн ичэврэ, балдычадукки*), так и местоимение *окин* 'когда' выражают временные отношения, однако глагольные формы выражают эти отношения более дифференцированно, чем местоимение, имеющее самое общее временное значение.

Наряду с рассмотренными типами сложноподчиненных предложений в эвенкийском языке получили некоторое распространение конструкции, в которых сказуемое придаточной части выражено формами глагольных наклонений (*verbum finitum*). В исследованных текстах встретилось лишь несколько типов таких предложений, не представляющих какой-либо системы и имеющих явно заимствованный характер. В зависимости от того, какую роль играют местоимения в формировании структуры предложения, в осуществлении связи между его частями, эти конструкции могут быть подразделены на два разряда: 1) предложения, в которых лексическое значение местоимений не отражает семантической зависимости придаточного от главного; 2) предложения, в которых значение местоимений определяет характер этой зависимости.

Первый разряд — это предложения с придаточными изъяснительными: *Тардалан экунма гуниттэс, соди тургэнди гукэллу*. 'А сейчас, что собираетесь сказать, говорите быстрее'. *Киливликар иртыкэки бихи, мэнды-дэ санды*. 'Где находятся красавицы, сам знаешь'. *Су дядлдухун он бихин, тара мэрдун сакэлду*. 'Как вы про себя думаете, это вы сами знайте'. Во всех этих предложениях, несмотря на наличие разных относительных слов, выражены тождественные отношения между придаточным и главным. Следовательно, местоимение как конкретная лексическая единица, определенным образом оформленная, не принимает участия в выражении этих отношений: его лексическое значение включается в содержание придаточного, а форма определяется синтаксической позицией внутри придаточного. Вместе с тем относительные слова выступают как такой компонент структуры придаточного, посредством которого оно присоединяется к главному. В этой функции лексическое значение местоимения не реализуется, местоимение выступает как формальный элемент структуры, показатель абстрактных синтаксических отношений. Так, в предложении: *Нун, ан илэ (иртыки, он, окин...) н, энэрэн би сам*. 'Куда (в какую сторону, когда, как...) он пошел, я знаю — тождественные (объектные) отношения между придаточным и главным выражаются тождественным элементом структуры, местоимением, вопреки его конкретному лексическому значению и форме, которые существуют только для самого придаточного как относительно самостоятельной, замкнутой структуры'⁵.

Второй разряд сложноподчиненных предложений с *verbum finitum*

⁵ В работах последнего времени по синтаксису русского языка такие предложения относятся к бессоюзным. См.: Василенко И. А. К вопросу о союзных и бессоюзных предложениях в русском языке. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 47; Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 82. Эта точка зрения является вполне обоснованной, однако вызывает возражение игнорирование роли относительных слов в соединении частей сложного предложения и приписывание им чисто вопросительного значения. См. Белошапкова В. А. Указ. соч., с. 82.

4. В сложноподчиненных предложениях со сказуемым придаточного, выраженным *verbum finitum*, местоимению принадлежит основная роль в выражении синтаксических отношений. Оно может выполнять эту функцию независимо от своего лексического значения, выступая как формальный элемент структуры (в изъяснительных придаточных) или как слово, характеризующееся определенным лексическим значением, посредством которого устанавливается тип семантической зависимости придаточного от главного (в предложениях с обстоятельственными придаточными). Как тот, так и (в особенности) другой тип, представляют собой кальку соответствующих структур русских сложноподчиненных предложений.

Иркутский
государственный педагогический институт

в роли сказуемого придаточной части представлен конструкциями с различными обстоятельственными (пространственными, образа действия, временными) отношениями. Роль местоимения в таких предложениях не сводится к формальному присоединению придаточного к главному, а проявляется также в установлении смысловых отношений между ними. Предложения этого типа весьма немногочисленны, чаще других встречаются конструкции, выражающие пространственные отношения. Связь между предикативными единицами осуществляется посредством закономерного сочетания коррелятивных относительных и указательных местоимений, из которых первые представляют придаточное, а вторые — главное. Падежная форма и выраженный ею оттенок пространственных отношений у относительных и указательных местоимений определяются лексическими и грамматическими свойствами опорных слов, находящихся для относительных местоимений в придаточном предложении, а для указательных — в главном. Так, в предложении *Иду хунат бихин, тала исчан, ав*. 'Доберусь туда, где находится девушка', — форма дательного падежа местоимения *иду* 'где' обусловлена лексическим значением и валентностью глагола *бихин* 'находится', обозначающего статичное и, следовательно, лишенное направленности действие. Форма же местного падежа соотносительного слова *тала* 'туда' определяется свойствами глагола *исчан, ав* 'дойду', обозначающего движение, направленное в определенную сторону.

Более тесной является синтаксическая связь в том случае, когда глаголы в главной и придаточной части характеризуются одинаковыми лексико-грамматическими признаками, обуславливающими одинаковую форму относительных и соотносительных слов. Последние в таких предложениях могут опускаться. Например: *Иртыкэй нэнэчэн Тамнани акинми, таргыкай нэн, никэл октово*. 'Куда ушел мой брат Тамнани, туда покажи и мне дорогу'. *Дюлэс иртыкэй бихин, таргыкай нэнэхиндем*. 'В какую сторону обращена твоя голова, в такую сторону и поеду'. *Би нэнэм, иртыки дюлгидэв одан-да*. 'Я пошел, куда глаза глядят'. (В последнем предложении указательное местоимение опущено).

Такая структура сложноподчиненного предложения для эвенкийского языка нетипична. Различные обстоятельственные значения выражаются в нем обычно формой зависимого сказуемого. Этот способ, благодаря имеющемуся в эвенкийском языке набору падежных суффиксов и деепричастных формативов, обеспечивает точное выражение любого оттенка семантических отношений. Рассмотренная же структура представляет собой кальку с соответствующего (местоименно-соотносительного) типа сложноподчиненных предложений русского языка.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Относительные местоимения играют значительную роль в структуре эвенкийского сложноподчиненного предложения, что в большой степени объясняется влиянием русского языка.
2. Относительные местоимения употребляются в придаточных со сказуемым, выраженным как причастием и деепричастием, так и *verbum finitum*. В формировании конструкций того и другого типа они играют различную роль.
3. В сочетании с причастием и деепричастием местоимение может:
а) не участвовать в выражении синтаксических отношений (чаще всего в придаточных дополнительных и подлежащих), б) уточнять значение глагольной формы (в придаточных уступительных), в) выражать характер семантической зависимости, оставляя глагольной форме роль формального показателя синтаксических отношений (в сочетаниях с условным деепричастием), г) дублировать значение глагольной формы (в предложениях с придаточным времени).

С. И. РУДЯК

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ КАК СРЕДСТВО КОРРЕЛЯТИВНОГО УКАЗАНИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Существующие в настоящее время определения соотносительных слов разноречивы по одному весьма важному пункту. Согласно одним источникам, соотносительные слова — это указательные местоимения¹, согласно другим, — неопределенные указательные и местоименные слова². И, наконец, существует третья точка зрения, согласно которой соотносительные слова не являются местоимениями³ и, более того, их следует выделить в самостоятельную часть речи⁴.

Вопрос о том, какая из этих точек зрения справедлива, является, на наш взгляд, принципиальным и важным. Действительно, выделение соотносительных слов в отдельную часть речи, несомненно, будет иметь далеко идущие последствия для всей грамматики в целом. Если же соотносительные слова все же местоимения, то это будет иметь большое значение для решения лексикологической проблемы положения местоимений в системе частей речи, поскольку до сих пор при ее решении обычно не принимались во внимание синтаксические функции местоимений ни в рамках сложноподчиненного предложения, ни в рамках связного текста. Исключение составляют работы⁵, в которых учитывалась и анафорическая функция указательных местоимений.

В настоящей заметке сделана попытка ответить на вопрос о статусе соотносительных слов. С этой целью мы исследовали функционирование указательных местоимений *тот, такой, этот* в рамках сложноподчиненного предложения и в тексте в целом, так как именно эти местоимения являются ядром соотносительных слов.

Связь придаточной и главной части сложного предложения представляет собой связь особого рода, в ее основе «лежит установление частичного совпадения семантического наполнения предикативных единиц, объединяемых в сложное предложение»⁶. Актуализируется эта связь

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 684; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, с. 446; Креленштейн Н. С. О природе коррелятивной функции в сложноподчиненном предложении. — В кн.: Вопросы романо-германской филологии. Уч. зап. 1-го МГПИ, т. XX, 1. М., 1961, с. 26.

² Ильенко С. Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Докт. дис. Л., 1968, с. 111.

³ Кодухов В. И. Указательные местоимения и корреляты. — В кн.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, XIX герценовские чтения. Л., 1966. 30—33 с.

⁴ Юлдашева К. Д. Роль соотносительных слов в сложноподчиненных предложениях русского языка. Канд. дис. Ташкент, 1969, с. 137—140.

⁵ Черемисина М. И. О лексико-грамматическом статусе местоимений. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. вып. IV, Новосибирск, 1975, с. 41—71. Рудяк С. И. О специфике местоимений как отдельной части речи на примере указательного местоимения «такой». — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. VII, Новосибирск, 1978, с. 74—81.

⁶ Белошанкова В. А. Современный русский язык, Синтаксис. М., 1977. 247 с.

с помощью коррелятивного указания. Коррелятивным мы называем указание, осуществляемое в рамках сложноподчиненного предложения анафорическими или эпифорическими элементами, принадлежащими разным предикативным единицам. При этом в позицию анафорических элементов переносится вся или часть семантики предшествующей предикативной единицы, а эпифорические элементы семантически наполняются последующей предикативной единицей.

Как видно из определения, возможны различные варианты структурной реализации коррелятивного указания. Наиболее распространенной является ситуация, когда в главной части имеется эпифорический элемент. Это наблюдается при препозиции главной части. Например: *Сейчас немцы обрели ТАКУЮ возможность, КАКОЙ они никогда не имели прежде* (С. Дангулов). В придаточной части анафорический элемент может либо присутствовать, как это имело место в предыдущем примере, где в функции анафорического элемента выступает союзное слово *какой*, либо отсутствовать. Сначала я почувствовал ТАКОЕ разочарование, что готов был заплакать (В. Катаев). Придаточную часть здесь вводит союз *что*, который не является анафорическим элементом.

В случае, если главная часть стоит в постпозиции по отношению к придаточной, эпифорический элемент находится в придаточной части, а главная часть содержит, как правило, анафорический элемент. *КТО не с нами, ТОТ наш враг*.

Наконец, в главной части часто отсутствует анафорический (при ее постпозиции) либо эпифорический элемент (при ее препозиции). В таких случаях связь двух предикативных единиц сложноподчиненного предложения осуществляется эпифорическим или анафорическим (в зависимости от ее позиции) элементом придаточной части. Например: *...это было в ...старом сибирском городе, ГДЕ они жили с тех пор, как отец вышел в отставку* (Л. Соболев).

Эпифорические или анафорические элементы главной части как раз и принято называть соотносительными словами. Таким образом, соотносительные слова — важнейшее средство связи двух предикативных единиц сложноподчиненного предложения.

Использование того или иного варианта коррелятивного указания фактически определяет различные типы связей между предикативными единицами сложного предложения. В том случае, когда в главной части эпифорический (или анафорический) элемент⁷ отсутствует, реализуется односторонняя подчинительная связь, и мы имеем дело с собственно сложноподчиненным предложением. Например: *Незадолго до революции корабль, на котором он плавал, подвергся обстрелу немецких судов* (А. Новиков-Прибой).

Используемый в подобных случаях вариант коррелятивного указания фактически является указанием анафорическим со специфическим указательным минимумом, в роли которого выступает вся главная часть или ее элементы. В сложных предложениях с соотносительным словом или ее элементами. В сложных предложениях с соотносительным словом в главной части между главной и придаточной частями существует специфическая связь, когда не только придаточная часть зависит от главной, но и главная, в свою очередь, зависит от придаточной. Формально зависимость главной части от придаточной как раз и выражается наличием соотносительного слова. *ТАКОЕ впечатление, что за своей толстой... дверью человек разгадывает тайны* (С. Дангулов). Предложения такого типа образуют особую группу сложных предложений.

Кроме того что соотносительные слова являются важнейшим средством связи, они могут вносить дополнительное значение в общее значение сложноподчиненного предложения, указывая на высокую степень

⁷ Случаи, когда придаточная часть находится в препозиции, а в главной части отсутствует анафорический элемент, очень редки.

качества, признака. Например: ...все горцы вдруг закричали друг на друга с **ТАКОЙ** яростью, что казалось вот-вот начнется резня (К. Паустовский).

Соотносительные слова могут иметь не только усилительно-количественное, но и качественно-характеристическое значение, подчеркивающее качественное своеобразие данного предмета, явления. У них, оказывается, **ТАКОЙ** порядок, что сок сдавать надо обязательно натошак (А. и Б. Стругацкие). Он был храбрым человеком, но уже по первому ранению знал за собою **ТАКУЮ** неприятность, что плохо переносит боль (К. Симонов).

Чрезвычайно интересно и важно, что соотносительные слова, являясь средством организации сложноподчиненного предложения, могут одновременно участвовать и в организации текста в целом⁸. Например, уехал завод в город Миасс... Есть, говорят такой город в Челябинской области... А где точнее ...по карте искал, искал, так и не нашел... Коренной завод наш, московский, в **ТАКУЮ** дыру закинуло, что даже на карте ее нету... (К. Симонов). Произошло то, чего меньше всего можно было ожидать. Когда двадцать шестой полк двинулся за охотниками..., слева во фланг и тыл ударили два японских полка (А. Степанов).

Распространенность подобных примеров достаточно высока, свыше 14% в выборке с соотносительным словом такой и около 26% — с соотносительным словом тот.

Указание, не связанное с организацией сложноподчиненного предложения, может реализовываться как внутри главной части (и служит тогда, как правило, для уточнения уже названного предмета или признака), так и вне данного сложного предложения (при анафорическом указании). Причем, разнесенность указательного минимума и соотносительного слова в последнем случае может достигать предложения, абзаца, нескольких абзацев.

Особенно интересно, что коррелятивное указание нередко оказывается факультативным, поскольку в придаточной части дается лишь оценка ситуации, объекта, так что элиминация придаточной части не нарушает связности текста. Например, Нередко фраза, только что записанная в дневник, адресовалась брату, и фраза, сказанная брату, перекочевывала в дневник. Илья уже готовился произвести одну из **ТАКИХ** фраз, которые были призваны сразить Репнина младшего, ...когда Николай Алексеевич сообщил (С. Дангулов).

Как совершенно справедливо отмечает В. А. Белошапкова⁹, корреляционная связь не имеет аналога на уровне связей в словосочетании и простом предложении. Это, однако не означает, что корреляционная связь не имеет аналога среди синтаксических связей других типов. Так, уже при первом знакомстве с корреляционной связью четко прослеживается аналогия с эпифорической или анафорической связью, реализуемой указательными местоимениями. Более того, сравнение этих двух типов связей убеждает нас в том, что корреляционная связь является частным случаем эпифорической и/или анафорической. Нет никаких позитивных доводов, противоречащих этому положению.

К такому выводу мы приходим при изучении механизмов, осуществляющих соответствующие типы связей: коррелятивного и эпифорического и/или анафорического. Мы уже отмечали, что при отсутствии соотносительного слова коррелятивное указание является фактически анафорическим, а в случае препозиции придаточной части эпифорическим

указанием. Нет, Фиалкову все же более милы были маленькие уютные домишки... с распахнутыми настежь окнами, в **КОТОРЫЕ** бьются зелено-белые волны черемух (В. Ермолова). Если же соотносительное слово присутствует, а в придаточной части нет анафорического или эпифорического элементов, мы также имеем дело с обычным анафорическим или эпифорическим указанием. Беда в **ТОМ**, что ты лезешь не в свои дела (Д. Гранин).

С несколько более сложной ситуацией мы сталкиваемся тогда, когда в главной части присутствует соотносительное слово, а в придаточной — анафорический (эпифорический) элемент. Я не имею возможности сообщить о **ТОМ**, **КОГДА** будет получен от правительства ответ (Л. Безыменский). **КТО** не устоял, поддался их натиску, **ТОТ** уже потом на теплоходе с горестью или со смехом обнаруживал расплывшиеся швы, дырки...» (С. Утченко). Коррелятивное указание в подобных примерах сложное, оно является результатом интерференции двух указаний, реализуемых соответственно соотносительным и союзным словами. Подчеркнем, однако, что указание, реализуемое соотносительным словом, все также является либо эпифорическим, либо анафорическим.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, является ли соотносительное слово местоимением или нет, необходимо, очевидно, выяснить, совпадают ли у соотносительных слов и указательных местоимений лексическое значение и синтаксические функции. Удачную, на наш взгляд, структуру лексического значения слова дает К. А. Тимофеев¹⁰. Он включает в нее вещественное денотативное, словообразовательное и категориальное значения.

Местоимения, в отличие от назывных слов, имеют переменное денотативное значение. Можно сказать, что всякое местоимение имеет определенное денотативное поле, элементы которого — объекты различной природы. Соотнесенность же местоимения с тем или иным элементом денотативного поля реализуется в конкретной ситуации или контексте. — Вам пора спать, — обратилась генеральша к воспитанницам. Те аккуратно сложили свои работы» (А. Степанов). Здесь с помощью анафорического указания устанавливается соответствие между местоимением и элементом его денотативного поля — воспитанницами.

Категориальным же значением указательных местоимений является способность к указанию, которое может быть дейктическим, анафорическим или эпифорическим. И местоимения, и соотносительные слова имеют одно и то же денотативное поле, одни и те же морфологические характеристики. Мы установили далее, что коррелятивное указание представляет собой частный случай эпифорического или анафорического.

Указательные местоимения могут выполнять, с одной стороны, синтаксические функции того или иного члена предложения, а с другой, служат средством связи различных отрезков текста. В частном случае они являются средством связи двух предикативных единиц сложного предложения, как сложноподчиненного, так и бессоюзного. В последнем случае имеет место обычное эпифорическое указание. Предлог чаще всего был такой — боязь штрафа (Г. Семенов).

Указательные местоимения в общем случае могут иметь две валентности, реализуя одновременно анафорическое и эпифорическое указание. У Агабекова были гости. В громадной гостиной — Ляля таких больших комнат никогда и не видела, метров сорок (Ю. Трифонов). В частном случае одним из указательных минимумов местоимения может являться придаточная часть сложноподчиненного предложения.

Новосибирский государственный университет

¹⁰ Тимофеев К. А. Смысловая структура и его словообразовательное значение. Заметки и наблюдения. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. IV. Новосибирск, 1975, с. 29—33.

⁸ При изучении соотносительного слова «такой» это впервые было отмечено в работе: Рудяк С. И. Функционирование соотносительного слова «такой» в рамках сложноподчиненного предложения. — В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с. 128.

⁹ Белошапкова В. А. Указ. соч., с. 183.

Ю. А. ТАМБОВЦЕВ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В ЗВУКОВЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЯХ МАНСИЙСКОГО ЯЗЫКА (по материалам поэзии)

Одной из важнейших характеристик фонетической системы мансийского языка является своеобразная дистрибуция его гласных и согласных фонем в потоке речи. В статье рассмотрены частотные характеристики гласных в мансийском языке на примере звуковых последовательностей в поэзии.

Известно, что мансийский язык входит в обско-угорскую группу финно-угорской языковой общности, поэтому интересно сравнить данные фоностатистических исследований по мансийскому языку с аналогичными данными по другим финно-угорским языкам. К сожалению, статистические исследования проводились лишь по немногим языкам финно-угорской семьи¹. В мансийском языке было проведено фоностатистическое исследование на материале разговорной речи, которое в основном затрагивает дистрибуцию согласных в говорах северного диалекта мансийского языка².

Для выяснения особенностей артикуляционной базы мансийского языка необходимо изучить дистрибутивные характеристики фонем. Полученные результаты будут использованы при типологическом сравнении особых свойств фонетической системы мансийского языка с аналогичными данными по другим финно-угорским и вообще урало-алтайским языкам.

Характеристики распределения фонем в разговорной речи и в поэзии могут различаться³. Поэтому представляет интерес статистическое обследование исключительно на материале мансийской поэзии, задача которого определить: 1) соотношение гласных и согласных; 2) частотность (встречаемость) фонем независимо от их положения в слове, т. е. абсолютную частотность; 3) частотность фонем начала и конца слова; 4) среднюю длину слова (в фонемах).

Основной материал для статистического анализа мансийской поэзии — стихи известного мансийского поэта и прозаика Ю. Н. Шесталова⁴, записанные самим автором в ЛЭФИ ЛГУ на магнитофон «Тембр» со скоростью 19 см/с. Использовалась методика лингво-статистического анализа, описанная в работах советских и зарубежных лингви-

стов⁵. Перед вводом в ЭВМ связный поэтический материал был транскрибирован по принятой в ЛЭФИ Института истории, филологии философии СО АН СССР транскрипции⁶ с учетом данных мансийского языка⁷. Статистический анализ проводился в Вычислительном центре НГУ при помощи ЭВМ М-222, во внешнюю память которой был введен поэтический материал.

Общий объем выборки 21 600 фонем. Стандартная ошибка составила 0,01%⁸. Для работы с подобным лингвистическим материалом был выбран язык программирования «Эпсилон»⁹, являющийся наиболее подходящим машинным языком для фоностатистических исследований в силу своей предназначенности для обработки символьной информации.

Одной из основных характеристик звуковой последовательности языка является соотношение гласных и согласных. Отношение количества гласных к количеству согласных в звуковых цепях языков мира колеблется между 2 и 0,5, не достигая, впрочем, этих чисел¹⁰. Существует шкала, располагающая некоторые языки в зависимости от соотношения их гласных и согласных¹¹. Язык мансийской поэзии имеет на 1000 гласных 1498 согласных, располагаясь по этой шкале между венгерским (1440)¹² и русским (1500)¹³ языками. Следовательно, в мансийском языке гласные относятся к согласным как 2 ÷ 3. Средняя длина поэтического слова составляет 4,6 фонемы, т. е. в среднем длина мансийского слова в поэзии составляет 4—5 фонем. Средняя длина слова является одним из важнейших лингвистических показателей¹⁴.

Частотные характеристики каждой гласной фонемы позволяют понять ее фонологическое содержание, меру ее включенности в звуковую систему. Рассмотрим абсолютную частотную нагрузку (т. е. частотность фонем безотносительно их положения в слове) мансийских гласных. Для удобства анализа расположим все фонемы в упорядоченный ряд по убыванию частотности (табл. 1) и разобьем этот ряд на три подмножества, называемые условно верхним, средним и нижним. В верхнее подмножество (I) входят фонемы с самой высокой частотностью — это наиболее характерные для мансийской поэзии звуки. Нижнее подмножество образуют фонемы с самой низкой частотностью (III). Фонемы, тяготеющие к промежуточному ряду, выделяются в среднее подмножество (II).

Самой частотной фонемой в мансийской поэзии является [i]¹⁵, а наименее встречаемой [i:]. Мансийская поэзия мелодична: поэтиче-

⁵ Библиография собрана в кн.: Ермоленко Г. В. Лингвистическая статистика. Алма-Ата, 1970. 155 с.

⁶ Надеяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М. — Л., 1960. 66 с.

⁷ Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973, с. 17—37; Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермский и угорские языки. М., 1976, с. 255—257.

⁸ Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971, с. 25—26, 52—53; Бронштейн И. Н., Семендяев К. А. Справочник по математике. М., 1964. 608 с.

⁹ Эпсилон-система автоматизации программирования задач символьной обработки. Отв. ред. А. П. Ершов. Новосибирск, 1972.

¹⁰ Никонов В. А. Глоттогенез Сибири и Дальнего Востока в свете фоностатистики. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976, с. 41—42.

¹¹ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, т. 1. М., 1953, с. 51—53.

¹² По данным в кн.: Jékel P., Rapp F. Op. cit., p. 12—48.

¹³ См.: Хакулинен Л. Указ. соч., с. 52.

¹⁴ Корсакова Т. В., Меньшиков И. И., Мордань В. И., Ткачук В. И. К вопросу об определении средней длины слова. — Вопросы прикладной лингвистики, 1976, вып. 6, с. 79—82.

¹⁵ Частотность согласных в мансийской поэзии исследуется в статье: Тамбовцев Ю. А. Дистрибуция согласных в мансийской поэзии. (В печати).

¹ Баранцев А. П. Фонологические средства лудиковской речи. Л., 1976, 280 с.; Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, т. 1. М., 1953. 268 с.; Jékel P., Rapp F. Adu Endre Osszes Koltói Muveinek Fonémastatisztikája. Budapest, 1974. 180 с.

² Тамбовцев Ю. А. Некоторые характеристики распределения фонем мансийского языка. — Советское финно-угорское языкознание, 1977, XIII, № 3, с. 195—198.

³ Яглом А. М., Яглом И. М. Вероятность и информация. М., 1973, с. 268—270.

⁴ Ю. Н. Шесталов является носителем северного диалекта, который положен в основу литературного мансийского языка.

Таблица 1

Абсолютная частотная нагрузка гласных в мансийской поэзии (по отношению ко всем фонемам)

I		II		III	
фонема	частотность, %	фонема	частотность, %	фонема	частотность, %
[a]	8,60	[o]	2,90	[u:]	1,20
[i]	7,20	[o:]	2,50	[i:]	0,10
[ə]	5,10	[u]	2,00		
[a:]	4,30	[e:]	1,90		
[e]	4,20				

Таблица 2

Абсолютная частотная нагрузка гласных фонем (по отношению только к гласным)

I		II		III	
фонема	частотность, %	фонема	частотность, %	фонема	частотность, %
[a]	21,5	[o]	7,2	[u:]	3,0
[i]	18,0	[o:]	6,2	[i:]	0,2
[ə]	12,8	[u]	5,0		
[a:]	10,8	[e:]	4,8		
[e]	10,5				

кая речь на 76% состоит из сонорных и гласных. Интересно заметить, что в мансийской разговорной речи сумма сонорных и гласных составляет 70%¹⁶.

Проанализируем теперь абсолютную частотную нагрузку гласных по отношению только к гласным. Подобная репрезентация помогает выявить потенциал функционирования¹⁷ той или иной гласной в поэтической речи. Табл. 2 показывает, что среди гласных самой употребительной является [a], а самой редкой — [i:]. Общая частотность кратких гласных составляет 75%, а долгих — 25%.

Небезынтересным представляется сравнение данных по частотности гласных в мансийской и венгерской поэзии¹⁸. Из табл. 3 видно, что в мансийском и венгерском языках наиболее частотными являются [a], [a:], [i], [e:], [e], а наименее частотными — [u:], [i]. В людиковском диалекте карельского языка самыми частотными гласными также являются [i], [a], [e]¹⁹. Вероятно, совпадение характерных фонем во всех трех финно-угорских языках не случайно и позволяет говорить о схожести структуры звуковых последовательностей.

Инвентарь и частотность гласных в начале и в конце слова представляют существенную часть характеристики фонологической системы мансийского языка, так как началу и концу слова присущи особые дистрибутивные структуры²⁰. Выявление закономерных явлений начала и конца мансийских слов поможет освещению проблемы характерных фонем начала и конца слова в уральских языках²¹.

При рассмотрении частотной нагрузки гласных фонем начала и конца мансийского слова (табл. 4) эти гласные распределяются в

¹⁶ Тамбовцев Ю. А. Указ. соч., с. 196—197.

¹⁷ Шрейдер Ю. А. О возможности теоретического вывода, статистических закономерностей текста. — Проблемы передачи информации, 1967, № 3, I, с. 57—63.

¹⁸ Поэзия Ю. Н. Шесталова (по нашим данным) и поэзия Ади Эндре (Jékel P., Rapp F. Op. cit.).

¹⁹ Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975, с. 180.

²⁰ Гринберг Дж. Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных. — Вопросы языкознания, 1964, № 4, с. 41—66; Херари Ф., Пейпер Г. К построению общего исчисления распределений фонем. — В кн.: Математическая лингвистика. М., 1964, с. 57; Топоров В. Н. О дистрибутивных структурах конца слова в современном русском языке. — В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971, с. 152—162.

²¹ Серебрянников Б. А. О некоторых закономерных явлениях начала и конца слова в уральских языках. — Советское финно-угроведение, 1974, № 3, 151—157; Лыткин В. И. К вопросу о конечной гласной основы глаголов настоящего времени в финно-угорских языках. — Тр. Мар. НИИ, вып. XV, Пошкар-Ола. 1961, с. 49—57; Он же. К вопросу о конечных гласных финно-угорского праязыка. — Советское финно-угроведение, 1968, № 4, с. 233—238.

Таблица 3

Распределение абсолютной частотности гласных фонем в мансийской и венгерской поэзии

Мансийская гласная	Абсолютная частотность	Венгерская гласная	Абсолютная частотность	Отношение частотностей мансийской и венгерской гласных	Мансийская гласная	Абсолютная частотность	Венгерская гласная	Абсолютная частотность	Отношение частотностей мансийской и венгерской гласных
[i:]	0,1	[i:]	0,40	—4	[o]	2,9	[o]	4,7	—1,6
[i]	7,2	[i]	4,1	+1,8	[u:]	1,2	[u:]	0,55	+2,2
[e:]	1,9	[e:]	3,4	—1,8	[u]	2,0	[u]	1,2	+1,7
[e]	4,2	[e]	9,8	—2,3	[ə]	5,1	[ə:]	0,72	
[a:]	4,3	[a:]	3,6	+1,2			[ø]	1,3	
[a]	8,6	[a]	9,4	—1,1			[y:]	0,20	
[o:]	2,5	[o:]	0,99	+2,5			[y]	0,70	

упорядоченные ряды по убыванию частотности и делятся на три подмножества.

В начальной позиции отмечается наиболее и наименее частотная фонема. Самой частотной является (t), наименее частотной [c]. Сведем гласные начала слова в таблицу, где их частотность будет вычислена только по отношению к гласным в этой же позиции.

Гласный звук [ə] в абсолютном начале слова не встречается. Наиболее часто встречается в начале слова гласный звук [a], а наиболее редко — [e]. Для абсолютного начала слова более характерны долгие (63%), а не краткие (37%) гласные. Из табл. 2 и табл. 5 следует, что хотя гласные [e:] и [o:] занимают лишь третье и четвертое место по частоте встречаемости в начале слова, их следует признать самыми характерными гласными начала, так как у них самая низкая величина отношений абсолютной частотности и частотности начала. Нехарактерными фонемами начала являются звуки с самой высокой величиной этого отношения: [e] и [i].

Рассмотрим распределение гласных фонем в конце слова. Наиболее частой среди фонем конца слова является [i], наименее частой — [t] (см. табл. 6).

Для удобства анализа рассмотрим частотность гласных конца слова только по отношению к гласным конца слова. Гласные [ə, o:, o, u:, u, i] в абсолютном исходе мансийского слова не встречаются. Несмотря на это, гласные в конце слова в среднем употребляются в полтора раза чаще, чем в начале слова. Это происходит, вероятно, потому, что для слова в мансийском языке сочетание согласный — гласный [cv] более характерно, чем сочетание гласный — согласный, т. е. [vc].

Таблица 4

Частотная нагрузка фонем начала мансийского слова (по отношению ко всем фонемам)

I		II		III	
фонема	частотность, %	фонема	частотность, %	фонема	частотность, %
[a]	1,00	[o]	0,30	[i]	0,09
[a:]	0,83	[u:]	0,22	[i:]	0,03
[e:]	0,81	[u]	0,20	[e]	0,02
[o:]	0,80				

Таблица 5

Частотная нагрузка гласных фонем начала мансийского слова (по отношению только к гласным начала слова)

I		II		III	
фонема	%	фонема	%	фонема	%
[a]	23,3	[o]	7,0	[i]	0,18
[a:]	19,3	[u:]	5,1	[i:]	0,07
[e:]	18,8	[u]	4,7	[e]	0,05
[o:]	18,6				

Таблица 6
Частотная нагрузка фонем конца мансийского слова (по отношению ко всем фонемам)

I		II		III	
фонема	%	фонема	%	фонема	%
[i]	2,70	[e]	1,80	[e:]	0,13
		[a]	1,50	[a:]	0,12

Таблица 7
Частотность гласных фонем конца мансийского слова в поэзии (по отношению только к гласным конца слова, %)

I		II		III	
фонема	%	фонема	%	фонема	%
[i]	43,2	[e]	28,8	[e:]	2,1
		[a]	24,0	[a:]	1,9

Наиболее характерными гласными конца слова являются [e] и [i] (см. табл. 2, 7). Это явление не случайно: во многих пермских языках конечные гласные становились узкими²². По-видимому, эти фонетические процессы проходили и в мансийском языке.

Из табл. 4 и 6 следует, что гласные имеют различную дистрибуцию в начале и конце слова. Гласные [a:] и [e:] более характерны для начала, а гласные [i, e] более характерны для конца мансийского слова. Заметим, что дистрибуция гласных начала и конца слова в мансийском языке и людиковском диалекте карельского языка хорошо коррелируются: там тоже для начала слова самая характерная [a], для конца — [i]²³.

Таким образом, при помощи ЭВМ проведен фоностатистический анализ мансийской поэзии, данные которого сравнивались с аналогичными данными по венгерскому языку и людиковскому диалекту карельского языка. В результате исследования сделаны следующие выводы: средняя длина мансийского слова в поэзии — 4,6 фонемы, отношение гласных и согласных (2:3) в мансийском языке позволяет расположить его среди других языков мира между венгерским и русским. Абсолютная и относительная частотные нагрузки фонем приведены в таблицах.

Новосибирский государственный университет

Г. К. ВЕРНЕР

О ТЕРМИНЕ «ТОН» В ПРИМЕНЕНИИ К КЕТСКОМУ ЯЗЫКУ

Поскольку в последнее время факты кетского и — шире — енисейских языков во все возрастающих масштабах привлекаются в лингвистических исследованиях для сравнительно-типологических обобщений, немаловажное значение приобретает, кроме всего прочего, вопрос о содержании, которое вкладывается исследователями в используемые термины. Нельзя не согласиться с А. С. Либерманом в том, что «...сравнивать можно лишь такие лингвистические описания, которые базируются на сходном понимании некоторых основных вопросов. В противном случае, мы добьемся не сопоставления аналогичных структурных фактов, а только сопоставления сходных терминов»¹. В свете данного положения нам хотелось остановиться в настоящей заметке на содержании, вкладываемом в термин «тон» в исследованиях по кетской акцентологии.

В прошлом и в настоящее время термин «тон» использовался и используется в лингвистической литературе для описания различных явлений: так называемого музыкального ударения, интонации и слоговой акцентуации в языках со слоговой политонией². Нас будет, однако, здесь интересовать лишь последний момент, так как именно он важен по отношению к кетскому языку.

Этот термин наряду с терминами «слоговая акцент», «слоговая тон», «тонема» стал употребляться применительно к енисейским языкам сравнительно недавно, с обнаружением в начале 60-х годов слоговой акцентуации в кетском языке. Путь к обнаружению слоговой акцентуации лежал через ларингализацию, которая известна со времен А. Кастрена³ и которая по-разному объяснялась в исследованиях различных авторов: как иррелевантный признак гласных⁴, как особая фонема⁵ и, наконец, как просодический признак. Последняя интерпретация теперь, очевидно, уже принята большинством исследователей⁶.

¹ Либерман А. С. Слоговая акцентуация кетского языка. — В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970, с. 371.

² Подробное рассмотрение всех этих вопросов см. в работе: Кузнецов П. С. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. — В кн.: Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965, с. 107.

³ Castrén M. A. Versuch einer jensisel — ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. Spb., 1858.

⁴ Каргер Н. К. Кетский язык. — В кн.: Языки и письменность народов Севера, ч. III. М. — Л., 1934, с. 224—225.

⁵ Дульзон А. П. Очерки по грамматике кетского языка, т. I, Томск, 1964, с. 49; Крейнович Е. А. Кетский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 453 и др. работы.

⁶ Вернер Г. К. Звуковая система симского диалекта кетского языка. Автореф. канд. дис. Томск, 1966; Он же. К фонологической интерпретации ларингального смычного в кетском языке. — ВЯ, № 1, 1969; Дульзон А. П. О тонах односложных слов кетского языка. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, с. 104—108; Либерман А. С. Указ. соч., с. 375; Иванов В. В. О происхождении ларингализации-фарингализации в енисейских языках. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971, с. 125—136 и др. работы.

²² Molnar F. A. On the History of Word-Final Vowels in the Pérmian Languages. Szeged, 1974, p. 8—10.

²³ Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975, с. 181—182.

что, однако, еще не говорит о полном единодушии в данном вопросе. Расхождения во мнениях в известной мере обусловлены общей неупорядоченностью терминов, используемых для описания фонологических единиц различных уровней, в частности для описания супrasegmentных явлений.

В соответствии с установившимися в науке взглядами основным понятием, которым оперирует слоговая акцентуация, является понятие слогового акцента (или просодемы⁷), под которым, однако, понимается целый ряд хотя и однопорядковых в плане функциональном, но не однородных в фонетическом отношении явлений: динамические слоговые акценты, высотно-мелодические, сжатогортанные или просто слоговые тона и т. д. Совершенно очевидно, что наиболее нейтральным является термин «слоговой акцент», который может быть использован в любом случае, но не всегда удобен, особенно, если требуется более точная характеристика соответствующего явления. И датский толчок, и 3-й и 4-й бирманские или 5-й и 6-й вьетнамские и другие тоны являются слоговыми акцентами (просодемами) при большом различии в их фонетической реализации, и если, например, исследователь кетской слоговой акцентуации использует термин «слоговой акцент» без подробного раскрытия того содержания, которое в него вкладывается, то он оставляет практически мало возможностей для сравнительно-типологических обобщений. Более точная характеристика соответствующего явления с подбором более правильного термина приобретает в таких случаях практическое значение, но как раз по этим вопросам и возникают расхождения во мнениях исследователей. Сложность именно этого момента объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что между разновидностями слоговых акцентов в различных языках нет четкой грани: все они в той или иной мере характеризуются одними и теми же фонетическими признаками (темпоральными, силовыми, высотно-мелодическими и др.), а определение доминирующих и фонологически релевантных признаков сопряжено с большими трудностями. Видимо, поэтому по отношению к скандинавским языкам говорится то о динамических слоговых акцентах⁸, то о слоговой политонии⁹. И даже в отношении языков Юго-Восточной Азии, в которых наличие высотно-мелодических слоговых тонов едва ли может вызывать сомнения, отмечено, что наиболее устойчивыми тональными признаками, особенно в потоке речи, являются не собственно мелодические, а наоборот, немелодические признаки (длительность, интенсивность, фарингализация-ларингализация)¹⁰. И пока не будут выработаны общепризнанные критерии (если это вообще возможно) для разграничения

⁷ См., например, работы С. Д. Кацнельсона, в частности: Кацнельсон С. Д. Фонемы, синдемы и «промежуточные» образования. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика..., с. 139.

⁸ Подробный обзор различных точек зрения см. в кн.: Кацнельсон С. Д. Сравнительная акцентология германских языков. М. — Л., 1966.

⁹ Р. О. Якобсон в одной из своих работ считает возможным говорить о балтийском политоническом языковом союзе, в который входят шведский, норвежский, большая часть датских говоров, некоторые немецкие прибалтийские говоры, северо-кашубское наречие, литовский и латышский, а также ливский и эстонский (Якобсон Р. О. К характеристике еurasийского языкового союза. 1931, с. 15). Интересно в свете рассматриваемых здесь вопросов и его следующее замечание: «Следует оговорить, что к разряду политонических языков мы относим не только языки, наделенные мелодической корреляцией, но и языки с корреляцией «гласные, прерывные в середине или в конце гортанной смычки — гласные без гортанной смычки». Эта прерывная корреляция может рассматриваться как модификация мелодической» (Якобсон Р. О. Указ. соч., с. 16). См. также: Иванов В. В. О прерывистой интонации в латышском языке. — *Rakstu krājums veltījums Akadēmiskim Professoram Dr. Janim Endzelīnam vīna 85 drives un 65 darba gadu atcerei*, Rīga, 1959, s. 143.

¹⁰ Гордина М. В., Быстров И. С. Признаки синтагматического членения и фразовая интонация во вьетнамском языке. — Уч. зап. ЛГУ, 1961, 305. Серия восточноведческих наук, вып. 12. Языки народов Востока, с. 23, 28.

немелодических слоговых акцентов и мелодических (т. е. высотно-мелодических слоговых тонов), исследователь будет, очевидно, в каждом конкретном случае полагаться на результаты анализа соответствующего конкретного языкового материала и на свой опыт. Такое разграничение, как уже отмечалось, имеет смысл для установления более точной историко-типологической характеристики слоговой акцентуации. Однако более важно установить другой факт, а именно — характерны ли вообще для данного языка акцентуационные вариации в пределах слога. Другими словами, относится ли он к языкам со слоговой акцентуацией (к полипросодическим¹¹ языкам в самом широком смысле этого слова). Именно от решения этого вопроса зависит, какие явления и в каких языках поддаются сравнительно-сопоставительному анализу либо в синхроническом, либо в диахроническом плане. Между тем его решение осложнено тем, что не всегда легко отграничить факты слоговой акцентуации от словесного ударения, признаки слоговых акцентов от признаков фонем¹².

Решены ли все эти вопросы в отношении кетского языка?

В качестве ответа можно привести следующее замечание А. П. Дульзона: «Прочно установлено также, что в этом языке широко используется вариация тона для выражения лексических и грамматических значений»¹³. Исследования по кетской акцентологии полностью подтверждают этот общий вывод¹⁴. В них на основе экспериментальных данных и фонологического анализа выявлены системы слоговой акцентуации в ныне сохранившихся диалектах, а также показано, что по отношению к кетскому языку целесообразней использовать термин «тон» («слоговой тон»), поскольку высотно-мелодические признаки играют в смысловом различении не меньшую роль, чем немелодические признаки. Этот вывод справедлив прежде всего по отношению к односложным словам, произнесенным изолированно в назывной форме, т. е. в условиях, в которых слоговые тоны воспринимаются наиболее четко. Что касается многосложных слов и словоформ, то в них, особенно в потоке речи, как будто несколько превалируют немелодические признаки, в частности длительность. Признаки подобной тенденции развития, а также некоторые другие факты дали нам повод считать, что кетский язык занимает в этом отношении как бы промежуточное положение между тональными языками Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и полипросодическими языками балтийского языкового комплекса (по терминологии Р. О. Якобсона) — с другой¹⁵.

Несмотря на то, что общая картина представляется достаточно прозрачной, факты кетской слоговой акцентуации требуют дальнейшей более тщательной проверки с фонологической точки зрения как в синхроническом, так и в диахроническом плане. О недостаточной разработке фонологии супrasegmentных явлений могут свидетельствовать некоторые расхождения во мнениях исследователей. Так, по мнению А. С. Либермана, было бы целесообразней говорить по отношению к

¹¹ Кацнельсон С. Д. Указ. соч., с. 139.

¹² Подробнее об этих вопросах см.: Кацнельсон С. Д. Фонемы, синдемы и «промежуточные» образования; Либерман А. С. Указ. соч.

¹³ Дульзон А. П. Кетский язык, Томск, 1968, с. 6.

¹⁴ Кроме цитированных работ, см. еще следующие: Вернер Г. К. Смыско-кетская система слоговой акцентуации. — Уч. зап. ОГПИ, вып. 36. Труды кафедр гуманитарных наук. Омск, 1968; Он же. Слоговая акцентуация кетских говоров. — Уч. зап. ОГПИ, вып. 44. Вопросы диалектологии и языкознания. Омск, 1969; Слоговые тоны кетских говоров в свете некоторых экспериментальных данных. — Уч. зап. ОГПИ, вып. 52. Вопросы филологии. Омск, 1969; О реализации енисейских слоговых тонов в потоке речи. — Уч. зап. ОГПИ, вып. 62. Вопросы филологии. Омск, 1971. Денинг Р. Ф. Фонетика имбатских говоров кетского языка. Автореф. канд. дис. Томск, 1971, с. 17—19.

¹⁵ Вернер Г. К. К типологической характеристике енисейской слоговой акцентуации. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.

сильнее ее действие к субъекту главной — давно замечена лингвистами. Причем, в большинстве грамматик такая отнесенность осознается как единственно возможная: «Конструкция с инфинитивом употребляется, когда действие главного и придаточного предложений принадлежат одному лицу, конкретному или обобщенному»⁵. Получается, что если в зависимой части сказуемое выражено формой инфинитива, то конструкция обязательно моносубъектная, т. е. действие сказуемого главной части и инфинитива принадлежат одному лицу — субъекту действия. Но действие инфинитива может быть отнесено к другому лицу, а не к субъекту главной части. Такие предложения называют разносубъектными⁶. *Чтобы мне не совершить снова оплошности, разрешите откланяться* (Н. Дубов) — *Чтобы я снова не совершил оплошности, вы разрешите откланяться*.

Некоторые исследователи считают, что зависимая инфинитивная часть категории лица не имеет и разносубъектные реализации оценивают как не нормативные или не типичные для русского языка⁷. Другие исследователи признают наличие у зависимой части таких предложений категории лица⁸. Если понимать нормативность как грамматическую правильность, то такие разносубъектные конструкции, несомненно, следует считать нормативными. Можно говорить лишь об их типичности, т. е. частотности в текстах, оценить степень типичности таких фраз позволив специальный количественный анализ. В работах по современному русскому языку таких численных данных мы не нашли.

Субъектная отнесенность действия зависимой части в конструкциях со специфическими инфинитивными единицами представляется очень важным критерием их оценки, поэтому мы ставим задачей выяснить соотношение моно- и разносубъектных реализаций для каждого типа исследуемых конструкций со специфическими инфинитивными единицами. Это конструкции целевые, изъяснительные с союзом *чтобы*, временные с союзами следования *прежде чем*, *перед тем как*, заместительные с союзом *вместо того чтобы*, сравнительные с союзом *чем* и условные.

Прежде чем перейти к анализу моно- и разносубъектных реализаций, заметим, что субъект зависимой части может быть не только тождественным главному или отличным от него. Он может «частично» совпадать с ним, мыслиться обобщенно. Такие реализации по данным нашей выборки составляют около 3%, поэтому останавливаться на них не будем.

Основная доля реализаций приходится на моно- и разносубъектные фразы. Чтобы определить тождество или отличие субъекта зависимой части, мы преобразовывали ее в личную, т. е. заменяли инфинитив финитной формой, которая имеет подлежащую валентность, и вводили субъект, выраженный подлежащим: *Он приложил много усилий, чтобы сделать литературу партийной* (В. Катаев) — *чтобы он сделал литературу партийной. Что вы знаете про моего больного, чтобы вам отдавать его* (В. Крелин) — *чтобы я вам отдал его*. В первой фразе субъект зависимой части тождествен субъекту главной, а второй — отличен от него. В них субъектная отнесенность зависимой части сомнений не вызывает. В следующих примерах не ясно, как

⁵ Гвоздев А. Н. Современный русский язык, ч. 2. М., 1973, с. 277.

⁶ Термины «моносубъектная» и «разносубъектная» конструкции использованы в работе М. И. Черемисиной. См.: Черемисина М. И. Деепричастие как класс форм глагола в языках разных систем. — В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 20.

⁷ Анемпий Д. Е. Указ. соч.

⁸ Ильенко С. Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Л., 1964. 37 с.

определить субъект зависимой предикативной единицы (ПЕ), и можно ли вообще говорить о субъекте: *Чтобы работать, надо быть дипломатом* (Ю. Крелин). *Достаточно взглянуть, чтобы сразу догадаться, какой сегодня был день* (С. Крутилин).

Здесь субъект грамматического выражения не получает. Главная часть традиционно оценивается как односоставное, безличное (бес-субъектное) предложение. Однако, как показала Г. А. Золотова⁹, такие предложения вряд ли можно считать бессубъектными: субъект в них может быть выражен (*Мне надо ехать*) или ясен из контекста (*Отец стал собираться. Уже пора было ехать*). Таким образом, и в конструкциях с невыраженным субъектом действие мыслится как отнесенное к нему потенциально.

Такой грамматически невыраженный субъект может быть ясен из контекста: *Чтобы прекратить плач и положить конец этому мучительному состоянию, надо пойти к жене, утешить, приласкать или извиниться*. (А. Чехов) — *муж должен пойти к жене...* Невыраженный субъект может мыслиться обобщенно или неопределенно (кто-то, любой человек и др.), например: *Если в газеты написать, то не поверят люди*. (А. Чехов) — *если кто-то напишет в газеты...* *Достаточно бегло взглянуть на польскую визитную карточку — местечко Столбцы, чтобы сразу понять, что собой представляла пани Польша*. (В. Катаев) — *Любому человеку достаточно бегло взглянуть..., чтобы сразу понять...*

Действие зависимой части в таких фразах может относиться к субъекту главной части или субъекту отличному от него. Чтобы определить тождество или различие субъектов, мы преобразовывали, как и во фразах с выраженным субъектом, зависимую часть в личную. Причем грамматическое выражение субъекта вводили и в главную часть: *Какое надо иметь мужество, чтобы делать операции и резать трупы*. (А. Чехов). — *Какое надо иметь мужество любому врачу, чтобы он делал операции и резал трупы*.

Определяя тождество и различие субъектов частей исследуемых конструкций, мы приводили фразы, в которых субъект главной ПЕ выражается подлежащим, но он может быть выражен и различными косвенными падежными формами: *У нас теперь нет денег, чтобы купить себе хлеба*. (А. Чехов) — *чтобы мы купили хлеба*.

Субъект зависимой ПЕ, в свою очередь, может быть выражен различными способами (форма подлежащего при инфинитиве исключена). Основной способ выражения субъекта в зависимой ПЕ — дательный падеж имени: *Гляди, мать: что есть в печи, все на стол мечи, чтобы нам перед заморским графом не оконфузиться* (Н. Дубов). В этой фразе дательный падеж обозначает субъект, отличный от субъекта главной части. Однако так может быть выражен и тождественный субъект: *Обычно председатели старались дотянуть до отчетного года с тем, чтобы им самим сбежать, или чтобы их в конце концов прогнали*. (С. Крутилин). Во фразе *Сократ требует от каждого отдельного человека проявлять активность, чтобы стать гражданином государства* (А. Швейцер) субъект зависимой ПЕ (человек) выражен именем в родительном падеже главной части, где является дополнением. Такое субъектное дополнение обычно встречается при каузативных глаголах. Фразы с таким дополнением, как правило, являются разносубъектными.

Обычно, если субъект зависимой ПЕ тождествен главному, то грамматического выражения в зависимой части он не получает, будучи выражен подлежащим или косвенной падежной формой в

⁹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 157—171.

Таблица 1
Типы моносубъектных реализаций

Субъект зависимой ПЕ	Субъект главной ПЕ			
	грамматически выражен		грамматически не выражен	итого
	подлежащим	косвенной падежной формой		
Грамматически выражен косвенной падежной формой	10	0	7	17
Грамматически не выражен	1161	249	595	2005
Итого	1171	249	602	2022

их долю приходится 2022 фразы (80%), а на долю разносубъектных — всего 435 (20%). Моносубъектные и разносубъектные фразы мы распределили по двум таблицам, в каждый из которых представлены 6 возможных типов выражения субъектов главной и зависимой частей.

Тождественный субъект, будучи выражен в главной части, обычно в зависимой части своего отдельного грамматического выражения не получает. Нам важно различить выраженность субъекта в главной и зависимой ПЕ, поэтому такие фразы мы не будем оценивать как реализации с невыраженным субъектом зависимой части.

Как мы говорили выше, субъект зависимой части может выражаться дательным падежом или дополнением при каузативных и других глаголах. В таблице оба способа объединены в одной рубрике — «выражение субъекта зависимой ПЕ косвенной падежной формой».

Типы моносубъектных фраз (их 2022) представлены в табл. 1. Среди моносубъектных реализаций, безусловно, преобладают такие, в которых субъект зависимой ПЕ специального, отличного от главной, выражения не получает (2005 фраз):

Стрельцы, чтобы не рушить свой строй, не преследовали их (В. Шукшин). — ...чтобы они не рушили свой строй. Ему пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы не допустить обсуждения щекотливого вопроса в боярской думе. (Р. Скрынников) — ...чтобы он не допустил обсуждения щекотливого вопроса в боярской думе. В этих фразах субъект выражен в главной части подлежащим в первой фразе и косвенной падежной формой — во второй. Субъект вообще может не получать грамматического выражения (595 фраз). *Лицо ее окинуло экземой. Долгие годы нужно было ходить, закрываясь платком, чтобы вовсе не показывать людям лицо (В. Солоухин).* Моносубъектные фразы, в которых субъект получает специальное выражение в зависимой части, составляют всего 2% — 17 фраз. Например: *Мы были согласны хуже питаться, ходить в дырявых башмаках, лишь бы нам жить одним, своей семьей. (Дюамель).* В этой фразе один и тот же субъект выражен подлежащим в главной части и косвенной падежной формой в зависимой (нам). Субъект может выражаться и только в зависимой части. Таких фраз всего 7; *Тоже не молодуха, понимает, что недолго ей осталось быть в силе, — пора выходить вперед, чтобы не ей слушаться, а ее слушались (В. Распутин).*

В выборке не представлен примерами один тип фраз, где один и тот же субъект выражен дважды косвенной падежной формой в главной и зависимой ПЕ. Фразы, которые мы построили по этим параметрам, оказываются грамматически правильными, но громоздкими, что объяс-

няет их нетипичность: *Чтобы ему на поезд не опоздать, ему пришлось одолжить у соседей будильник.*

Итак, все возможные сочетания способов выражения субъектов дают 6 типов фраз как для моносубъектных, так и для разносубъектных реализаций (3 способа в главной части $\times$ 2 в зависимой).

Исследование показало, что в выборке явно преобладают моносубъектные реализации. На

нает их нетипичность: *Чтобы ему на поезд не опоздать, ему пришлось одолжить у соседей будильник.*

Разносубъектные реализации в выборке составляют 435 фраз (20%), их типы представлены в табл. 2. Как видно из таблицы, для разносубъектных реализаций, как и для моносубъектных, более характерными являются фразы, где субъект зависимой части, отличный от главной, является грамматически не выраженным (346 фраз).

Они составляют 68% разносубъектных фраз (среди моносубъектных их 98). Например: *Экспериментатор попросил внимательно слушать слова, чтобы потом вспомнить как можно больше. (Я. Колосинский) — ...чтобы испытуемые потом вспомнили как можно больше. Исключительная ситуация, чтобы поверить в ее правду, особенно нуждается в дополнительных мотивировках. (Л. Михайлова) — ...чтобы любой человек поверил в ее правду.*

Различными могут быть и субъекты во фразах, где они оба не выражены (4 фразы в выборке): *Подумал, что если не выбрать рыбу, не прочистить бердо, то заездок прорвет. (Г. Горышин) — Если он не выберет рыбу, не прочистит бердо, то вода прорвет заездок.*

Субъект выражен в зависимой части, всего в 17 моносубъектных фразах, а в разносубъектных (см. табл. 2) — в 89 фразах: *Я работаю в своем кабинете, чтобы пахарю легче работать в поле (С. Герасимов). — ...чтобы пахарь легче работал в поле.*

Только одним примером представлены разносубъектные реализации, в которых субъект главной и зависимой ПЕ выражен косвенными падежными формами: *У нас нет такого болота, чтобы не пройти человеку. (А. Тадыкин) — ...чтобы не прошел человек.*

Мы обнаружили и 7 разносубъектных реализаций, в которых субъект выражен только в зависимой части: *Можно было эту очистку под конец сделать, чтобы нам не видеть. (В. Распутин). — Властям можно было эту очистку под конец сделать, чтобы мы не видели.* Как и рассмотренный выше случай с двумя косвенными падежными формами, такие фразы малотипичны.

Как показало исследование, число разносубъектных реализаций не велико (20%), в выборке явно преобладают моносубъектные реализации. В плане выражения субъектов, как для моносубъектных реализаций, так и для разносубъектных, основная доля приходится на типы с невыраженным субъектом зависимой части.

В таблицах мы привели общие данные анализа различных типов конструкций со специфическими инфинитивными единицами (условных, временных, целевых и др.). Таким образом, и число разносубъектных реализаций является средним. Но для разных типов конструкций доля разносубъектных реализаций сильно колеблется. По числу разносубъектных реализаций исследуемые конструкции распадаются на 4 группы.

1. Конструкции, вообще не обнаруживающие разносубъектных реализаций. Это заместительные предложения с союзом *вместо того*

Таблица 2
Типы разносубъектных реализаций

Субъект зависимой ПЕ	Субъект главной ПЕ			
	грамматически выражен		грамматически не выражен	итого
	подлежащим	косвенной падежной формой		
Грамматически выражен косвенной падежной формой	81	1	7	89
Грамматически не выражен	314	28	4	346
Итого	395	29	11	435

чтобы и сравнительные с союзом *чем*. Естественно возникает вопрос, возможны ли такие разносубъектные фразы в принципе, не объясняется ли их отсутствие недостаточностью выборки? Чтобы ответить на этот вопрос, мы построили такие разносубъектные фразы, которые носителями русского языка были признаны правильными: *Брат заболел и, вместо того чтобы ему ехать, в Москву поехал я. Чем тебе ехать, лучше поеду я*. Следовательно, принципиально такие конструкции возможны, но они очень редки, и нормативность их вызывает сомнение.

2. Конструкции, для которых доля разносубъектных реализаций не превышает 6%. Так обстоит дело с некоторыми группами целевых предложений (условно-целевое, антицели, уступительно-целевые с союзом *лишь бы*) и временными предложениями с союзами *перед тем как, прежде чем*.

3. Конструкции, для которых доля разносубъектных реализаций достигает 14—15%. Это различные группы целевых и изъяснительных предложений с союзом *чтобы*.

4. В особый тип мы выделили условные конструкции. Число разносубъектных реализаций для них составляет около 60%, что резко превышает максимальное число реализаций с разными субъектами у всех приведенных выше типов конструкций. Например: *Заяц, если его бить, спички зажигать может*. (А. Чехов) — *...если кто-то его будет бить*. Только 40% условных фраз приходится на моносубъектные реализации: *Если посмотреть вдоль красной стороны нашего села, то увидишь ржаное поле...* (В. Солоухин) — *...если помотришь вдоль красной стороны нашего села...*

Таким образом, условные конструкции выделяются среди других в аспекте категории субъекта. Поэтому условные конструкции следует рассматривать как особый тип, который по своим грамматическим категориям ближе к собственно-сложным предложениям с двумя финитными формами. Чтобы окончательно решить вопрос о сходстве и о различии всех конструкций со специфическими инфинитивными единицами, необходимо проанализировать другие их грамматические категории (время и модальность).

Новосибирский государственный университет

ВОЛКОВА В. Н.

ПРОБЛЕМЫ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ

За послевоенные годы Сибирь превратилась в крупный книгоиздающий регион страны. Роль Сибири и Дальнего Востока в структуре советского книгоиздания все возрастает, и эта тенденция весьма устойчива. Поэтому исследование процессов, происходящих в современном сибирском книгоиздании, достаточно актуально и имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

При всем внимании книговедов к проблемам издательской деятельности в стране вопросы местного книгоиздания остаются мало изученными, хотя на его долю приходится около 65% всех выпускаемых в стране книг¹. Так, современное сибирское книгоиздание в целом еще ни разу не рассматривалось. Издательская деятельность Сибири как часть единой системы развивается в русле общесоюзных задач, но на нее оказывают влияние особенности экономического, научного и культурного развития Сибири, что порождает своеобразие сибирского издательского дела, выдвигает перед ним специфические задачи.

Современная система книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке сложилась в 1963—1964 гг. после июльского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС, поставившего вопрос о реорганизации сети центральных и местных издательств². Вместо 20 областных, краевых и республиканских издательств, функционировавших до 1962 г., в Сибири возникло 11 укрупненных издательств с 8 отделениями в больших городах.

Несмотря на наращивание темпов издательской деятельности областными, краевыми и республиканскими издательствами Сибири на протяжении послевоенного времени, их печатная продукция в настоящее время составляет лишь 36% всех книг, выходящих в регионе. Это говорит о наличии в Сибири еще одной мощной издательской системы, перекрывающей по своим масштабам деятельность книжных издательств. Небольшая доля выходящих в Сибири книг принадлежит научным издательствам — Сибирскому отделению издательства «Наука» (в 1974 г. — 182 книги)³ и Издательству Томского государственного университета (в 1974 г. — 96 книг). Остальная доля книг и продолжающихся изданий (1461 книга, т. е. 53,8%) издана организациями и учреждениями, пользующимися правом выпуска печатной продукции.

В сибирском книгоиздании тенденция количественного роста ведомственной литературы проявляется особенно ярко. Если динамика вы-

¹ Издательское дело. Реф. информация, 1975, № 6, с. 15.

² Об очередных задачах идеологической работы партии. М., 1963, с. 119.

³ Цифры, относящиеся к книгоиздательской деятельности Сибири в 1974 г., условны, так как основаны на изучении изданий, зарегистрированных в Книжной летописи за 1974 г., куда вошла часть изданий за 1973 г. (Часть же книг 1974 г. вошла в Книжную летопись 1975 г.). Данные об издательской деятельности СССР в целом и динамике издания литературы по республикам, краям и областям Сибири основаны на анализе статистических ежегодников «Печать СССР в ... году» за 1962—1976 гг.

пуска книг и брошюр издательствами Сибири за 1971—1976 гг. демонстрирует весьма неустойчивую картину роста (причем издательства так и не достигли рекордных цифровых показателей 1962—последнего перед реорганизацией сети местных издательств года), то тенденции выпуска книг ведомствами и организациями несколько иные. При всей неравномерности и скачкообразности этого процесса можно наблюдать общую устойчивую картину количества ведомственных изданий (от 877 в 1962 г. до 1515 — в 1976 г.).

Особенности экономического, научного и культурного развития Сибири объясняют, почему в настоящее время здесь выпуск ведомственной литературы значительно превышает продукцию книжных издательств и в процентном отношении превосходит показатели по стране. (В СССР ведомственная литература составляет 47—48%, в Сибири — 53,8%.)

С конца 50-х годов, т. е. с периода возникновения Сибирского отделения АН СССР, Сибирь становится регионом повышенных темпов развития науки. В 1977 г. в одном лишь Сибирском отделении работало 35 тыс. человек, из них более 70 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, около 400 докторов и свыше 3 тыс. кандидатов наук⁴. Созданы научные центры в Новосибирске, Иркутске, Якутске, Улан-Удэ, Красноярске, Томске. С 1970 г. функционирует Дальневосточный научный центр. Созданы Сибирское отделение ВАСХНИЛ и Сибирский филиал Академии медицинских наук. Потребности интенсивного хозяйственного освоения Сибири требуют более высоких по сравнению со страной в целом темпов развития науки.

Все это делает преимущественное развитие внеиздательской системы выпуска литературы. Областные, краевые, республиканские издательства призваны выпускать прежде всего массовую, популярную многотиражную книгу и не могут справиться с потребностями ученых в издании научных работ. Недостаточно мощны и два сибирских научных издательства — Сибирское отделение издательства «Наука» и Издательство Томского университета. Основной поток оперативной научной информации (материалы конференций, тезисы докладов, тематические сборники статей, труды, ученые записки) издается крупными научными учреждениями и вузами. Этот поток можно изменить качественно, отрегулировать его структуру, но уменьшить его в настоящее время невозможно, так как его рост отвечает сегодняшнему дню развития сибирской науки.

Во всесоюзном масштабе в практике научного книгоиздания идет преимущественный процесс концентрации и централизации издательских сил, соответствующий стабильности науки в европейской части страны и вызывающий тенденцию к уменьшению количества издающих организаций и потока ведомственной научной литературы. В Сибири же, наряду с этим явлением, идет более мощный процесс увеличения числа научных и издающих организаций, наращивания потока научных ведомственных изданий. Лишь стабилизация научных ресурсов Сибири, уточнение их структуры позволит со временем сибирскому научному ведомственному книгоизданию перейти от преимущественного решения проблемы количества к первоочередным задачам типологического упорядочения изданий. Есть еще одна специфическая особенность структуры сибирского ведомственного книгоиздания: научная литература составляет здесь 45,5% всего книжного потока, не считая авторефератов диссертаций. (По СССР в целом на нее приходится лишь 15,6%.)

Эта черта характерна и для всего сибирского книгоиздания. Анализ потоков литературы по целевому назначению (массовая, научная, научно-популярная, производственная, учебная, художествен-

ная) показывает, что количественное соотношение основных видов изданий по СССР и Сибири в целом совпадает. Расхождение наблюдается лишь в разделах научной и производственной литературы. По СССР научная литература составляет 20,8% от общего количества выпущенных в 1974 г. книг, по Сибири — 46%, производственная литература по СССР — 42,7%, по Сибири — 20%.

Интересно проследить и за тематическим распределением книг, издающихся в Сибири. Сравнение цифровых данных по СССР и Сибири в тематическом аспекте обнаруживает в целом единые тенденции книгоиздания. Совпадает процентное соотношение выпускаемой литературы по сельскому хозяйству (в 1974 г. по СССР — 8%, по Сибири — 9,3%), здравоохранению, медицине (4 и 4,4%), физкультуре и спорту (0,9 и 0,5%), культуре, просвещению, науке (8,2 и 9,1%). Несколько отстает в Сибири от общесоюзных соотношений выпуск языковедческих и литературоведческих изданий (2,6 вместо 4,2% по СССР) и изданий по искусству (0,7 вместо 2,5% по СССР). В то же время художественной литературы в Сибири издается больше (12,5 вместо 9% по СССР). Наибольшие же отличия в сибирском и общесоюзном книгоиздании обнаруживаются в разделах естественных наук и техники (промышленности). Здесь мы встречаемся с уже знакомой тенденцией сибирского книгоиздания, связанной с преобладанием научной книги и ее перевесом над производственно-технической. Если в Сибири удельный вес книг по естественным наукам и математике в 2,3 раза выше общесоюзного (24,7% — по Сибири и 10,9% — по СССР), то по технике — в 2,3 раза ниже, чем в СССР (15,4% — в Сибири и 35,8% — в СССР).

Несколько превышает общесоюзные показатели выпуск в Сибири политических и социально-экономических книг (20,8% — по Сибири, 14,2% — по СССР). Это связано с деятельностью сибирских научно-исследовательских институтов общественных наук, выпускающих научную литературу по экономике, истории, археологии, этнографии. В этом тематическом разделе, как и во многих других, ярко обозначен перевес научной литературы над научно-популярной или массовой. Характерно, что показатели издания массовой литературы по Сибири несколько ниже общесоюзных (5,4% — по Сибири, 7,6 — по СССР).

Если проследить за соотношением книг и авторефератов диссертаций, издающихся в Сибири, по определенным тематическим разделам, то можно обнаружить значительное несоответствие количества диссертационных работ и издающихся книг по медицине, технике, социально-экономическим наукам. Наиболее характерно это для медицины, которая по количеству защищаемых диссертаций стоит на 3-м месте (19,4%), а по числу издающихся книг — на 7-м (4,4%).

По технике, промышленности, по-видимому, можно было бы издавать несколько больше книг, тем более что Сибирь в этом плане отстает от общесоюзных пропорций. Однако в данной отрасли знания диспропорция между количеством диссертаций и выпускаемых книг в какой-то степени компенсируется публикацией оперативных статей в печати, внедрением результатов научных исследований в практику, подачей заявок на изобретения и т. д. Пропорции между количеством диссертационных работ и выходящих по социально-экономическим наукам (диссертации составляют 13,9%, книги — 20,8%) вполне закономерны, так как результаты исследований в этой области знания наиболее плодотворно воплощаются в книгу, к тому же именно здесь широк выход науки к читателю через популярное и массовое издание.

Незначительное количество и диссертаций, и книг по вопросам искусства, литературы, культуры связано с ограниченным числом научных учреждений, занимающихся в Сибири этими вопросами, отсутствием условий для организации серьезных научных исследований в таких учреждениях, как музеи, библиотеки, художественные училища, слаби-

⁴ Марчук Г. Край большой науки. — Коммунист, 1977, № 18, с. 34.

ми возможностями публикации научных работ. Нехватка книг по искусству, литературе, культуре Сибири ощущается даже без обращения к цифровым показателям.

Интересно проследить за характером книгоиздательской деятельности сибирских городов. Роль книгоиздательской столицы Сибири по праву принадлежит Новосибирску. В этом городе издается почти треть всех выходящих за Уралом книг. По объему книгоиздательской деятельности Новосибирск занимает третье место в РСФСР (после Москвы и Ленинграда), оставив далеко позади все остальные города Сибири. Динамика роста выходящих в Новосибирске книг отличается наибольшей стремительностью (от 330 изданий в 1962 г. до 731 издания в 1976 г.). В ближайшие годы следует ожидать еще большего подъема его издательской деятельности в связи с активизацией работы Сибирского филиала Академии медицинских наук и Сибирского отделения ВАСХНИЛ, а также многих институтов Новосибирского научного центра.

По структуре книгоиздания Новосибирск дает наиболее яркую картину контраста между выпуском научной литературы и всех других ее видов. Из 715 книг, изданных в Новосибирске в 1974 г. (не считая авторефератов диссертаций, 501 книга является научной. В Новосибирске напечатано также 30% всех вышедших в Сибири авторефератов диссертаций (в 1974 г. — 294 автореферата из 938). Диспропорцию можно обнаружить и в темпах роста количества книг, изданных различными учреждениями Новосибирска. Стабильно и даже с некоторым снижением количественных показателей работает Западно-Сибирское книжное издательство. Существенно возросло число книг, выпускаемых Сибирским отделением издательства «Наука» (от 139 книг в 1966 г. до 313 в 1976). Наиболее интенсивно растет количество изданий, выпускаемых различными научными учреждениями и организациями (от 211 изданий в 1962 г. до 598 в 1976 г.). Абсолютная величина этих изданий также наиболее весома. (В 1974 г. из 715 книг 420 издано организациями и учреждениями, 182 — Сибирским отделением издательства «Наука», 113 — Западно-Сибирским книжным издательством.)

Те же тенденции характерны и для других крупных областных городов Сибири — Иркутска, Красноярска, Омска, Томска. Здесь ярко выражено преобладание ведомственного книгоиздания (учреждениями и организациями), значительно перевес научной литературы в структуре выпускаемых книг. Так, в Иркутске из 212 изданных в 1974 г. книг 107 научные, в Красноярске из 206 книг — 104, в Омске из 140 — 62, в Томске из 139 — 106.

Несколько иначе развивается книгоиздание в автономных республиках Сибири. Издательская деятельность Якутска, Улан-Удэ, Кызыла, являющихся административными, политическими и культурными центрами автономных республик, не может развиваться так дисгармонично, как крупнейших областных научных центров. Поэтому соотношение отдельных видов по целевому назначению здесь иное, чем в этих городах.

В сравнении с общесоюзными данными в автономных республиках Сибири издается больше массовых политических книг и брошюр, учебников (в основном для начальной и средней школы), значительно больше художественной и детской литературы. Большая часть изданий выходит на национальных языках (в Бурятской АССР — 23,8%, Якутской АССР — 26,3%, Тувинской АССР — 62,1%). Характерно и соотношение объема работы республиканских издательств и различных учреждений. Основная масса книг в автономных республиках Сибири выпускается издательствами. Учреждения и организации дают весьма незначительную долю в общем количестве книжной продукции. Так, в Бурятской АССР в 1974 г. республиканским издательством было выпущено 164 книги из

172, в Якутской АССР — 178 из 224, в Тувинской АССР — 59 из 62. Эти особенности республиканского книгоиздания вполне закономерны, соответствуют задачам культурного и экономического развития республик.

Оценивая современную книгоиздательскую деятельность Сибири, нельзя не отметить динамичность и противоречивость происходящих здесь процессов, множество актуальных задач, которые не могут быть решены без общего увеличения объема книжной продукции. В связи с возрастанием экономической и научной роли Сибири, введенным в действие комплексной долгосрочной научной программы «Сибирь» естественно было бы ожидать некоторого увеличения книгоиздательских сил в восточной части страны. Прежде всего речь может идти об увеличении издательств Сибири и Дальнего Востока и Сибирского отделения издательства «Наука».

Если в масштабе всей страны наибольший «книжный голод» отмечается в отношении художественной, детской, учебной, медицинской литературы, то в Сибири несколько иные проблемы. На художественную и детскую литературу, выпускаемую областными и республиканскими издательствами и связанную с деятельностью сибирских писательских организаций, спрос в основном удовлетворяется. Перенесение же лучших произведений русской, советской и зарубежной классики, в которых испытывается в стране, и в частности в Сибири, наибольшая потребность, не может занимать значительного места в деятельности местных издательств; хотя в последние годы и предусматривается увеличение их доли в общесоюзном выпуске.

Количество учебной литературы, издаваемой в Сибири (прежде всего учебники для начальных классов нерусских школ и спецкурсы отдельных учебных заведений), тоже не вызывает особого беспокойства.

Испытывается острая потребность в книгах по искусству, литературе, более широком освещении общекультурных проблем сибирской жизни. Бережное отношение к культурному наследию коренных жителей Сибири, внимание и интерес к эстетическому творчеству народа — это вопросы не частные или узко ведомственные, а проблемы приживаемости населения в Сибири, его полнокровной жизнедеятельности, без ощущения «культурного дискомфорта», оторванности от «центра».

Необходимы изменения и в структуре сибирского книгоиздания по целевому назначению. Большой объем научных исследований требует и большого объема популяризации. Если в общесоюзном масштабе 3,4% научно-популярных книг на 20,8% научных значат собой определенное равновесие, то сибирское соотношение — 4,7 и 46% — говорит о значительном отставании научной популяризации от ее потребностей. Это отставание ограничивает взаимопроникновение и взаимообогащение наук, мешает науке становиться непосредственной производительной и воспитательной силой. Необходимость внимания к проблемам научно-популярной книги отмечалась и на годичном собрании Сибирского отделения АН СССР в феврале 1978 г.

Необходимо изменение пропорций между научной и производственной книгой. Этот процесс в сибирском книгоиздании неизбежен, так как наука Сибири взяла курс на тесную связь с производством, активное внедрение результатов исследований в практику.

Научное книгоиздание Сибири (особенно ведомственное) имеет большие возможности для дальнейшего совершенствования и организационного упорядочения. Процесс концентрации и централизации книгоиздательских сил, который характерен для современного научного книгоиздания страны, курс на преимущественное издание авторских и коллективных монографий и увеличение числа специальных журналов (в противовес ведомственным трудам и ученым запискам) в Сибири несколько ослаб-

Преимуществом «западного» варианта принималось: наличие в районе трассы нужных хозяйству полезных ископаемых (железной руды в районе Илимска); сравнительно большее удобство по природно-климатическим условиям; наличие местности для заселения и сельскохозяйственного использования (в районе трассы располагалась известная «Илимская пашня»); возможность оживления ранее созданных крупных судоходных рек (Ангара, Лена); возможность оживления ранее созданных хозяйственных очагов (в районе Братска — Николаевский железоделательный завод)⁵. Преимуществом второго варианта считалось примыкание трассы к крупному торговому пункту на Транссибе — г. Иркутску, могущему служить базой освоения глубинной территории Сибири (при выполнении им, прежде всего, функций по перевалке грузов)⁶. Таким образом, преимущества «западного» варианта всецело связывались с наиболее полной возможностью вовлечения прилегающей территории в хозяйственное использование, т. е. с его экономической функцией, тогда как при 2-м варианте эта функция разрешалась частично⁷.

В прогнозах взаимодействия железной дороги к р. Лене с прилегающей территорией более отчетливо, чем по Транссибирской магистрали, виделась ее пионерная роль в освоении территории в связи с большей необходимостью района прокладки проектируемой дороги по сравнению с Транссибирской магистралью, строящейся вблизи достаточно заселенного тракта. Причем эта роль понималась достаточно широко с включением некоторых организационных функций дороги. Так, именно железная дорога, по мнению исследователей, должна была выступать в новом районе инициатором создания разного рода вспомогательных предприятий. К ним относились: устройство подъездных путей к судоходным рекам Ленского бассейна, организация судоходства по этим рекам с созданием пристаней, организация складских операций на станциях дороги и на пристанях; производство изысканий и обследование естественных богатств края; добыча каменного угля и других ископаемых, а также эксплуатация лесных и земельных угодий⁸. Таким образом, на железную дорогу возлагался обширный комплекс мероприятий по первоначальному обустройству новой территории.

Железнодорожное строительство к р. Лене открывало новые перспективы перед территорией, стимулируя ее дальнейшее развитие. Например, с удешевлением транспортировки появлялась возможность перейти к разработке менее ценных (по содержанию золота в породе) месторождений и начать разработку других ресурсов, соседствующих с основными, что, в свою очередь, могло способствовать активизации геологического изучения территории. Справедливо отмечалось, что «обширный край превратится из поставщика исключительно одной пушнины и золота в край, который будет обеспечивать наш тыл и наши дальневосточные окраины в смысле получения мяса, рыбы, соли и железа»⁹. Благоприятные экономические условия отмечались для развития сельского хозяйства и других вспомогательных отраслей (например, железоделательного производства), обслуживающих нужды края. В то же время облегчались связи осваиваемой территории с Европейской Россией и более близкими к ней обжитыми районами (Урал, юг Сибири), откуда могли доставляться «необходимые товары, продукты и машины» и обеспечивался «свободный доступ в район рабочих рук»¹⁰.

Стоимостной оценке результатов строительства Ленской железной дороги с самого начала не придавалось решающего значения¹¹. Но авторы проекта, стремясь избежать упреков в намерении приукрасить действительную картину и показать дорогу доходной, приняли заниженные исходные показатели грузооборота, из которых следовала убыточность дороги по любому из вариантов¹². Этот вывод, однако, хорошо вписывался в общий фон, которым характеризовалась экономика железнодорожного хозяйства страны в тот период. Убыточность этой сферы народного хозяйства за счет

⁵ В качестве преимущества «западного» варианта указывалось и на то, что он мог явиться в будущем начальным участком более северной (по сравнению с существующей — Транссибирской) магистрали (через северную конечность Байкала, так называемой Восточно-Сибирской), проект которой выдвигался в ряде работ того времени. См. например: Адрианов Г., Чмутов С. Сети железных дорог России в будущем. СПб., 1908.

⁶ Серебренников И. И. Записка об экономическом положении района железной дороги Иркутск — Жигалово (Усть-Илга), вероятном грузообороте этой дороги и продолжении ее до г. Бодайбо. Иркутск, 1912, с. 196.

⁷ Кстати, имелось альтернативное решение и в направлении железной дороги на Енисейск, а именно: вариант Томск — Енисейск. Он обосновывался наличием в районе дороги значительных, пригодных для использования земельных фондов, лесных богатств бассейнов Чулыма и Енисея, близостью к месторождениям золота, железа, угля и др. (См.: Район железной дороги Иркутск (Тулу) — Бодайбо в экономическом отношении. Пг., 1915).

⁸ Серебренников И. И. К вопросу о Ленской железной дороге. Иркутск, 1912.

⁹ Богдановский А. Е. Ленская железная дорога и ее экономическое значение. СПб., 1911.

¹⁰ Район железной дороги Иркутск (Тулу) — Бодайбо..., с. 109.

¹¹ Богдановский А. Е. Указ. соч., с. 230.

¹² Там же, с. 37.

линий Азиатской России и некоторых дорог стратегического назначения имела тенденцию к росту с 35—50 млн. руб. в 90-х годах XIX в. до 90 млн. руб. в первом десятилетии XX в.¹³

Часть исследователей по-прежнему видела выход из неблагоприятной финансовой ситуации в развитии транзитных функций новых линий. Укрепление этих транспортных функций дороги могло обеспечиваться ее взаимодействием с Транссибирской магистралью по транзитному грузопотоку. «Часть получаемого по ней (дороге) дефицита будет возмещаться тем новым прибавочным грузом, который дорога создаст для Сибирской магистрали с первого же года своей работы»¹⁴. Так или иначе ликвидация убыточности новых дорог связывалась, прежде всего, с возрастанием транзитного грузопотока. Были даже попытки предсказания этого порогового срока — примерно пятилетие от начала эксплуатации дороги.

В этой связи признавался поучительным для условий Сибири опыт железнодорожного строительства в Северной Америке. В России были знакомы со стремлением американских предпринимателей сооружать «все новые и новые железнодорожные линии по самым диким, неведомым районам, совершенно незаселенным и, казалось бы, не обеспечивающим ни одной тонны груза»¹⁵. Американская литература того времени, известная русским экономистам (Например: Loring Webb. The economics of railroad construction. 1907.) свидетельствовала о результатах: «Край тот час же расцветает, открывается целый ряд новых предприятий, обнаруживается неистощимый запас нетронутых богатств»¹⁶.

В этих трудных для судеб нового железнодорожного строительства Сибири обстоятельствах оказалось решающим нетрадиционное толкование намечающейся убыточности. Были приняты во внимание не только видимые финансовые ближайшие последствия, но и «разгонка» хозяйственной жизни, приводящая к благоприятным результатам лишь в длительной перспективе. Был сделан акцент на внеэкономические последствия прокладки новых путей для территории, а именно: социально-культурные, связанные с удовлетворением насущных потребностей человека.

«Дорога даст человеческую жизнь несчастным жителям Якутско-Охотского края, которые при огромных чисто сказочных богатствах края зачастую умирают от голода»¹⁷. «Только железная дорога, работающая круглый год, может радикально улучшить жизнь Ленского края, дав культурное развитие богатейшему естественным дарам природы краю»¹⁸.

Этим целям соответствовала идея установления льгот в виде денежных пособий на переселение в край и разработку ресурсов, менее ценных, чем золото¹⁹. Однако при обращении к человеческим нуждам и их финансовом обеспечении руководствовались не только мотивами гуманизма, но и резонными экономическими соображениями. Они были одним из рычагов, способствующих «разгонке» хозяйства территории. Льготы по переселению гарантировались отдачей от поочередного ввода в строй отдельных участков дороги, так что «поселившиеся сперва на ближайших участках будут уже оплачивать сделанные на них затраты»²⁰. При этом подчеркивалась целесообразность опережающего создания местной дорожной сети, способствующей продвижению переселенцев в глубь территории. «Успехи колонизации тесно связаны с развитием дорожной сети, и чем глубже в область проникают колонисты, чем дальше удаляются от старых поселков, тем настойчивее необходимо, чтобы оборудование новых участков дорогами предшествовало их заселению»²¹. Завоз грузов для нужд переселенцев создавал устойчивый грузопоток в обоих направлениях, что само по себе способствовало окупаемости дороги. Рассчитывалась даже величина удельной (на 1 переселенца) перевозочной работы дороги — 200 пудов на версту²². Предусматривалась и косвенная отдача от вложенных в переселение средств — в виде роста экономической активности занятого в основных отраслях населения, увеличения его покупательной способности. А это, в свою очередь, требовало развития торговли и сферы услуг в самом осваиваемом районе²³.

Лященко Н. Н. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1948.

¹³ Лященко Н. Н. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1948.

¹⁴ Район железной дороги Иркутск (Тулу) — Бодайбо...

¹⁵ Половников В. П. Рекогносцировочные изыскания железнодорожного пути Иркутск — Бодайбо в 1907—1908 гг. СПб., 1910, с. 2. Отголоски этого бумажного отражения и в некоторых заманчивых предложениях американских дельцов о постройке железнодорожных магистралей экспортного значения через глухие районы Сибири. В США и других странах внимательно изучали экономическую обстановку России, обусловленную строительством Транссибирской магистрали. Было выпущено правительством США в начале века специальное издание (Российская империя и Транссибирский рельсовый путь). (The Russian Empire and Transsiberian Railway).

¹⁶ Там же, с. 3.

¹⁷ Иванов И. М. Записка о железных дорогах в Ленский край. Иркутск, 1912, с. 13.

¹⁸ Там же, с. 10.

¹⁹ Район железной дороги Иркутск (Тулу) — Бодайбо..., с. 52.

²⁰ Иванов И. М. Указ. соч., с. 23.

²¹ Там же, с. 15.

²² Район железной дороги Иркутск (Тулу) — Бодайбо..., с. 93.

²³ Иванов И. М. Указ. соч., с. 22.

В предупреждениях о возможности «хищнического истребления лесов» в районах освоения также содержится рациональная идея — сберечь лес для его промышленной эксплуатации и вывоза, что обеспечивало бы грузооборот дороги (вместе с тем в этом проглядываются и зачатки экологического подхода к освоению ресурсов, основанном на учете его роли в поддержании нормальной среды жизнеобитания людей)²⁴. Все это позволило авторам в конечном итоге применительно к железной дороге на р. Лена заявить: «Убыточность дороги на самом деле будет отсутствовать с первых лет ее действия»²⁵. Результаты дальнейших изысканий трасс железной дороги к реке Лена обобщены уже в советское время²⁶.

ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, Москва

А. П. Дубнов, Ф. В. Сухоруков
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОМПЛЕКС
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СО АН СССР

В 1977 г. Сибирское отделение АН СССР вступило в третье десятилетие своего развития. Значительным событием научной жизни Отделения в течение последних двух лет стала программа «Сибирь» — междисциплинарный комплекс научных исследований, в котором принимают участие 50 институтов и подразделений СО АН СССР и около 200 организаций различных ведомств. Программа «Сибирь» направлена на решение узловых проблем комплексного и эффективного использования минерально-сырьевых, энергетических, лесных, земельных, водных и биологических ресурсов сибирского региона. В рамках данного комплекса объединяются давно ведущиеся в СО АН СССР исследования по экономическим и социальным проблемам развития производительных сил Сибири.

Значительное внимание уделяется охране окружающей среды и решению экологических проблем в промышленно развитых районах и районах нового промышленного освоения. Сюда вошли многолетние исследования СО АН СССР по рациональному использованию ресурсов озера Байкал, программе хозяйственного освоения зоны БАМа, историческим и социально-культурным проблемам развития Сибири и многие другие.

Формирование данного комплекса дало новые стимулы научному поиску на стыках наук, объединило усилия экономистов и геологов, историков и социологов, математиков, химиков, биологов и физиков.

Междисциплинарный подход к организации научных исследований объективно обусловлен комплексным и крупномасштабным характером проблем развития производительных сил такого региона страны, каким является Сибирь. В исследованиях, охватываемых программой «Сибирь», выделяются экономический, ресурсно-сырьевой, демографический, научно-технический и экологический потенциалы региона. При этом анализируется двухсторонняя зависимость развития производительных сил страны и сибирского региона. Эта зависимость уже получила количественную оценку по результатам экономико-математических исследований и состоит в превышении темпов роста экономики Сибири на 20—40% над оптимальными темпами развития народного хозяйства в целом.

В качестве важнейшего фактора социально-экономического развития Сибири выступает научно-технический прогресс и обеспечивающий его региональный научно-технический потенциал, который включает исследовательский потенциал академической, отраслевой и вузовской науки, потенциал подготовки и переподготовки кадров (потенциал образования) и технический потенциал производства. Уровень развития научно-технического потенциала региона определяют темпы и сроки создания и масштабы расширения технологических решений, обеспечивающих качественно новые уровни производительности общественного труда. Поэтому подготовка решений на долгосрочную перспективу должна учитывать необходимость наращивания научно-технического потенциала Сибири до уровня, обеспечивающего ускорение научно-технического прогресса в народном хозяйстве, глубокую научную проработку региональных проблем и научную подготовку отраслевых, региональных и народнохозяйственных решений, определяющих развитие Сибири на перспективу.

Эффективное использование государственных средств на развитие науки обуславливает дифференцированный подход к развитию научных направлений, выявление перспективных исследований в области естественных и общественных наук, целенаправленное продвижение научных результатов в народное хозяйство путем формирования

²⁴ Серебренников И. И. Записка об экономическом положении..., с. 193.
²⁵ Там же.

²⁶ Березин Н. И. Сравнительное значение путей сообщения в Якутскую область и Ленский золотопромышленный район. Пг, 1922; Он же. Ближайшая задача железнодорожного строительства в Восточной Сибири. М., 1922.

целевых ресурсно-сырьевых, регионально-экономических и биосоциальных программ, дифференцированный рост и целесообразное формирование научных подразделений в региональных центрах Сибирского отделения.

Комплекс исследований по программе «Сибирь» имеет сложную структуру, он включает уже более 30 ресурсно-сырьевых, регионально-экономических и особо сложных биосоциальных подпрограмм. Одна из трудностей осмысливания такого комплекса междисциплинарных исследований заключается в том, что они отражают и региональные объекты, и взаимодействие с ними научно-технического потенциала, который эти исследования продуцирует.

Процесс внедрения научных результатов в народное хозяйство предусматривается на всех уровнях комплекса исследований: от отдельных видов техники, технологии, информационные и управляющие системы до формирования концепции развития нового решения особо сложных проблем (регулирование водохозяйственного баланса в масштабе макрорегиона, разработка вариантов развития экономики Сибири на среднесрочную перспективу). В настоящее время внедрение происходит в рамках различных соглашений по научно-техническому сотрудничеству с отдельными предприятиями и министерствами, по государственному плану, по заданиям директивных органов.

В перспективе последовательная реализация программы «Сибирь» потребует организации новых форм исследовательского потенциала академической, отраслевой и вузовской науки. Должны быть созданы новые типы комплексов НИИ и проектных институтов для разработки системы предплановых и плановых документов по программам региональных и территориально-производственных комплексов. Преобраз таких документов — программа развития производительных сил Красноярского края на 1971—1980 и 1981—1990 гг.

Целевая ориентация исследований по программе «Сибирь» разрабатывалась в процессе выявления первоочередных проблем руководством СО АН СССР совместно с местными партийными и советскими органами, с руководителями крупных предприятий в областных и краевых центрах Сибири. Обоснование способов комплексного и эффективного использования природных богатств сибирского региона стало исходной целевой установкой для всех исследований по программе «Сибирь». Включение в программу широкого круга социально-экономических и историко-культурных аспектов развития Сибири приводит к необходимости расширить целевую ориентацию программы и усовершенствовать ее структуру.

Общий принцип классификации исследований определен исходной целевой установкой на решение проблем комплексного и эффективного использования природных ресурсов региона и опирается на представление о последовательно-возрастающих уровнях комплексности. На I уровне разрабатываются программы комплексного использования одного вида природных ресурсов по всем стадиям от наращивания запасов до разработки технологии комбинированных производств. На II уровне готовятся программы комплексного использования нескольких взаимосвязанных видов природных ресурсов. На III уровне разрабатываются программы территориально-производственных комплексов с учетом производственно-технологических, экономических, социальных, экологических и других факторов регионального развития. На IV уровне программируется комплексное развитие территориальной социально-экономической системы, включающей единое управление процессами материального производства, воспроизводства трудовых ресурсов и условий жизни населения, производства знаний и воспроизводства природных условий. На V уровне разрабатываются крупномасштабные программы межрегионального значения, например система Ангара-Енисейских ТПК, зона хозяйственного освоения БАМа, программа межрегионального регулирования водохозяйственного баланса программа развития регионального научно-технического потенциала и др.

Очевидна известная условность в принципе классификации программ на основе последовательно усложняющихся уровней комплексности. Однако он оправдал себя на начальном этапе формирования программы и по необходимости может быть целесообразно изменен. Так, например, в стадии проработки находится блок технологических и технических программ, которые не связаны непосредственно с добычей и первичной переработкой природных ресурсов. В то же время термин «технологические ресурсы» производства используется все чаще. Разработка программы развития научно-технического потенциала связана с использованием интеллектуальных ресурсов, т. е. новых знаний, полученных в результате фундаментальных исследований. Эти и другие факты, по-видимому, приведут в дальнейшем к изменению принципа классификации в программе «Сибирь».

В настоящее время выделяются следующие классы целевых программ.

1. Минеральные сырьевые ресурсы: нефть, газ, уголь; железные руды; медь, свинец, цинк; агросырье (фосфориты, калийные соли); алмазы и др.
2. Биологические виды сырья: лесные ресурсы; биологические ресурсы сельскохозяйственного производства, в том числе земельные ресурсы; ресурсы растительного и животного мира и др.

¹ Материалы Всесоюз. конференции «Программно-целевые методы в планировании и управлении в свете решений XXV съезда КПСС». Секция «Методика и опыт разработки региональных программ». М., 1977, с. 5.

3. Энергетические ресурсы, в том числе проблемы энергетики Севера.

4. Программно-целевые региональные и территориально-производственные комплексы Сибири: нефтегазовый комплекс Западно-Сибирской равнины; Ангаро-Енисейский регион (в том числе Братско-Усть-Илимский, Нижне-Ангарский, Верхне-Ленский, Восточно-Бурятский, Саянский территориально-производственные комплексы); Кузбасский ТПК; Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс как часть программы комплексного развития производительных сил Красноярского края.

5. Биоэкономические и социальные программы особой сложности и масштаба: хозяйственное освоение зоны БАМа; ресурсы бассейна озера Байкал; переброска части стока сибирских рек на юг; экология, охрана окружающей среды; социальное развитие Сибири в условиях интенсивного промышленного освоения.

6. Нарастание научно-технического потенциала Сибири и развитие Сибирского отделения АН СССР.

Приведем общие характеристики некоторых целевых исследовательских программ.

Нефть и газ Западной Сибири. Исследования нацелены на создание научных основ существенного подкрепления Западной Сибири новыми ресурсами этих полезных ископаемых. Уже обоснованы перспективы нефтегазоносности палеозойских отложений юго-востока Западно-Сибирской плиты (Новосибирская, Томская, Омская области), что в принципе меняет отношение к поискам нефти в регионе.

Нефть и газ Восточной Сибири. Предусматривается широкий спектр геологических и геолого-геофизических исследований в Красноярском крае и Иркутской области (в основном в районе Непско-Ботубинского свода и в Якутии). В этих областях хотя и известны промышленные притоки нефти, крупных месторождений пока не открыто, но имеются определенные перспективы на нефть и газ.

Уголь Кузбасса. Намечается комплекс задач, решение которых повысит эффективность добычи угля в сложных условиях Кузбасса: совершенствование технологии разработки угольных пластов в подземных условиях, совершенствование технологии разработки угольных пластов открытым способом, автоматизированные системы проектирования и управления технологическими процессами, переработка и использование угля, экономика угледобычи, экономика топливных ресурсов.

Угли Канско-Ачинского бассейна. Планируется разработка вариантов развития КАТЭКа и создание основ комплексной энергохимической переработки угля с учетом природных условий бассейна и ограничительных факторов природной среды.

Медные руды Удоканского месторождения (Читинская область). Предусматривается разработка мероприятий по ускорению освоения месторождений, повышению степени извлечения металла из руд за счет разработки новых методов добычи и переработки их, по комплексному использованию руд и конечных продуктов их переработки. Важное значение имеют экономический анализ различных вариантов освоения месторождения и разработка предложений по охране окружающей среды при различных вариантах освоения.

Фосфориты и другое фосфатное сырье. Цель программы — выявление перспектив обнаружения новых месторождений фосфора и разработка эффективных механо-химических методов переработки фосфатного сырья в фосфорные удобрения.

Лесные ресурсы. Программа предусматривает широкий круг исследований по разработке критериев оценки изменений функций леса под влиянием хозяйственного освоения территорий, по рациональному использованию и воспроизводству лесных ресурсов на примере Красноярского края, по совершенствованию методов оценки лесосырьевых ресурсов, по комплексному использованию и обогащению древесного сырья.

Земельные ресурсы. Цель исследований — повышение продуктивности почв Западной и Восточной Сибири. Для его осуществления необходимо изучение основных особенностей почв, классификация и систематика их, разработка мероприятий по мелиорации почв в различных климатических зонах Сибири, составление рекомендаций по эффективному внесению макро- и микроудобрений в почвы и рациональному их использованию.

Растительные ресурсы. Предусматривается расширение ассортимента кормовых и пищевых растений для Сибири, разработка рекомендаций по повышению продуктивности растительного покрова, выведение новых сортов и гибридов сельскохозяйственных растений.

Ресурсы животного мира. Цель исследований — повышение продуктивности животного мира, выведение новых пород и гибридов сельскохозяйственных животных, разработка методов борьбы с вредителями и болезнями животных. Повышение продуктивности животноводства в Сибири связано с решением двух основных проблем: созданием новых форм животных мясного и молочного направления, способных как в условиях промышленных комплексов, так и при экстенсивном ведении отрасли обеспечивать высокую продуктивность; создание прочной и сбалансированной кормовой базы. Разрабатывается и комплекс мероприятий по резкому повышению продуктивности внутренних водоемов Сибири.

Ресурсы бассейна оз. Байкал. Ставится задача глубже разобраться в проблемах, возникающих в связи с освоением природных ресурсов бассейна озера. Необходимо уточнить прогнозы водного и гидрохимического баланса озера на ближайшие годы и перспективу до 2000 г.; разработать модель экосистемы озера и его водо-

сборного бассейна с учетом влияния антропогенных факторов, дать рекомендации по хозяйственному освоению озера и его водосборной площади.

Переброска части стока сибирских рек на юг. Цель программы — составить прогноз динамики изменений природной среды в долине Иртыша и низовьев Оби.

Это требует разработки методов долгосрочного прогнозирования стока рек; математического моделирования гидравлических, термических и гидрохимических режимов Обь-Тазовской устьевой области; проведения геолого-геоморфологических исследований в районах предполагаемых трасс переброски и определения возможных изменений почвенно-мелиоративных условий в связи с территориальным перераспределением стока; экономического анализа вариантов комплексного использования водных ресурсов Среднего региона.

Экология, охрана окружающей среды Сибири. Предусматривается изучение общих вопросов прогноза состояния и изменений природной среды, разработка научных основ глобальных и региональных прогнозов климата и методов активного воздействия на атмосферные процессы. На основе исследования природных режимов будут даны прогнозы изменений окружающей среды, оптимального использования земель и рационального перераспределения водных ресурсов отдельных районов Сибири.

Формирование данного комплекса междисциплинарных исследований можно рассматривать как переход к программно-целевому принципу планирования, организации и управления исследованиями, представляющему более эффективный путь прямого воздействия фундаментальной науки на производство, повышение эффективности затрат государства на науку.

Программно-целевой подход развивает принцип «выхода на отрасль» выходом на межотраслевые народнохозяйственные и региональные комплексы отраслей — топливно-энергетический, агропромышленный, водохозяйственный и другие. Этот подход развивает идею координационных планов в новую форму связи науки с производством — крупномасштабные целевые программы долгосрочного сотрудничества учреждений Сибирского отделения с головными предприятиями отраслей, плановыми и хозяйственными органами союзного, республиканского, краевого и областного уровней. Целевые программы требуют создания системы управления, планирования и ориентации, отвечающей принципам программно-целевого подхода. Предусматривается, что это будет многоэтапный процесс с постоянной адаптацией существующей системы организации обеспечения научной деятельностью в Сибирском отделении.

Главная задача руководства исследованиями состоит в объединении усилий всех заинтересованных ведомств и учреждений для научного обоснования стратегии социально-экономического развития Сибири на долгосрочную перспективу. Эффективность руководства научными исследованиями и разработками в форме целевых долгосрочных программ зависит от многих факторов и, в первую очередь, от компетенции ведущих специалистов-руководителей, способности аппарата управления обеспечить высокое качество комплексного планирования и согласованность действий исполнителей.

На первом этапе на базе сложившейся организации и управления научными исследованиями и разработками в Отделении начато организационное оформление определенных уровней системы руководства программой «Сибирь».

Первый уровень: научный совет по программе «Сибирь» во главе с одним из руководителей Отделения и главными координаторами программы.

Научный совет объединяет секции по минеральным ресурсно-сырьевым, биологическим ресурсно-сырьевым, регионально-экономическим, биоэкономическим и особо сложным программам.

В состав научного совета входят координаторы всех целевых программ, руководители координационных планов СО АН СССР, руководители научно-исследовательских подразделений, участвующих в разработке программы «Сибирь», но не входящих в систему СО АН СССР, а также представители аппарата Президиума.

Исполнительный орган, формируемый в аппарате Президиума СО АН СССР под руководством главного ученого секретаря Отделения. Основой его является управление организацией научных исследований Президиума СО АН СССР.

Второй уровень: координационный совет во главе с координатором целевой программы, отвечающим за руководство разделом программы. В совет входят руководители подпрограмм от всех организаций, участвующих в ее разработке.

Исполнительный орган, формируемый координатором целевой программы и возглавляемый ученым секретарем Координационного совета в ранге старшего научного сотрудника, подчиняющегося координатору программы, начальнику УОНИ Отделения и одному из его заместителей.

Третий уровень включает временные научные коллективы, состоящие из ученых и специалистов учреждений различной ведомственной подчиненности, непосредственно выполняющих исследования и разработки по целевой программе. Такие коллективы возглавляются ответственными исполнителями, которые подчиняются руководству своего учреждения и координатору целевой программы.

Вертикальные уровни отражают принцип подчиненности в ответственности в системе руководства программой «Сибирь». Структура горизонтальных связей каждого уровня с заинтересованными институтами, организациями и учреждениями нуждается в дальнейшей серьезной проработке. Должны быть определены правовые и ресурсно-

финансовые полномочия программы «Сибирь», принципы и условия, передачи промежуточных и конечных научных результатов планирующим и хозяйственным органам.

Основные функции руководства программами распределяются по указанным уровням путем делегирования соответствующих полномочий и состоят в планировании, ориентировании на реализацию целей программы, целесообразном распределении кадровых, финансовых и материальных ресурсов, в целесообразной организационно-структурной политике, учитывающей координацию исследований и разработок, в целевом управлении, включающем контроль, анализ, эффективные управляющие воздействия (стимулирование и санкции), в эффективной обратной связи между всеми уровнями руководства с помощью специальной информационной системы, постоянной оценке эффективности самой системы руководства программой.

Специфику уровней руководства можно охарактеризовать таким образом: на первом уровне разрабатывается общая стратегия, включающая взаимосвязанное рассмотрение целей, ресурсов, организации, управления и оценок всей работы, принимаются ключевые решения, производится согласование стратегии с директивными и плановыми органами, руководством высшего уровня по ведомственной принадлежности координируемых организаций.

На втором уровне сосредотачиваются основные вопросы организации и управления процессом разработки и реализации программы.

На третьем уровне осуществляется непосредственное руководство процессом преобразования результатов фундаментальных исследований в конечные и промежуточные результаты целевой программы, готовые к использованию на различных уровнях принятия народнохозяйственных решений и включению в государственные планы экономического и социального развития.

Формирование программы «Сибирь» и системы руководства ею находится на начальном этапе. Переходные условия от действующей системы координации, планирования, организации и управления академическими, отраслевыми и вузовскими исследованиями и разработками к проектируемой требуют особого внимания к оценке выполнения каждой функции руководства в сложившейся системе и формированию ее нового содержания в системе целевого руководства, исследованию того, что мешает переходу от существующего управления к целевому, а также разработку необходимых мероприятий для этого перехода.

Президиум СО АН СССР, Новосибирск

А. А. Кин

КООРДИНАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ СТРОИТЕЛЬСТВА И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗОНЫ БАМА

Советский Союз накопил большой опыт крупномасштабного пионерного освоения природных богатств восточных районов страны. При создании нефтяной базы в Среднем Приобье железная дорога пришла в район Сургута и Нижневартовска, когда самые трудоемкие работы по первичному обустройству были завершены. Экономическое освоение районов, тяготеющих к Байкало-Амурской магистрали (БАМ), ориентировано на другую последовательность: строительство магистрали, затем хозяйственное освоение зоны ее влияния.

БАМ по своей протяженности и сложности условий строительства является беспрецедентной стройкой. Широкая протяженность от г. Усть-Кута (ст. Лена) до г. Комсомольска-на-Амуре через Нижнеангарск, Чару, Тынду, Ургал составит 3145 км, а с учетом строительства малого БАМа в меридианальном направлении (БАМ — Тында — Беркаит) общая протяженность БАМа составит более 3500 км.

С начала строительства БАМа прошло 5 лет. За этот короткий срок практически на пустом месте в районах малонаселенных и в транспортном отношении труднодоступных создан сотысячный коллектив строителей, построено около 50 поселков городского типа.

Территория, примыкающая к БАМу, составляет около 1,5 млн. км². В этой зоне сосредоточены крупные запасы разнообразных полезных ископаемых, вовлечение которых в народнохозяйственный оборот экономически эффективно. Трасса БАМа пересекает ряд крупных геологических регионов, каждый из которых характеризуется особенностями геологического строения и специфическим комплексом полезных ископаемых. В пределах западного крыла выявлен ряд структур перспективных на нефть и газ. Там же найдены отложения калийных солей, имеются проявления медной и свинцово-цинковой минерализации, близко расположена Ангаро-Илимская железорудная провинция. В зоне БАМа в пределах Бурятской АССР и Читинской области располагается ряд крупных месторождений цветных и редких металлов. Сыннырский массив калийсодержащего сырья привлекает внимание как комплексное сырье для производства глинозема и калийных удобрений. В непосредственной близости к трассе БАМа находится Молодежное

месторождение хризотил-асбеста и известное Удоканское месторождение медистых песчанников. Вблизи центрального участка БАМа сосредоточены месторождения коксующихся углей Южно-Якутского бассейна и железорудные месторождения. Богат разнообразными полезными ископаемыми и восточный участок зоны БАМа, хотя он в геологическом отношении и менее изучен. Уже разрабатывается известный Комсомольский район. Таким образом, в зоне хозяйственного освоения зоны БАМа выявлен ряд месторождений полезных ископаемых, имеющих большое народнохозяйственное значение. Есть геологические предпосылки значительного увеличения запасов полезных ископаемых в разведанных районах и обнаружения новых месторождений различного сырья.

Важной особенностью зоны БАМа является групповое размещение полезных ископаемых, что будет способствовать комплексному освоению природных богатств путем создания в зоне БАМа ряда крупных территориально-производственных комплексов (ТПК).

В свете предстоящего широтного крупномасштабного освоения богатств зоны БАМа важнейшей научно-практической задачей является выбор экономической стратегии такого освоения, определение границ и производственной структуры будущих ТПК, выбор технической политики разработки месторождений в этих районах и т. п., т. е. составление комплексной программы БАМа.

В целях координации научных исследований, проводимых учреждениями Академии наук СССР и связанных как со строительством БАМа, так и с освоением прилегающих территорий, в 1975 г. создан Научный совет АН СССР по проблемам БАМа, возглавляемый акад. А. Г. Аганбегяном. В состав научно-координационного органа входят секции: геологии и минеральных ресурсов, проблем охраны окружающей среды и социально-экономических проблем.

Вопросы хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали разрабатываются в настоящее время во многих научных центрах страны, в институтах ВАСХНИЛа, АМН СССР, в научно-исследовательских учреждениях высшей школы, в различных отраслевых министерствах и ведомствах. Научный совет АН СССР работу по координации исследований строит на основе тесных контактов с научными подразделениями министерств и ведомств и отраслевыми академиями, на долю которых по координационному плану приходится около 20% всех научных исследований.

Институты АН СССР проводят и совместные научно-исследовательские работы с НИИ ряда министерств и ведомств. Так, например, Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и Сибирское отделение ВАСХНИЛа совместно решают комплексную проблему «Создание продовольственной базы в зоне БАМа»; Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР с Сибирским филиалом АМН СССР исследуют проблему «Адаптация человека к условиям Севера»; Институт геологии и геофизики СО АН СССР координирует свои исследования с институтом Министерства геологии СССР.

Деятельность Научного совета и его секций развивается на основе единых пятилетних координационных планов по проблемам строительства и хозяйственного освоения зоны БАМа. При разработке первого такого плана основные направления исследований были условно разделены на три группы:

1. Изучение всех видов ресурсов и способов их эксплуатации. Эта группа исследований составляет 62% от количества тем, выполняемых по проблеме.
2. Способы ведения строительства и социально-экономическое развитие хозяйства зоны БАМа (22%).
3. Охрана здоровья человека и окружающей среды (16%).

Основная часть работы по накоплению знаний по проблемам БАМа падает на академические научно-исследовательские институты. В координационном плане доминируют исследования проблем геологического профиля. Такое положение нельзя считать случайным. Глубинным социально-экономическим проработкам в районах нового освоения должны предшествовать исследования, направленные на получение максимальной полной информации о минерально-сырьевых ресурсах региона.

Включенные в координационный план исследования можно представить в виде системы, построенной по принципу научно-производственного цикла. Она включает этапы движения от фундаментальной научной идеи к прикладному исследованию, далее к созданию и эксплуатации технических систем и учитывает возможные социально-экономические последствия ее реализации. В этой системе около 70% исследований приходится на долю фундаментальных и прикладных наук. Опытные конструкторские разработки составляют примерно 17%, что свидетельствует об усилении роли академической науки в решении производственных задач и внедрении научных достижений непосредственно в практику строительства магистрали и освоения зоны БАМа.

Исследования, координируемые Научным советом, носят или многоаспектный характер, когда решение поставленных проблем оказывает влияние на многие стороны хозяйственного освоения, или одноаспектный характер, когда их решение локализовано. Доля последних составляет более 60%, что свидетельствует о преобладании исследований, связанных с накоплением знаний по конкретным проблемам предстоящего освоения. На уровне фундаментальных исследований соотношения между много- и одноаспектными исследованиями складываются как 1:2, прикладных исследований — 1:1,7 и на уровне ОКР и социально-экономических исследований эти соотношения складыва-

ются как 1:1. По мере конкретизации поля деятельности начинают доминировать одно-аспектные исследования. Это не случайно: реальная практика строительства и перво-очередного освоения районов, тяготеющих к построенным участкам БАМа, требует неотложного решения ряда технических и социально-экономических задач. Надо ожидать, что в координационном плане на одиннадцатую пятилетку будут преобладать темы, связанные с разработкой конкретных рекомендаций по хозяйственному освоению зоны БАМа, размещению и производственной структуре ТПК, и социально-экономические исследования.

Свою деятельность Научный совет осуществляет путем проведения конференций по проблемам БАМа, периодических заседаний. Подавляющая часть заседаний Научного совета проходила непосредственно в районах строительства Байкало-Амурской магистрали. На выездных сессиях совета рассматривались узловые проблемы строительства и хозяйственного освоения территорий, тяготеющих к уже построенным участкам БАМа. Научный совет проводил свои выездные сессии на западном участке БАМа, в городах Северобайкальске, Тывде, Нерюнгри, Комсомольске-на-Амуре. Члены совета имели возможность проехать в пассажирском поезде по западному участку Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, по всему малому БАМу. Во время таких поездок проходили встречи со строителями БАМа, члены совета выступали с лекциями по перспективам хозяйственного освоения зоны, примыкающей к трассе БАМа.

Результаты работы выездных сессий Научного совета выражаются в конкретных рекомендациях директивным органам, министерствам и ведомствам по узловым проблемам строительства и хозяйственного освоения зоны БАМа. Так, например, знакомство с ходом строительства Бурятского участка БАМа (сентябрь 1978 г., г. Северобайкальск) показало, что этот труднейший участок строится успешно. Единственно, что может удлинить срок создания БАМа как сквозной магистрали, это возможные трудности с синхронным вводом в эксплуатацию Северо-Муйского тоннеля протяженностью 15 км. Совет рекомендовал строить параллельно с тоннелем железнодорожный обход. Такой обход будет способствовать решению ряда задач: ускорению строительства наиболее сложного участка трассы БАМа от восточного портала тоннеля до р. Витим, повышению надежности эксплуатации трассы БАМа как линии сквозного движения поездов, возможности приступить раньше (примерно на 2—3 года) к освоению некоторых уникальных природных ресурсов и сооружению Мокской ГЭС и т. д.

Обсуждение на заседании совета в г. Нерюнгри в марте 1979 г. проблем формирования первенца хозяйственного освоения зоны БАМа — Южно-Якутского ТПК показало, что стратегия освоения природных ресурсов в этом районе выбрана правильно. Железная дорога в Нерюнгринский угольный бассейн пришла к моменту плановой отгрузки коксующегося угля народному хозяйству. Второй положительный момент — крупномасштабное производство на основе новейшей технологии и техники повышенной единичной мощности (например, автосамосвалы вместимостью 110 м³). Однако в Южно-Якутском ТПК пока еще ввод объектов социально-бытовой инфраструктуры отстает от потребностей. Совет принял конкретные рекомендации, реализация которых будет способствовать решению проблем жилья в районах освоения зоны БАМа.

Главный результат координационной деятельности Научного совета — разработка долгосрочной программы исследований проблем хозяйственного освоения зоны БАМа. Целевая ориентация, выбор социально-экономической и научно-технической стратегии с учетом специфических природно-климатических условий и других особенностей долговременного процесса хозяйственного освоения зоны БАМа требуют предварительного выполнения комплекса фундаментальных и прикладных исследований, которые должны стать научной основой для принятия практических решений.

Долговременный период хозяйственного освоения природных богатств территорий, тяготеющих к БАМу, ставит перед исследователями задачу расширения временного горизонта до границ, в которых перспективы развития можно обсудить только в вероятностных терминах. Это значит, что применяемые методы прогнозирования будущего не могут базироваться на экстраполяции сложившихся тенденций. Приемлемым инструментарием может служить ситуационный анализ и его методы, в частности написание сценариев будущего¹.

С учетом материалов XXV съезда КПСС на основе научных разработок институтов АН СССР совместно с научными учреждениями, ведущими исследования в рамках координационного плана, Научный совет подготовил доклад о научных основах программы хозяйственного освоения зоны БАМа. В этой работе комплексно рассмотрены как методологические вопросы построения программы БАМа, так и ее практическая направленность. Предложены варианты решения проблемы хозяйственного освоения с учетом ситуаций будущего (сценариев) развития всей страны и наращивания экономического потенциала восточных районов.

В докладе, как обобщающем документе деятельности Научного совета, сделана попытка определить степень взаимодействия элементов производительных сил с компонентами природного комплекса. Это дало возможность более четко сформулировать социально-экономическую и научно-техническую стратегию хозяйственного освоения

¹ См.: Гробер В. Д., Дубнов А. П., Кин А. А. Особенности структуры региональных программ. — В кн.: Методика и опыт разработки региональных программ. М., 1977, с. 3—10.

зоны БАМа. Элементы этой стратегии могут служить критериями практической приемлемости проводимых по проблеме предплановых и научных проработок. Здесь же исследованы по взаимосвязи процессы формирования трудовых ресурсов, их привлечение и закрепление, рост численности населения, требования к условиям его адаптации, необходимые предпосылки для создания материальных и культурно-бытовых условий. Проанализированы вопросы формирования фондов потребления населения зоны БАМа.

В исследованиях по проблемам БАМа большое внимание уделяется вопросам производства продукции с ориентацией на экспорт. Изучается также вопрос возможности транзитных контейнерных перевозок в направлении восток — запад.

Участие в подготовке и проведении Всесоюзных научно-практических конференций по различным аспектам проблемы хозяйственного освоения зоны БАМа — еще одна форма деятельности Научного совета. Так, по его инициативе в сентябре 1975 г. в Чите проведена 1-я Всесоюзная научно-практическая конференция, на которой были обсуждены заделанные исследования по программе БАМа и намечены главные направления научного поиска. В сентябре 1977 г. в Благовещенске состоялась 2-я Всесоюзная конференция, на которой в соответствии с научно-методическими рекомендациями, принятыми на предшествующей конференции, обсуждались научные основы программы БАМа. Это позволило Научному совету подготовить для министерств и ведомств конкретные рекомендации по широкому спектру проблем хозяйственного освоения природных ресурсов зоны БАМа.

В марте 1979 г. в г. Тывде Научный совет совместно с научными подразделениями Академии медицинских наук и ГлавБАМстроем организовал и провел Всесоюзную научно-практическую конференцию «Человек на БАМе». Работа конференции была посвящена обсуждению вопросов исключительной важности, на которые обратил внимание Л. И. Брежнев во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока. «В районах стройки, — говорил Л. И. Брежнев, — надо создавать хорошие условия для быта, больше уделять внимания строительству жилья, клубов, школ, и делать надо это с необходимым размахом и на должном техническом уровне, с учетом климатических условий...»¹ Конференция подвела итоги большой работы, которую проводят научные, хозяйственные, партийные и советские организации по ключевым вопросам улучшения условий жизни и быта людей, работающих на БАМе, и наметила основные направления научных исследований и конкретные мероприятия по улучшению условий жизнедеятельности человека в районах БАМа².

Приближается время широкого вовлечения в народнохозяйственный оборот природных ресурсов, расположенных в районах, куда уже пришла трасса БАМа. Практические рекомендации заинтересованным министерствам и ведомствам по формированию хозяйства в зоне БАМа должна дать 3-я Всесоюзная научно-практическая конференция, которая будет проходить в 1980 г. в г. Улан-Удэ.

Институт экономики и организации промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск

Д. Я. Резун

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО НИЖНЕГО ИЛИМА (НА МАТЕРИАЛЕ Д. КОРОБЕЙНИКОВО)

В предыдущей статье уже приведены сведения о Нижнеилимской волости Илимского уезда XVII в., о заселении этого края, дана краткая историко-архитектурная характеристика района работы Илимского отряда ИИФ СО АН СССР в 1973—1974 гг.³ Задача данного очерка — лишь историко-архитектурное описание самой деревни Коробейниково.

Дер. Коробейниково находилась примерно в 15 км от бывшего районного центра — г. Нижнеилимск, бывшей Нижнеилимской Тушамской слободы XVII в. в нижнем течении Илима. Для этого района издавна характерна большая скученность поселений, наплыв населения. Для этого района издавна характерна большая скученность поселений, наплыв населения. Для этого района издавна характерна большая скученность поселений, наплыв населения. Для этого района издавна характерна большая скученность поселений, наплыв населения.

¹ Правда, 1978, 3 апр., с. 1.

² Известия, 1979, 27 апр., с. 2.

³ См.: Вилков О. Н., Резун Д. Я. Историко-архитектурные особенности Илимского края в XVII в. — Изв. СО АН СССР, 1978, № 1, Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 92—97.

⁴ Баранкин В. В., Покшишевский В. В. Формы расселения и типы сельских населенных пунктов в районе Средней Ангары — Верхней Лены. — В кн.: Вопросы географии. М., 1949, с. 43—74.

тик, и там стали селиться новоприходцы. Старая часть деревни имела однорядную застройку. Избы ставились рядом — бок о бок. По этой же линии располагались и амбары, повернутые к улице боковой стороной. Фасады домов были обращены к реке, что придавало деревне живописный вид. В новой части деревни преобладала уже двухрядная застройка, и к реке крестьянские дворы выходили со стороны огородов. Бани, коптильни располагались на самом краю речной террасы. Амбары в большинстве своем были двухэтажные, один или два на каждый двор.

В старой части деревни вплоть до настоящего времени большинство жителей носило фамилию Погадаевых. Эта фамилия и самая старинная: Погадаевы встречаются уже среди списков жителей Нижнеилимской волости XVII в. Погадаевы были среди тех, кто, не желая мириться с феодальным гнетом, бежал на новые земли в «Дауры»; среди тех, кто будучи грамотен, ездил в Москву с жалобой на местные власти по членству илимских крестьян. По всей видимости, эта поездка была успешной, и на обратном пути «посланы они с Москвы в Сибирь за государевым железом в провожатых и даны им из Сибирского приказа и прогонные и кормовые деньги»⁵.

Определенную информацию о старожильческом населении дают также клейма на кованых гвоздях, найденных при разборке памятников деревянного зодчества. В деревне Коробейниково преобладают кованые гвозди с клеймами на шляпках: Д, М, П, К, ЮЗ, С. Гвозди с клеймами Д, М и П чаще всего встречались в старожильческой части деревни; с клеймами ЮЗ преобладали уже на новостройке, за оврагом⁶. В Большой Деревне были обнаружены лишь клейма ЮЗ и С, а в д. Ступино лишь клейма С. Один из старожилов Большой Деревни В. Г. Слободчиков (его дед и отец и он сам занимались кузнечным ремеслом) вспоминал, что еще в начале XX в. существовали кузницы в Большой Деревне и в Коробейниково⁷.

В д. Коробейниково сохранилось немало построек, по своему типу уходящих в глубь XVII—XVIII вв. Одним из таких интересных объектов является одноэтажный амбар в усадьбе одного из потомков первых Погадаевых — В. М. Погадаева.

Этот амбар, по словам В. М. Погадаева, ставил еще его прадед. Амбар представлял собой одноэтажный сруб размером 4,20 на 3,35 м, собранный из крупных бревен диаметром около 40 см. Торцы некоторых бревен обработаны топором без применения пилы. По главному фасаду, сверху над дверью высотой в четыре бревна и шириной в три выступал «облам», придавая амбару внушительный вид. Крыша двухскатная с сохранившимися остатками «конька» на охлупне и «куриц». Каждый скат держался на пяти слегах, на которые когда-то был положен слой древесной коры по всей ширине ската. В выступающей части — в «обламе» — прорублены два прямоугольных отверстия: одно на горизонтальной плоскости «облама», другое — на вертикальной плоскости. Оба отверстия размещались прямо над дверью.

Вход в амбар располагался на уровне трех венцов бревен снизу. Дверь, сбита из бревен-половинок, размещалась в центре фасадной линии. Она оборудована толстыми колодами и «подушкой» с массивным порогом. Нависший над ней выпуск бревен скрадывал ее размеры и зрительно делал меньше.

Сам амбар уходил в землю на два венца. Пол настлан из толстых бревен. По обеим сторонам располагались лари с отделениями. Посередине между ларями в полу находился вход в погреб, размеры которого в длину и ширину были несколько меньше, чем параметры наземного сооружения. Погреб углублен в землю почти на два метра, между потолком погреба и полом наземной камеры проложен слой земли. В земляных стенах погреба экспедиция обнаружила некоторые сохранившиеся остатки второго сруба⁸. Подобный амбар был обнаружен экспедицией и в д. Зыряново, но там он выполнял роль сеника⁹.

Судя по литературе¹⁰, такой тип постройки амбара чрезвычайно редок. Ничего не говорит о нем и Г. К. Вагнер, изучавший деревянное зодчество русских старожилов Среднего Приангарья и Илим¹¹. Отсутствует описание таких хозяйственных построек и в фундаментальном труде «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири» (ч. 1, Новосибирск, 1971). Но указания на похожий тип амбаров все же можно встретить в работах Е. А. Ащепкова и В. П. Орфинского¹².

Но амбар в д. Коробейниково в отличие от амбара, описанного В. П. Орфинским, сильно напоминает тип казачьего зимовья эпохи первых землепроходцев Сибири. Большой частью зимовья не были укреплены, но некоторые из них, «приобретая важное воен-

⁵ См.: Первое столетие Иркутска. Спб., 1902, с. 96; Сафонов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII веке. Якутск, 1956, с. 165.

⁶ Полевой дневник Илимского отряда. ИИФ СО АН СССР, 1974, с. 22.

⁷ Там же.

⁸ Амбар. Баня. Погреб. Илимский отряд. Альбом чертежей. ИИФ СО АН СССР, 1974, л. 7—12.

⁹ Полевой дневник..., с. 29—30.

¹⁰ См.: Александров В. А. Русское жилище в Восточной Сибири в XVII—начале XVIII века. — СЭ, 1960, № 2, с. 44—56.

¹¹ Вагнер Г. К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье. — СЭ, 1965, № 3, с. 52—68.

¹² Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953, с. 102, 105; Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972, с. 48—49.

ное значение», в ходе колонизации Сибири обносились небольшим острогом¹³. Зимовья землепроходцев представляли собой обыкновенные деревянные срубы «клетью». В целях обороны над срубом на уровне первого перекрытия делались «нагородни», выступающие над срубом на 1—1,2 м, откуда оборонявшиеся могли отражать нападения. Такое сооружение было своего рода прообразом крепостной башни, совмещающей оборонную и жилую функции¹⁴. Подобные зимовья русские землепроходцы ставили в «новых землях», и они были типичны для деревянного строительства Восточной Сибири¹⁵. Некоторые элементы амбара из д. Коробейниково как «облам» и прорези в нем, расположенные дверей, «волоковые окна» делают его похожим даже на башню Братского острога. В силу большой консервативности и традиционности, присущих вообще крестьянскому зодчеству¹⁶, амбар из д. Коробейниково сохранил ряд черт оборонного зодчества, характерных для эпохи присоединения Сибири.

Другим интересным объектом, привлечшим внимание нашей экспедиции, был двухэтажный амбар с галереей, также находившийся в старожильческой части деревни. Амбар был срублен «клетью» и разделен на два помещения как на первом, так и на втором этаже. Длина амбара 10 м, ширина — 4,60, высота — свыше 4 м с коньком на крыше. Боковые стены выступали за пределы лицевой стороны, образуя опору для большой площадки балкона галерей. Эти боковые стены закрывали вход и лицевую сторону амбара от ветров и дождя, что обеспечивало амбару хорошую сохранность. На первом и втором этажах находилось по две двери. На второй этаж шла крутая лестница. Сама галерея на втором этаже ограждена перилами с балясинами, что придавало амбару строгий вид. Крыша двухскатная из бревен-половинок со следами сохранившегося «конька» и «куриц», причем и здесь было применено покрытие корою. Внутренние перегородки не сохранились, но сделанные экспедицией обмерные чертежи позволяют полностью восстановить их первоначальный вид¹⁷.

Итак, самыми замечательными постройками в д. Коробейниково были амбары. И те, кто видел их, вполне могут согласиться со словами Е. А. Ащепкова, что «своеобразной поэзией веет от целого ряда маленьких и больших амбаров, завершающих свои объемы общую композицию села»¹⁸.

Как справедливо заметил А. И. Копанев, выступая на страницах газеты «Известия» при обсуждении проекта закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры»: «...описания снесенных населенных пунктов, взятые в совокупности для той или иной местности, позволяют судить о колонизационных процессах, о демографических явлениях, об искусстве домостроения и планировки поселений, практике освоения новых земель»¹⁹.

Институт истории, филологии и философии СО АН СССР,
Новосибирск

И. А. Моветов

УЧЕБНО-НАУЧНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

Новосибирскому государственному университету им. Ленинского комсомола в сентябре 1979 г. исполняется 20 лет. Возраст поистине комсомольский, однако за этот относительно небольшой период НГУ накопил весьма ценный опыт, который получил высокую оценку ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а также стал предметом пристального изучения не только в нашей стране, но и за рубежом. Если говорить коротко, суть опыта подготовки высококвалифицированных кадров состоит в интеграции университета с научно-исследовательскими институтами Сибирского отделения АН СССР, в создании учебно-научно-воспитательного комплекса.

Рассмотрим эту деятельность Новосибирского научного центра на примере творческого сотрудничества гуманитарного факультета НГУ и Института истории, филологии

¹³ Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.). — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. 1. Новосибирск, 1971, с. 125—126.

¹⁴ Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. — В кн.: Города Сибири. (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974, с. 11.

¹⁵ См.: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. Сб. документов, № 36. М., 1952, с. 154; Маковецкий И. В. Указ. соч., с. 121.

¹⁶ Ащепков Е. А. Указ. соч., с. 100.

¹⁷ См.: Амбар. Баня. Погреб..., л. 4—6.

¹⁸ Ащепков Е. А. Указ. соч., с. 109.

¹⁹ Копанев А. Следы древних деревень. — Известия, 1976, 24 сентября, с. 2.

— развитие рабочего класса и формирование его как класса социалистического типа, повышение его руководящей роли в обществе и оказание им всесторонней помощи в социалистическом преобразовании уклада жизни крестьянства;

— формирование аграрного отряда рабочего класса и его роль в социалистическом строительстве в деревне; в расширении сферы действия союза рабочих и крестьян;

— социальные изменения в крестьянстве, формирование класса колхозного крестьянства на основе коллективизации, его сближение с рабочим классом и возрастание его вклада в социалистическое строительство;

— развитие и обогащение экономических и политических линий взаимосвязи, взаимовлияния города и деревни;

— общие закономерности и региональные особенности создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма.

Привлечение обширного и разнообразного конкретного и обобщенного материала, в том числе впервые введенного в научный оборот, осмысление его с классово-партийных позиций позволило авторам успешно справиться с поставленными задачами и раскрыть в хронологически-проблемном порядке существенные черты многогранного процесса развития и укрепления союза рабочего класса с крестьянством Сибири в период построения социализма.

Учитывая, что главной трудностью в процессе складывания союза рабочего класса и крестьянства было привлечение последнего к революции и социалистическому строительству, авторы книги акцентируют внимание именно на этих сторонах проблемы.

В историографии данной темы до сих пор не преодолена известная односторонность, заключающаяся в том, что о противоречиях между рабочими и крестьянами, существовавших в начале переходного периода, историки нередко умалчивают. Авторам рецензируемой книги удалось избежать этой односторонности. Они показывают всю сложность проблемы формирования и упрочения союза рабочего класса с крестьянством. В книге на богатом фактическом материале раскрывается, как благодаря научно обоснованной политике Коммунистической партии была предотвращена реальная угроза раскола союза рабочего класса и крестьянства и умело решена труднейшая задача осуществления их прочного союза.

В монографии убедительно обосновывается периодизация развития союза рабочего класса с крестьянством в 1917—1937 гг. и раскрывается конкретное содержание взаимоотношений этих классов, изменение форм и методов руководства крестьянством со стороны пролетариата на различных этапах борьбы за социализм. Прослеживаются последовательность и преемственность разработки Коммунистической партией путей и форм упрочения союза рабочего класса с крестьянством и конкретная деятельность партийных организаций и Советов Сибири по их осуществлению.

Вполне понятно стремление авторов рецензируемой работы к выявлению региональных особенностей формирования союза рабочих и крестьян. Так, в монографии аргументировано положение о том, что партизанское движение явилось высшей формой проявления военно-политического союза рабочего класса с крестьянством Сибири в годы гражданской войны. Некоторые особенности в формировании союза рабочего класса и крестьянства имели место в Сибири и в первые годы нэпа, которые вызывались главным образом агрессивностью кулачества (сравнительно меньше «подрезанного» в результате аграрной революции); более значительными, чем в европейской части России, колебаниями середняков; недостаточной надежностью (в первое время после освобождения от колчаковщины) работы советского аппарата и др. Не случайно именно в Сибири, где особенно ощущалась потребность в усилении пролетарского влияния в деревне, и получило широкое распространение планомерное рабочее шествие над деревней, в котором В. И. Ленин прозрачно увидел одну из основных форм упрочения союза рабочего класса с крестьянством.

В работе документированно раскрывается возрастание руководящей роли рабочего класса в обществе, прежде всего в отношении крестьянства, как одной из закономерностей строительства социализма.

Форсированное развитие социалистической промышленности в Сибири привело к преодолению экономической отсталости Сибири и превращению ее в один из развитых индустриально-аграрных районов страны. Это обусловило ускорение роста молодого сибирского рабочего класса и формирования его социально-политического облика. Авторы обстоятельно показывают, что особенность Сибири состояла не только в количественном и качественном росте рабочего класса и повышении его роли в осуществлении союза с крестьянством; но и в огромном идейном и организационном воздействии на крестьянские массы Сибири пролетариата всей страны и прежде всего рабочих центральных промышленных районов.

В работе наглядно и убедительно доказано, как в ходе строительства МТС и совхозов и формирования аграрного отряда социалистического рабочего класса проблема союза рабочих с крестьянами выходит за рамки сферы взаимоотношений города с деревней, в известной степени становясь и внутридеревенской проблемой. Авторы детально исследуют вопрос о росте влияния сельскохозяйственных рабочих на крестьянство, о взаимосвязях МТС и совхозов с колхозами.

Достоинством рецензируемой монографии является всестороннее раскрытие вклада крестьянства в построение социализма в нашей стране. Дело в том, что проблема «обратной связи», т. е. вклада крестьянства в строительство социалистического общества,

а также сложной и многогранной взаимосвязи рабочего класса с крестьянством, в том числе опосредованной государством через политику машинного снабжения, заготовок, торговли и т. п., до сих пор изучена чрезвычайно слабо.

В книге методологически правильно освещена центральная проблема региональной темы — соотношение общего и особенного в социалистическом строительстве. Специфика создания и развития союза рабочего класса с крестьянством в Сибири рассматривается авторами как форма проявления общих закономерностей этого процесса.

Следует также отметить, что в книге дан не только обстоятельный анализ советской историографии по теме, но и содержится краткая, но емкая и аргументированная критика концепций буржуазных советологов.

Вполне объяснимо, что в монографии, посвященной столь сложной и многогранной теме, не все вопросы исследованы в равной степени обстоятельно. В отдельных главах (I—III) чувствуется неодинаковое соотношение обобщенных сведений и конкретно-фактического материала. Кстати отметим, что в III—VI главах в иллюстративном материале преобладают данные по Западной Сибири. В книге имеются некоторые неточности. На странице 76, например, сказано, что В. И. Ленин 7 февраля 1918 г. направил записку в Наркомзем с просьбой поддержать почин петроградских рабочих об устройстве ими коммуны на свободных землях в Сибири. На самом деле эта записка была написана и направлена Владимиром Ильичом 12 февраля. Встречаемся и отдельные неудачные формулировки: «в 1918 году земские сборы увеличились по сравнению с 1917 годом в уездах Томской губернии от 8,5 до 77,6, в Алтайском — от 42,9 до 77 раз» (с. 109). И еще одно замечание. В системе мероприятий партии и государства по укреплению союза рабочих и крестьян авторы недостаточно, на наш взгляд, проанализировали и обобщили комплекс мер по идеологическому обеспечению упрочения этого союза.

В целом же монография Н. Я. Гущина, Ю. В. Жукова, Л. И. Боженко — законченное фундаментальное исследование, в котором на протяжении длительного исторического этапа рассматривается в развитии вся совокупность проблем союза рабочего класса с крестьянством, раскрываются общие закономерности и особенности этого сложного и многогранного процесса в важном и своеобразном регионе страны — Сибири.

В. В. Гришаев, П. Н. Мешалкин

В. П. Буторин. Просвещение рабочих Западной Сибири (1928—1933 гг.). Новосибирск, Наука, 1977.

О культуре Сибири периода строительства социализма написано немало научных работ. Заметный вклад в историографию проблемы внесли историки, филологи, искусствоведы. Теперь можно представить общую картину культурного строительства: разветвленные сети учреждений, формирование сибирской советской интеллигенции, становление и развитие общеобразовательной и специальной школы и т. д. Нельзя сказать, что историки культуры исчерпали все возможности на традиционных направлениях исследования культуры и культурной деятельности.

Однако в последние годы набирает силу новая тенденция в историографии культуры Сибири, которая, на наш взгляд, имеет долговременную перспективу. Речь идет о стремлении части сибирских культурологов изучать не вообще культурное строительство как широкую сферу деятельности государства и общества или отдельные институты культуры, а реализованную, бытующую в той или иной социальной среде культуру. Сегодня учеными-предшественниками, а может лучше сказать, — учеными-ветеранами созданы условия для более углубленных конкретно-исторических исследований. У автора рецензии нет намерения выстраивать направления исследования в какую-то лестницу по их значению; называть одни первостепенными, другие — нет. Несомненно, создание сети учреждений культуры, развитие средств массовой информации, выпуск учебников и программ и т. п. — это еще не совсем культура, а больше условия для ее развития. В. И. Ленин указывал, что «достигнутым надо считать то, что вошло в культуру, в быт, в привычки». Время несколько не убавило актуальность этой ленинской мысли. В ней концентрируется внимание на практических результатах культурной деятельности в обществе, на культуре не как некоем материальном и духовном потенциале, а на культуре живой, выраженной во всем образе жизни человека. В этом плане отрадно отметить, что сибирские историки вплотную подошли к решению задачи в соответствии с одним из важнейших ленинских методологических принципов.

Монография В. П. Буторина о культурном развитии сибирского отряда рабочего класса характеризуется прежде всего широким комплексом затрагиваемых проблем. Вопросы просвещения представлены в ней от ликбеза до втуза и аспирантуры; от «громкой читки» до театра, в книге показаны средства массовой информации и очаги

культуры, а сами рабочие рассматриваются как класс, который осуществляет свою диктатуру и активно влияет на народное просвещение, на духовную жизнь общества. Системный подход актуален и плодотворен в научном и практическом смысле, на такой подход нацеливают историка решения XXV съезда КПСС о комплексном методе воспитания и просвещения трудящихся, об изучении проблем совершенствования социального образа жизни.

Автор высказывает точку зрения, согласно которой исследователи не должны ограничиваться понятием «культурно-технический рост»: это понятие больше отражает то время, когда успехи просвещения связывались, главным образом, с подготовкой кадров, профессиональным обучением рабочих. Сейчас все острее становится нужда в исследованиях, которые широко, целостно раскрывают духовную жизнь, а поэтому, утверждает В. П. Буторин, нужно применять понятия, которые нацеливают исследователя на анализ качественных сторон просвещения и в целом культуры: «духовный мир», «культурное развитие», «просвещение».

В книге излагаются ленинские принципы коммунистического просвещения, приводятся высказывания А. В. Луначарского о сути пролетарского просвещения.

Принципы коммунистического просвещения не могли внедриться в жизнь легко и сразу, требовалось время и упорная работа. Глубочайший драматизм исторической ситуации состоял в том, что духовная гегемония рабочего класса на практике была ограничена, а иногда уродливо искажена унаследованными от прошлого реальными условиями жизни рабочих, их малым культурным опытом, необразованностью подавляющего большинства. Книга В. П. Буторина отражает сложную диалектику развития массового просвещения на рубеже 20—30-х годов, когда наряду с беспрецедентным ростом массовости наблюдалось известное снижение качества просвещения, когда подъем политической и профессиональной форм учебы нередко шел в ущерб формам общеобразовательным и гуманитарным, сопровождался снижением требований к нравственным и художественным компонентам образования, превалированием утилитарного начала в обучении, искаженным толкованием целей искусства, вульгарно-социологическим подходом к нему и т. д.

Участие трудящихся масс в организации просвещения — один из важнейших ленинских принципов руководства культурным строительством. Книга живо повествует об организации культпохода, характеризует формы и долю участия рабочих в нем. Особое внимание уделяется рабочим культконференциям, которые широкой волной захватывали трудящихся, будили их творческую инициативу.

Просвещение рабочих было в центре внимания партийной организации края, в книге показано, как обеспечивалось партийное руководство этим процессом. Коммунистов направляли во все звенья производства, создавались минимальные партгруппы, а где не было и такой возможности, там к бригадам прикреплялись члены партии из других производственных участков. Коммунисты были и агитаторами, и пропагандистами, культуполномоченными и культорганизаторами, на них лежала ответственность за воспитание рабочих во время труда и досуга.

Автор уделяет внимание и социально-психологической характеристике условий культурной работы. Так, рассматривая, например, движение рабкоров и деятельность «настоящцев», он говорит о том, что нельзя скинуть со счетов страстность, искренность их деятельности, что стимулировало все движение, привлекало к литературе разгрома «настоящцев». «Война» с Горьким и Луначарским, к которой примкнул Пролеткульт, — не случайное явление и не столь узкое, чтобы свести его к ошибкам «Настоящего» и Пролеткульта, она ярко отразила силу народной неприязни к сическому наследию.

В заключение автор еще раз останавливается на взаимосвязи различных форм и методов обучения и воспитания. Формы просвещения содержат специфическую цель (общее образование, политическая подготовка, профессиональная и т. д.) и общую — формирование коммунистического мировоззрения. Эти цели предполагают согласие общего и частного: чем полнее реализуется частное, тем эффективнее достигается общая и главная цель — коммунистическое воспитание. Реальные достижения социализма — мерило успехов просвещения рабочего класса и его участия в социалистическом воспитании народа.

Разумеется, даже небольшая по объему книга в различных своих разделах и главах не может не восприниматься по-разному. В. П. Буторину можно было бы высказывать и некоторые пожелания, советы, замечания. На наш взгляд, не полностью реализованной осталась заявка на комплексный подход к теме. В исследовании нашли отражение прежде всего руководство, организация и деятельности просветительных организаций, т. е. то, что объединяется понятием «культурное строительство». Между тем, не менее важно было бы проследить в историческом плане, как работа этих учреждений сказывалась на изменении взглядов, поведении людей. В этой связи представляется важным культурно-бытовой аспект исследований. Именно быт и, если брать шире, образ жизни людей является в конечном счете критерием культурного прогресса общества.

Однако не эти соображения определяют нашу оценку рецензируемой работы. Для нас, как и для читателя, она определяется прежде всего тем, что есть в книге, а не тем,

что могло бы или должно быть. Монография В. П. Буторина, рассматривающая культуру Сибири в социально-классовом разрезе, воспринимается как оперативная реакция на важные проблемы духовного развития рабочего класса и социалистической культуры сегодня.

Ю. М. Фролов

Е. А. Куклина. Вольная поэзия в Сибири, вторая половина XIX — начало XX в. Новосибирск, Наука, 1977.

«Вольная поэзия», под которой подразумеваются стихи русских поэтов, получивших распространение в нелегальной печати и в рукописях, хотя и неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, но до сих пор остается еще неизученной. Новая книга о распространении этой поэзии в Сибири — одно из свидетельств многогранности темы.

Сразу же хочется отметить исключительно трудоемкую работу автора по разысканию источников в многочисленных архивах и рукописных фондах, в различных поврежденных изданиях. И эти источники приведены в стройную систему, обобщены и осмыслены на уровне современного литературоведения. Е. А. Куклина придерживается историко-функционального метода, и нам он представляется единственно приемлемым в данном исследовании, пронизывающим из самой природы изучаемого предмета. Этот метод позволил автору воссоздать обстановку творческого бытования поэзии, охарактеризовать читательскую среду и, таким образом, изнутри углубить заключения историков о революционном умонастроении сибиряков, особенно на рубеже XIX — начала XX в., что выводит значение книги за чисто филологические рамки.

Книга состоит из отдельных разделов, неравноценных по своему объему, — от совсем коротеньких эссе до довольно обширных очерков. В ней нет принятых в монографических исследованиях экскурсов в историю вопроса (хотя эти вопросы совсем и не обходятся), что может вызвать ощущение некоторой неполноты, но это в замысле автора, стремящегося дополнить и обновить освещенное его предшественниками и по возможности сказать новое, добытое лично, сказать самое существенное. Это последнее призваны подчеркнуть и сами подзаголовки разделов: «Идеи преобразования Сибири в поэтическом творчестве Н. М. Ядринцева», «Поэтическое наследие народников на службе пролетарской революции», «Формы распространения „Марсельезы“ в Сибири» и др.

Самые большие разделы книги посвящены Н. А. Некрасову и Л. Н. Толстому. Надо полагать, отчасти потому, что до этого их наследство не рассматривалось специально в связи с читательской реакцией в Сибири, но главное — из-за той большой роли, какую сыграло их творчество в революционизировании сознания сибиряков. Что касается влияния Некрасова, то здесь объяснение, так сказать, лежит на «поверхности»: его творчество, развивающееся в русле революционно-демократической идеологии, оказалось в высшей мере созвучным идеям нового этапа освободительного движения. Автор приводит немало убедительных доводов в пользу этой преемственности. Правильное, на наш взгляд, объяснение находит Е. А. Куклина неслыханной популярности в Сибири публицистики Л. Н. Толстого, усматривая ее в том, что «многие идеи, высказанные писателем в 1900—1910 гг., были близки не только крестьянству, но и рабочей и солдатской массе, социал-демократической интеллигенции России того времени, что обусловило широкое использование целого ряда произведений писателя в революционной пропаганде» (с. 71).

Мало изученной страницей в истории сибирской литературы остается сатирическая журналистика — и как социально-политическое явление и как художественно-эстетическое. Затрудняет прежде всего отсутствие четкости в политической программе большинства сатирических журналов. И поэтому естественна та осторожность в оценках позиций журналов, которую проявляет исследователь. Сами же произведения, которые Е. А. Куклина выделила как литературу активного сатирического прицела, получили правильную оценку и интерпретацию.

В центре внимания автора функционирование «Вольной поэзии», пути и способы ее распространения в Сибири. Разумеется, было бы неправомерно требовать от автора ответа на все вопросы, вытекающие из темы. Некоторые из них только поставлены, другие лишь обозначены. Видимо, в последующих исследованиях проявится специальный интерес к жанровой структуре вольной поэзии, и она будет рассмотрена во всем общерусском объеме. В свою очередь, это неизбежно поведет к более углубленному уяснению критериев оценок эстетического восприятия. Автор, например, справедливо пишет: «Лучшие произведения поэтов-народников перешли на службу пролетариату, они были не только средством агитации, хотя в этом их главная опора в трудной борьбе — чали эстетическому чувству рабочих, были моральной опорой в какой мере это связано с эстетическим идеалом новой общественной силы — все эти вопросы не праздные» (с. 125).

но заключающие в себе посылки определенных художественных потребностей, объясняющих проблему распространения и функционирования.

Видимо, особого внимания требует проблема взаимодействия двух разновидностей словесного искусства, которая сформулирована Е. А. Куклиной так: «Две разновидности литературы: вольная поэзия, создаваемая представителями революционной интеллигенции, участниками освободительного движения в России, и устное творчество самодеятельных поэтов-рабочих — почти столетие развивались параллельно, оказывая взаимное влияние друг на друга. Лишь начиная с 90-х гг. XIX в. на третьем, пролетарском этапе борьбы они сливаются в один могучий поток» (с. 5).

Если эту проблему последовательно рассмотреть в плане художественно-эстетическом, то здесь найдут свое место и так называемые «перепевы», т. е. стихи, написанные как подражание какому-то литературному образцу (часто произведениям Некрасова). Они получили широкое распространение среди революционеров, особенно в годы движения разночинцев. В более позднее время, в период пролетарского движения массы подражаний в Сибири вызвала «Марсельеза», появились марсельезы «Крестьянская», «Шахтерская», «Солдатская», «Казачья», «Студенческая». По значению исследователя, «это, по существу, были новые произведения, в которых сохранялась только форма образца. Каждая из этих песен представляет собой оригинальный текст, выражающий задачи данного, конкретного участника революции — определенной социальной группы» (с. 129). Считать эти произведения явлением фольклорного порядка («утратив имя своего создателя, «Марсельеза» шла в ногу с революцией, приобретая характер фольклорного произведения», — пишет Е. А. Куклина), вряд ли правомерно. Это скорее плод литературного творчества. Но они важны в другом плане: это своеобразное «прочтение» первоначальных образов и закрепленных в них понятий людьми разных уровней общественного сознания, что важно для уяснения социальной психологии.

Все отмеченные вопросы являются свидетельством обширности самой проблемы исследования и возможности разных к ней подходов. В целом можно сказать, что «Вольная поэзия в Сибири», как часть общерусской культуры, изучение истоков которой, как справедливо указывается в книге, «поможет увидеть процесс постепенного формирования традиций, типичных и характерных черт, которые воспринимались и обогащались последующими поколениями» (с. 4). Поэзия, в которой звучал призывно революционный голос лучшей части русского общества, оказавшейся в изгнании, эта поэзия обрела в лице Е. А. Куклиной вдумчивого и опытного исследователя, и ее монография значительно обогатила наши представления о развитии прогрессивной литературы в Сибири.

Я. Р. Кошелев

Н. Н. Воробьева. Принцип историзма в изображении характера. Классическая традиция и советская литература. М., Наука, 1978. 254 с.

Проблема влияния русской классической и советской литературы на становление литератур народов СССР имеет большое значение не только для решения общетеоретических вопросов критического и социалистического реализма. Она является весьма актуальной и для истории и теории конкретных национальных литератур народов СССР, в том числе и народов Сибири.

Во многих исследованиях, когда речь заходит о литературах народов Сибири, подчеркивается резкий контраст между состоянием этих литератур до Великого Октября и после, говорится о скачке от неразвитого состояния литературного творчества дооктябрьского периода к высокому уровню искусства реализма современной эпохи.

Однако камнем преткновения в осмыслении указанного скачка и в раскрытии механизма ускоренного развития национальных литератур для многих литературоведов является постижение как раз скрытых внутренних факторов методологии и психологии художественного творчества, которые вырастали на основе интенсивного взаимообщения литератур народов Сибири с развитыми литературами и которые в конце концов при благоприятном влиянии реалистического искусства. Что касается общих положений о благотворном влиянии русской классической и советской литературы на развитие литературы ранее отсталых народов, то в этом недостатка не было и нет. Весь вопрос состоит в том, где и в чем конкретно проявилось это влияние и как происходил процесс усвоения национальными писателями богатейшего исторического опыта развития литературы.

Монография Н. Н. Воробьевой в этом отношении может служить примером правильного научного и научно-методологического подхода к решению подобного рода задач.

Из всех факторов, сыгравших огромную роль не только в судьбах самой русской литературы, но и в судьбах тех национальных литератур, которые перенимали ее великий опыт и традиции, автор рецензируемой монографии избирает главнейший, наиболее существенный, тот, без которого не могло бы реализоваться никакое ускорение, а имен-

но — принцип историзма в осмыслении и воспроизведении жизни вообще и изображении характера в частности. Речь идет о сложнейшем методологическом принципе, который требовал от любой литературы, а тем более от литератур, во многом зависимых от фольклора, его концепций, методов интерпретаций и способов поэтического обобщения и типизации (как бурятская, якутская, тувинская, алтайская и т. д.) органического синтеза достижений науки с искусством воплощения истории народа в художественных формах и характерах.

Под влиянием русских мастеров реализма и советских писателей, их методов работы с историческим материалом, их опыта решения диалектики взаимоотношений личности и народа, марксистского понимания решающей роли народных масс, глубокого проникновения в социальные причины исторических явлений многие зачинатели литературы народов Сибири (Х. Намсараев — в бурятской, П. Ойунский — в якутской, С. Тока — в тувинской, П. Кучияк — в алтайской) сумели не только подняться до уровня современного реализма, но и со всей силой убежденности отбросить националистические концепции истории своих народов, разоблачить фальшь прежних идеализаций «самобытной» жизни «инородцев», где якобы «полностью отсутствовал класс эксплуататоров», и в противовес этому правдиво показать в национальных учреждениях старой власти классовую, эксплуататорскую социальную сущность.

Анализируя историю развития реалистического искусства, Н. Н. Воробьева рассматривает проблему изображения характера в связи с развитием принципа историзма в русской литературе на трех этапах — возникновения реализма в творчестве Пушкина 20—30-х гг. XIX в., изображения характера в 20—30-е гг. XX в. в советской многонациональной литературе и в современной литературе 60—70-х гг. Отсюда и движение глав в книге: от полного исследования путем сравнительного анализа историзма Пушкина и его современника к выяснению творческого принципа нового метода в литературе социалистического реализма и показа в ней нового человека.

Обобщая процесс развития реалистической литературы и, в частности, реалистического характера, автор опирается на классическую формулу Ф. Энгельса из его письма к М. Гаркине (1888 г.): «... Реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах». Подлинно научная методология, положенная в основу работы Н. Н. Воробьевой, дала возможность вести анализ данной проблемы в историко-теоретическом плане. Это несомненное достоинство работы.

На наш взгляд, в монографии весьма удачно освещается вопрос о том, в каких аспектах продолжают традиции классической литературы, как они развиваются, обогащая ее опыт. Автор рассматривает особенности изображения национального характера в сибирской литературе, тенденции его развития в исторической перспективе. Совершенно правомерно говорится о необходимости «исторического, классового подхода к понятию национального характера» (с. 164).

Н. Н. Воробьева показывает, как взаимодействует национальная традиция с художественным опытом русской литературы и качественно новым историзмом советской литературы. Нельзя не согласиться с мыслью автора, что историзм в советскую эпоху обретает новое качество, он глубоко и неразрывно связан с марксистско-ленинской концепцией общественного развития, а это, в свою очередь, определяет тот факт, что художники теперь исследуют и осмысливают «общественные процессы времени, судьбы народа и отдельного человека с позиций материалистического, марксистского понимания истории» (с. 109). И аргументации этой мысли отведено в работе значительное место.

Весьма убедительно, с учетом социально-исторических и литературных закономерностей, Н. Н. Воробьева отмечает особенности изображения человека в условиях революционной эпохи. Исследователь глубоко раскрывает понятие «советский характер» как явление в историческом плане совершенно новое и закономерное в условиях сформировавшегося единства национального и интернационального в характере современного человека, гражданина СССР, к какой бы национальности он ни принадлежал.

Ясность цели, четкое определение задачи, продуманная композиция книги предопределили и отбор наиболее значимого, типологически ценного фактического материала. В этом исследовании любой историк национальных литератур народов СССР, в том числе и литератур народов Сибири, найдет немало нового и поучительного в методологии анализа и оценки художественных явлений, перекликающихся с фактами изучаемой конкретной литературы.

Монографию Н. Н. Воробьевой можно считать значительным успехом советского литературоведения. В книге впервые исследуются принцип историзма в изображении характера как основополагающий в художественной системе критического и социалистического реализма и соотносящийся с этой важной проблемой вопросы традиций и новаторства в современном литературном процессе. Осуществлено это на высоком научном уровне, с большим временным охватом и привлечением огромного фактического материала.

Т. В. Еречнев, В. Б. Бугаев

Особое значение для дальнейшего развития философской науки имеют исследования, направленные на изучение всего богатства категорий материалистической диалектики и их связей. Рецензируемая книга посвящена проблеме категориального статуса системы понятий вещь, свойство, отношение.

Исследование философского статуса понятий невозможно без соответствующего историко-философского рассмотрения. Поэтому вполне обоснованной представляется структура монографии, в первом разделе которой дан анализ процесса формирования и фактического функционирования в истории философии понятий вещь, свойство и отношение. Это, пожалуй, первая в советской философской литературе попытка систематического историко-философского исследования указанных категорий именно как системы философских понятий.

Историко-философский анализ осуществлен под углом зрения того, как решался вопрос о природе самостоятельного бытия вещи (субстратный, субстанциальный подходы и их совмещенные формы). Это позволяет, во-первых, показать, что то или иное решение проблемы взаимосвязи вещи, свойств и отношений неразрывно с основными положениями философских построений соответствующих исторических эпох, во-вторых, выявить ограниченность метафизических и идеалистических взглядов на природу вещи, свойства, отношения; в-третьих, установить, что совокупность понятий вещь, свойство, отношение образует ядро категориального аппарата, с помощью которого мыслители различных эпох пытались нарисовать философскую картину мира.

Второй раздел монографии посвящен диалектико-материалистическому рассмотрению исследуемой проблемы. Ключевым в решении проблемы «вещной» организации материального мира, в выяснении характера связи вещей, свойств и отношений является вопрос о том, как понимать природу материальной вещи. Автору, на наш взгляд, удалось последовательно провести идею, согласно которой движущаяся материя именно в силу своей диалектической природы объективно самоорганизована как система вещей. При этом под вещью понимается любой фрагмент материальной действительности, объективно выделенный как определенная реальность.

Содержание понятий отношение и свойство анализируется в контексте выяснения соотношения этих категорий с близкими им понятиями взаимодействия, связи, качества. А. Я. Райбекас приходит к выводу, что всякое материальное отношение есть объективный момент бытия вещи, обнаруживающий себя в форме диалектического противоречия. Этим определяется всеобщий статус понятия отношения и его место в ряду понятий, отображающих движение. Категория свойства также есть всеобщее понятие, отображающее определенность вещи в ее пребывании и изменении. С одной стороны, свойство принадлежит вещи и обнаруживает себя в ее качестве, с другой стороны, оно характеризует изменение определенности вещи. Свойство, таким образом, принадлежит и вещи, и отношению. Такая трактовка намечает путь решения проблемы взаимопереходов вещей, свойств и отношений.

В обосновании объективной организации реального мира как системы вещей автор обращается к исследованию системного характера бытия самих вещей. Показано, что системность вещи есть объективное выражение ее субстанциальности, проявляющейся в диалектическом единстве вещи, ее свойств и отношений к другим вещам. Системность отдельной вещи возможна лишь при наличии системы иных вещей. Материальный мир системно организован как мир вещей благодаря самому способу своего существования — движению.

Невозможно в короткой рецензии остановиться на всех вопросах, поднятых в книге. Поэтому отметим лишь некоторые выводы, представляющие особый интерес. Принципиальное значение для понимания природы свойства, диалектики связи вещей, свойств и отношений имеет положение, согласно которому условия генезиса основания вещи есть вместе с тем и условия ее существования. Это означает, что порождение сущности новой вещи есть вместе с тем процесс порождения существенных свойств вещи. Другими словами, свойства вещей не только проявляются, но и порождаются в определенных генетических для возникающей вещи материальных отношениях вещей. В этом заключается одно из существенных проявлений субстанциальной природы материальной природы вещи как самовоспроизводящейся системы. А. Я. Райбекас обстоятельно рассматривает динамику функционирования и развития реальной вещи.

Выявление объективной самоорганизации движущейся материи как системы вещей позволяет обосновать роль и значение системы понятий вещь — свойство — отношение в познании мира. В монографии рассматривается диалектика процесса познания мира вещей, в соответствии с которой вещь одновременно выступает как объект и как предмет познания; выделяются гносеологические функции системы понятий вещь — свойство — отношение, к которым автор относит функцию обеспечения концептуального единства знания, регулятивную и организующую.

Естественно, что в работе, посвященной столь сложной и многогранной теме, не все удалось в равной мере. Более обширной могла бы быть критика современной буржуазной философии, хотя автор и ограничивает свою задачу лишь выяснением ее основных тенденций. Целесообразно ввести специальный раздел, посвященный простран-

ственно-временной структуре системной организации вещи. Гносеологические функции системы данных понятий рассмотрены довольно лаконично.

Все это, однако, не умаляет основных достоинств рецензируемой книги, которая представляет в целом весьма содержательный и глубокий анализ философского статуса системы некоторых понятий, обосновывает новые интересные возможности в исследовании принципов категориального развертывания диалектического материализма как философской теории.

И. И. Матвеев, В. И. Жарков

ПО ПОВОДУ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ¹

«Известиях Сибирского отделения Академии наук СССР»² опубликована статья Б. П. Орлова на указанную в заголовке тему. Вопрос, поднятый в статье, представляет большой научный интерес, так как автор впервые в нашей специальной литературе поставил важную и весьма актуальную задачу: дать подробный анализ экономического развития Сибири.

По словам Б. П. Орлова, «цели ретроспективного анализа экономического развития состоят в установлении его закономерностей и отклонений от них в прошлом, в определении и ранжировании его факторов и прогнозировании на этой основе вероятного воздействия явлений прошлого на предстоящий экономический рост»³. При этом автор рекомендует проводить сложный и многообразный процесс ретроспективного анализа на основе диалектического принципа историзма, и в этом отношении ссылку на ленинское толкование этого принципа и его широкое применение в данном случае нельзя иначе рассматривать, как важнейшую методологическую основу всего аналитического процесса. Но в конечном счете при всех указанных признаках и особенностях ретроспективного анализа это обстоятельство необходимым образом логически и закономерно вызывает еще один характернейший и совершенно понятный признак всего аналитического процесса, а именно то, что он при всех случаях приобретает историко-экономический характер, и это вполне закономерно для самого существа и природы аналитической работы исследователя.

Автор достаточно глубоко и последовательно показал в своей работе все те разнообразные трудности и многочисленные препятствия, с которыми приходится сталкиваться исследователю при изучении путей экономического роста (диспропорции, дефицит ресурсов, недостаток знаний и др.), «преодоление которых требует значительного времени, инвестиционных и трудовых затрат» (с. 80). Кроме того, на результаты ретроспективного анализа оказывают решающее влияние не только экономические факторы, но кроме них, действуют также силы внеэкономического характера: погодные условия, общественная и индивидуальная психология, войны, стихийные бедствия, внешнеполитические ситуации и другие.

Как измерить и учесть силу их воздействия на экономическую жизнь, на экономический прогресс? Трудно согласиться с автором, который считает, что о степени влияния этих факторов «можно судить весьма приблизительно (на основе интуитивных представлений и профессиональной компетенции)» (с. 83). В любой науке всякого рода «приблизительные» и особенно «интуитивные» показатели — очень плохие помощники, а в любой научно-исследовательской работе, там, где требуется четкость, ясность, предельная конкретность той или иной ситуации, — в особенности.

Исключительно важное значение для ретроспективного анализа, как нам представляется, имеет определение основного измерителя экономического роста данной страны. Автор уделяет этому вопросу достаточное внимание. Можно без преувеличения сказать, что это один из важнейших сводных показателей в системе ретроспективного анализа хозяйства за определенный период его экономической истории. Что можно рекомендовать в качестве основного, наиболее характерного показателя роста экономики страны в исследуемую стадию ее развития?

Б. П. Орлов пишет: «В качестве основного измерителя экономического роста той или иной страны обычно применяется национальный доход. Это правомерно, так как, во-первых, движение национального дохода отражает динамику важнейших факторов экономического роста — численности занятого в производстве персонала и производительности его труда. Во-вторых, национальный доход характеризует конечный результат (подчеркнуто нами. — С. К.) производственной деятельности общества, а следовательно, его социальные и хозяйственные возможности» (с. 83). Есть, конечно, и в этом вопросе

¹ Заметка печатается с некоторым сокращением (Ред.).

² См.: Изв. Сиб. отд. АН СССР, 1977, № 11. Сер. общ. наук, вып. 3, с. 79—88.

³ Там же, с. 79. В дальнейшем ссылки на данную публикацию даются в тексте.

свои трудности, в частности, указанный показатель не отражает движение такого чрезвычайно важного фактора экономического роста, как основные производственные фонды; в этих случаях нельзя использовать в качестве важного показателя роста чистую продукцию данного района, так как обычно она не регистрируется официальной статистикой, и т. д.

Автор убедительно показывает, какие конкретные формы и пути ретроспективного анализа следует практиковать в отдельных районах Западной и Восточной Сибири, в районах нового освоения, при изучении динамики населения, трудовых ресурсов и т. д. Все это вызывает различные формы и методы ретроспективного анализа.

Но как разнообразны и сложны не были бы эти формы, стремление к обобщенным показателям анализа не должно занимать второстепенного места в работе исследователя, в том числе и относительно отдельных небольших районов, прежде всего новых районов, экономический рост которых в границах Сибири представляет особый интерес.

В статье Б. П. Орлова, можно сказать, впервые в историко-экономической литературе дана развернутая и в достаточной степени подробная аналитическая программа ретроспективного анализа экономического развития Сибири. Программа эта в виде специального доклада была заслушана на методологическом семинаре в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР в феврале 1977 г. Автор проделал большую творческую работу, собрал и обработал колоссальный по своим масштабам и аналитическому размаху материал, достойный самого пристального, глубокого изучения, преодолевая при этом значительные трудности, совершенно понятные, когда ученый в поисках научной истины идет непроторенными путями к достижению поставленной цели. Нам представляется вполне необходимой задача организации специальной конференции или совещания в Новосибирске, на котором были бы обсуждены принципиальные положения ретроспективного анализа экономического развития Сибири и приняты решения по имеющимся опубликованным работам.

С. И. Крандиевский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В вашем журнале опубликована статья И. В. Мырмина «География. Проблемы развития методологии науки и перестройки ее преподавания»¹. Профиль журнала исключает обсуждение на его страницах дискуссионных вопросов предмета, политико-экономических и философских основ системы географических наук. Поэтому я ограничиваюсь только одной фактической поправкой к статье И. В. Мырмина. В ней сказано, что в книге Б. Н. Семевского «Введение в экономическую географию» и в сборнике статей «Теоретические вопросы географии» под редакцией Б. Н. Семевского «Экономическая география по-прежнему рассматривается как политико-экономическая категория»². Это не соответствует действительности. Приведем высказывания Б. Н. Семевского, которыми исчерпывающе раскрывается ошибка И. В. Мырмина. Б. Н. Семевский писал: «...как физическая, так и экономическая география являются географическими науками». Далее идет важная постановка вопроса и исчерпывающий на него ответ Б. Н. Семевского: «...не является ли экономическая география частью или ветвью политической экономии? На этот вопрос можно дать только отрицательный ответ». В обоснование этого ответа сказано: «...речь идет о взаимосвязи экономической географии с политической экономией, а не о растворении в ней»³. Эти положения повторены Б. Н. Семевским в новом издании «Введения в экономическую географию» в 1976 г. (с. 67). В книге «Теоретические вопросы экономической географии», на которую ссылается И. В. Мырмин, Б. Н. Семевский писал: «...экономическая география — общественная наука, входящая в систему географических наук...»⁴. На симпозиуме в Риге в октябре 1973 г. Б. Н. Семевский пропагандирует ту же идею: «Место экономической географии в системе географических наук определяется тем, что она является одновременно и общественной и географической наукой»⁵.

Итак, непереложные факты свидетельствуют о необоснованности утверждения о том, будто бы Б. Н. Семевский считал экономическую географию как бы конкретной политической экономией.

М. И. Альбрт

ПАМЯТИ
ЕКАТЕРИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ПРОКОФЬЕВОЙ

18 апреля 1978 г. ушла из жизни Екатерина Дмитриевна Прокофьева, старейший советский сибиревед-этнограф.

Екатерина Дмитриевна родилась 8 (21) ноября 1902 г. в Петербурге в семье служащего. В 1919 г. она успешно закончила гимназию и первые пять лет работала помощником библиографа в Гидрологическом институте. Летом 1920 и 1921 гг. в качестве научно-технического сотрудника принимала участие в работах Олонекской научной экспедиции, занимаясь сбором ботанических, энтомологических и геологических коллекций, педиции, занимаясь сбором ботанических, энтомологических и геологических коллекций, производила метеонаблюдения и т. д. Интерес к природе привел ее в 1921 г. в Географический институт (позднее — географический факультет ЛГУ) на этнографическое отделение, которое она и закончила в июне 1925 г. как этнограф-лингвист, специалист по селкупам и селкупскому языку. Е. Д. Прокофьева вместе с другими учениками основателей ленинградской этнографической школы Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза принадлежала к той блестящей плеяде молодых советских этнографов, которые после окончания университета ехали в неизведанные края, жили среди изучаемого населения, работая учителями, участвуя в создании и пропаганде письменности для этих народов. Они несли с собой знания, новую культуру, утверждали новый быт.

Уже в июле того же 1925 г. Е. Д. Прокофьева вместе со своим мужем Г. Н. Прокофьевым выехала в Туруханский край, где они работали в качестве учителей в туземной школе первой ступени в Яновом стане, собирали материалы по языку и этнографии селкунов.

С 1929 г. по март 1931 г. Е. Д. Прокофьева находилась в экспедиции в Большеземельской тундре, где на культбазе Хоседа Хард работала помощником краеведа, заведующей детским домом, заведующей пунктом по ликвидации неграмотности, участвовала в работе Комитета нового алфавита. В 1932—1938 гг. преподавала селкупский язык и являлась младшим научным сотрудником Института народов Севера в Ленин-

¹ Изв. Сиб. отд. АН СССР, 1977, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1.

² Там же, с. 152.

³ Семевский Б. Н. Введение в экономическую географию. Л., ЛГУ, 1973, с. 66—67.

⁴ Теоретические вопросы экономической географии. Ред. Б. Н. Семевский. Л., ЛГУ, 1973, с. 19.

⁵ Семевский Б. Н. Место экономической географии в системе наук. — В кн.: Теоретическая география. Материалы симпозиума по теоретическим проблемам географии. Рига, 1973, с. 40.

граде. Для этого периода деятельности Е. Д. Прокофьевой характерна особенно тесная связь с практической работой по созданию письменности селькупов и учебных пособий на их языке. С 1932 г. она начинает работать над составлением алфавита и переводить литературу для селькупов и в том же году создает селькупский букварь, в 1933 г. — учебники арифметики соответственно для 1 и 2 годов обучения, в 1935 и 1936 гг. — книги для чтения на селькупском языке для 1 и 2 годов обучения, в 1937 г. — букварь для селькупских школ на русском языке и т. д. В 30-е годы Е. Д. Прокофьева подготовила для печати монографию по селькупскому фольклору, которая, к сожалению, пропала в годы блокады (сохранились только отдельные главы). В эти же годы Е. Д. Прокофьева принимала самое деятельное участие во всех работах мужа, помогая ему в разработке и подготовке к печати собранных ими у селькупов этнографических и лингвистических материалов.

Во время войны Е. Д. Прокофьева была эвакуирована в Казань. После возвращения в Ленинград с декабря 1944 г. она вновь в штате Института этнографии АН СССР.

В послевоенные годы Е. Д. Прокофьева выросла в крупнейшего специалиста по этнографии селькупов и ненцев. Она соавтор капитальных обобщающих трудов «Народы Сибири» (М. — Л., 1956) из 18-томной серии «Народы мира» и «Историко-этнографического атласа Сибири» (М. — Л., 1961). Осталась неопубликованной и хранится в архиве Института подготовленная для этого же атласа тема «Шаманские костюмы и головные уборы народов Сибири». К числу фундаментальных работ Е. Д. Прокофьевой следует отнести «К вопросу о социальной организации селькупов. Род и фратрия» (Труды ИЭ, т. XVIII, М. — Л., 1952), статьи по религиозным представлениям, в частности шаманизму, у селькупов и ненцев (Сборники МАЭ, тт. XI, XIII, XIV, XX, XXXIII).

Е. Д. Прокофьева была пионером этнографического изучения Тувы, совершив туда в первой половине 50-х годов три экспедиции. Она работала над актуальной тематикой, изучая этнографическую современность. Среди ее опубликованных работ — «Социалистическое строительство в Тодже» (Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории, вып. 2, 1954), среди неопубликованных — «Процесс национальной консолидации тувинцев».

Е. Д. Прокофьева всегда щедро делилась своими знаниями как со студентами, так и с молодыми сотрудниками института. Она преподавала на северном факультете ЛГУ им. А. А. Жданова. Автор этих строк с благодарностью вспоминает о своей работе под ее руководством во время экспедиции к селькупам Красноселькупского района в 1962 г.

Воспитанница ленинградской этнографической школы, Екатерина Дмитриевна была блестящим полевиком. Ее довоенные поездки, стационарная многолетняя работа у селькупов вызывают восхищение. Ее прекрасно знали во всех селькупских районах, она свободно общалась со своими информаторами, со многими из них ее связывала многолетняя дружба. После войны она совершила экспедиции: в 1952 и 1953 гг. — в Туву, в 1954 г. — в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа, в 1955 г. — опять в Туву, в 1962 г. — в Красноселькупский район. Она была готова ездить больше и чаще. Собранный ею материал — ценнейший этнографический источник для будущих поколений.

После выхода на пенсию в мае 1964 г. Е. Д. Прокофьева продолжала много, интенсивно, плодотворно трудиться, сотрудничая с коллективом сектора Сибири, в котором прежде работала двадцать лет. В этот период ею опубликован ряд интересных работ. В том числе статья «Старые представления селькупов о мире». (В книге «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. 2-я половина XIX — начало XX в.», Л., 1976); она кропотливо собирала последние материалы для подготовленного ею селькупско-русского словаря. Такую работу во всем мире могла завершить только она, крупнейший знаток языка и этнографии этого маленького народа, и, к сожалению, она не успела ее опубликовать, как не успела завершить монографию о селькупках, создание которой она всегда считала своим долгом перед памятью мужа Г. Н. Прокофьева, перед селькупками.

Е. Д. Прокофьева — член КПСС с мая 1952 г. Она принимала активное участие в общественной жизни коллектива, неоднократно была членом местного и партбюро института, в 1950 и 1953 гг. дважды избиралась депутатом Василеостровского районного Совета депутатов трудящихся Ленинграда. Чуткая к людям, она пользовалась уважением в коллективе. Е. Д. Прокофьева награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «В память 250-летия Ленинграда».

Архив Е. Д. Прокофьевой сосредоточен сейчас в ленинградской части института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Здесь хранятся ее полевые дневники, многочисленные статьи, заметки, материалы и, наконец, словарь. Целый ряд ее работ уникален, и издание их будет лучшей данью памяти замечательного энтузиаста-исследователя этнографии народов Сибири — Екатерины Дмитриевны Прокофьевой.

А. М. Решетов

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 11, вып. 3

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1979

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В 1979 Г.

ЭКОНОМИКА

- Алферов В. М., Бородкин Ф. М. О системе основных моделей для прогнозирования развития села. — № 1, вып. 1.
- Бандман М. К., Малиновская М. А. Саянский территориально-производственный комплекс. — № 6, вып. 2.
- Баранова Т. Б. Основные показатели развития промышленности Сибири в седьмой — девятой пятилетках. — № 1, вып. 1.
- Бора Д. Стадии развития промышленной системы Будапешта. — № 1, вып. 1.
- Бостанджян В. Б., Мкртчян Г. М. Системное моделирование процесса реализации программы развития региона. — № 1, вып. 1.
- Бурматова О. П. Учет требований охраны окружающей среды при оптимизации пространственной структуры ТПК. — № 1, вып. 1.
- Гранберг А. Г., Рубинштейн А. Г. Некоторые направления развития межрегиональной модели мировой экономики. — № 1, вып. 1.
- Гуков В. П., Беляев А. А. Второй этап формирования Братско-Усть-Илимского ТПК. — № 1, вып. 1.
- Гуков В. П., Кайгородцев А. Н. Предпосылки и условия формирования Верхнеленского ТПК. — № 11, вып. 3.
- Евсеев А. В., Орлов Б. Н. О ретроспективном исследовании при построении региональных экономических программ. — № 11, вып. 3.
- Казанцев С. В. Связь общественной производительности труда с его фондовооруженностью. — № 1, вып. 1.
- Корицкий А. В. Платежи за рабочую силу и ее экономическая оценка. — № 11, вып. 3.
- Левицкий Е. М., Бондаренко Н. А. Построение и использование адаптивных эконометрических моделей. — № 6, вып. 2.
- Легкоступ Л. И., Суслова О. А., Тимошевская А. Д. Использование межотраслевых балансов в анализе воспроизводственных пропорций экономики Сибири. — № 11, вып. 3.
- Лугачева Л. И. О совершенствовании отражения фондообразования в динамических межотраслевых моделях. — № 11, вып. 3.
- Максимов Ю. И. Моделирование развития отраслевых систем топливно-энергетического комплекса. — № 6, вып. 2.
- Малиновская М. А. Вариантные расчеты пространственной структуры Саянского ТПК. — № 1, вып. 1.
- Малыхин В. В. Статистический анализ структуры личного потребления. — № 1, вып. 1.
- Мелентьев Б. В. Построение упрощенного финансово-экономического баланса народного хозяйства на основе межотраслевых моделей. — № 6, вып. 2.
- Меркулова О. Н., Старовойтов С. Н. Об экономической оценке нефти. — № 1, вып. 1.
- Мищенко В. В. Вопросы формирования и стабилизации рабочих кадров в строительстве. — № 6, вып. 2.
- Перминов С. Б. Материальное стимулирование и согласование интересов работников предприятия. — № 6, вып. 2.
- Прэш К. М. Ж. Индустриально-портовый комплекс ФОС. — № 1, вып. 1.
- Рывкина Р. В., Суховский М. Л. Опыт типологического анализа материального потребления (на примере сибирской деревни). — № 11, вып. 3.
- Рыженков А. В. К анализу динамики структуры личного потребления (на материалах Австрии). — № 6, вып. 2.
- Смирнов В. Д. О составе себестоимости продукции (на примере сельскохозяйственного производства). — № 6, вып. 2.
- Тараканов М. А., Фильшин Г. И. Развитие промышленности Ангаро-Енисейского региона и совершенствование ее производственной структуры. — № 11, вып. 3.
- Тарасов А. В. Изменение территориальных пропорций промышленного производства Сибири в 1961—1975 гг. — № 6, вып. 2.
- Третьякова Э. Г. Срок службы машин и межотраслевое распределение ресурсов (на примере тракторостроения). — № 11, вып. 3.

- Фаградян Т. А. Об одном подходе к прогнозированию сельскохозяйственного производства региона.— № 1, вып. 1.
 Фишзон В. М. Структура и экономическая сущность основных и оборотных средств.— № 11, вып. 3.
 Шишкина Л. В. Вопросы горизонтальных связей сопряженных производств в регионе.— № 11, вып. 3.
 Шраго А. И. Вопросы методики оценки научно-технического потенциала предприятия (на примере машиностроения Сибири).— № 6, вып. 2.

ИСТОРИЯ

- Алексеев В. В., Макиевский Г. М. Рабочие Сибири в период строительства развитого социализма (некоторые проблемы методологии).— № 11, вып. 3.
 Букин С. С. Повышение реальных доходов рабочих Западной Сибири в послевоенный период (1946—1958 гг.).— № 6, вып. 2.
 Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны.— № 11, вып. 3.
 Гребенкин Н. А. Создание и деятельность партийных школ и курсов при политорганах Красной Армии в Сибири (1919—1920 гг.).— № 1, вып. 1.
 Губайдулин В. М., Егоров К. А. Организация демократической власти в освобожденных районах Китая в период антияпонской войны 1937—1945 гг. (на материалах Потреничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся).— № 1, вып. 1.
 Гушин Н. Я. Проблемы историографии массового освоения целинных земель Сибири.— № 11, вып. 3.
 Лебедев В. Г. Роль особой военной экспедиции 5-й армии в ликвидации антисоветских заговоров в Якутии.— № 11, вып. 3.
 Московский А. С. Из истории становления перспективного планирования в Сибири. (К 50-летию первого пятилетнего плана развития народного хозяйства).— № 11, вып. 3.
 Познанский В. С. Подвиг сибирских красных партизан. (К 60-летию освобождения Сибири от колчаковщины).— № 11, вып. 3.
 Федоров М. Г. Н. Г. Чернышевский и современность.— № 1, вып. 1.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Инцест в фольклоре орочей и классификационная система родства.— № 1, вып. 1.
 Бутин Ю. М. Периодизация истории Древнего Чосона.— № 1, вып. 1.
 Васильевский Р. С. Некоторые проблемы современной японской археологии.— № 1, вып. 1.
 Георгиевская Г. М. Предметы искусства из неолитических погребений могильника Усть-Белая.— № 6, вып. 2.
 Гладили А. В. Бадарма I — памятник железного века.— № 1, вып. 1.
 Кызласов Л. Р. Курганы тюркоязычных племен Северной Тувы IX—X вв.— № 1, вып. 1.
 Ларичева И. П. К проблеме происхождения индейцев. (Краткий обзор теорий).— № 1, вып. 1.
 Окладников А. П. Археологические коллекции Л. Я. Штернберга с Нижнего Амура.— № 6, вып. 2.
 Орлова Л. А. Радиоуглеродный возраст ископаемых остатков мамонта на территории СССР.— № 6, вып. 2.
 Пиков Г. Г. Некоторые вопросы государственного устройства Западной Ляо.— № 1, вып. 1.
 Холушкин Ю. П. К проблеме корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири.— № 1, вып. 1.
 Хороших П. П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки.— № 6, вып. 2.

ФИЛОЛОГИЯ

- Бондаренко И. В. Категория субъекта в полипредикативных конструкциях со специфическими инфинитивными единицами.— № 11, вып. 3.
 Бродская Л. М. Об употреблении относительных слов в сложноподчиненном предложении в эвенкийском языке.— № 11, вып. 3.
 Вернер Г. К. О термине «тонз» в применении к кетскому языку.— № 11, вып. 3.
 Волкова В. Н. Проблемы и структура современного сибирского книгознания.— № 11, вып. 3.
 Гимпель С. И. Трилогия А. Л. Коптелова о В. И. Ленине.— № 11, вып. 3.
 Рудяк С. И. Указательные местоимения как средство коррелятивного указания в сложноподчиненном предложении.— № 11, вып. 3.
 Тамбовцев Ю. А. Распределение гласных фонем в звуковых последовательностях мансийского языка (на материале поэзии).— № 11, вып. 3.
 Фоменко Ю. В. К вопросу о единице языка.— № 11, вып. 3.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Ануфриев Ю. Е. Религиозные взгляды веховцев и современная идеологическая борьба.— № 6, вып. 2.
 Константиновский Д. Л., Костюк В. Г., Траскунова М. М. Социально-профессиональные ориентации молодежи Сибири (региональный аспект).— № 6, вып. 2.
 Чусовитин А. Г. Активность отражения.— № 6, вып. 2.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

- Дубнов А. П., Сухоруков Ф. В. Междисциплинарный комплекс научных исследований СО АН СССР.— № 11, вып. 3.
 Кин А. А. Координация исследований проблем строительства и хозяйственного освоения зоны БАМа.— № 11, вып. 3.
 Молотков И. А. Учебно-научно-воспитательный комплекс.— № 11, вып. 3.
 Резун Д. Я. Крестьянское зодчество Нижнего Илимма (на материалах д. Коробейниково).— № 11, вып. 3.
 Сигалов М. Р. Ленская железная дорога: цели, варианты сооружения.— № 11, вып. 3.
 Ярошенко А. Ф. Мобилизация хозяйства Дальнего Востока на нужды обороны (1941—1945 гг.).— № 6, вып. 2.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев В. В. Ю. И. Романов. Осуществление ленинских идей электрификации в Казахстане.— № 6, вып. 2.
 Алексеева В. К. Б. В. Иванов. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны.— № 6, вып. 2.
 Баталов А. В. Т. Агалаков. Советские Сибири. 1917—1918 гг.— № 11, вып. 3.
 Винокур А. А. Т. Москаленко. Идеология и деятельность христианских сект.— № 1, вып. 1.
 Гришаев В. В., Мешалкин П. Н. Н. Я. Гушин, Ю. В. Журов, Л. И. Боженко. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.).— № 11, вып. 3.
 Гушин Н. Я. Л. И. Боженко. Сибирская деревня в восстановительный период (1921—1925 гг.).— № 6, вып. 2.
 Еречнева Т. В., Бугдаев В. Б. Н. Н. Воробьева. Принцип историзма в изображении характера. Классическая традиция и советская литература.— № 11, вып. 2.
 Кошелев Я. Р. Е. А. Кукулина. Вольная поэзия в Сибири, вторая половина XIX — начало XX в.— № 11, вып. 3.
 Крадиневский С. И. По поводу ретроспективного анализа экономического развития Сибири.— № 11, вып. 3.
 Курсков Ю. В. История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.).— № 6, вып. 7.
 Матвеев И. И., Жарков В. И. А. Я. Райбекас. Вещь, свойство, отношение как философские категории.— № 11, вып. 3.
 Познанский В. С. Удачное начало большого дела.— № 1, вып. 1.
 Рабинович Г. Х. И. И. Мосина. Формирование буржуазии в политическую силу Сибири.— № 11, вып. 3.
 Самосудов В. М., Худяков В. Н. Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.).— № 11, вып. 3.
 Сноу Р. Е. Л. М. Горюшкин. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.).— № 6, вып. 2.
 Томас Л. Ссылка и каторга в Сибири XVIII — начала XX в.— № 6, вып. 2.
 Фаркас А. А. П. Окладников. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к Русскому государству (на англ. яз.).— № 6, вып. 2.
 Фриз Ф. А. П. Окладников. Центральноазиатский очаг первобытного искусства.— № 6, вып. 2.
 Фролов Ю. М. В. П. Буторин. Просвещение рабочих Западной Сибири (1928—1933 гг.).
 Шром Ф. Н. Я. Гушин. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие Сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства 1926—1937 гг.).— № 6, вып. 2.

ХРОНИКА

- Берлянд Е. Л., Радченко В. В. IV семинар по проблемам планирования и управления экономическими целенаправленными системами.— № 6, вып. 2.
 Бочанова Г. А. Актуальные проблемы истории рабочего класса России в дооктябрьский период.— № 6, вып. 2.
 Елисеев Е. П. Сибирь в Великой Отечественной войне. (Материалы конференции...).— № 1, вып. 1.
 Альбрет М. И. Письмо в редакцию.— № 11, вып. 3.
 Памяти Екатерины Дмитриевны Прокофьевой.— № 11, вып. 3.

Известия Сибирского отделения АН СССР

Главный редактор журнала чл.-кор. АН СССР *М. Ф. Жуков*

Заместитель главного редактора д-р техн. наук *В. Г. Дулов*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Ответственный редактор серии акад. *А. П. Окладников*

Д-р эконом. наук *К. А. Багриновский*, д-р филос. наук *В. И. Бойко*,
д-р ист. наук *Л. М. Горюшкин*, д-р ист. наук *Н. Я. Гуцин*, чл.-кор.
А. П. Деревянко, д-р ист. наук *В. Е. Ларичев* (отв. секретарь серии),
канд. эконом. наук *Е. Д. Калинин*, д-р ист. наук *А. С. Московский*, д-р
эконом. наук *Б. П. Орлов* (зам. ответственного редактора), канд. филос.
наук *О. С. Разумовский*, канд. ист. наук *Р. С. Русаков* (зам. ответствен-
ного редактора), д-р филос. наук *Е. И. Убрятова*, д-р филос. наук
А. И. Федоров.

Адрес редакции: 630099, Новосибирск, 99, ул. Советская, 18, комн. 331,
тел. 22-00-44.

Редактор *И. Н. Стригун*

Художественный редактор *Э. С. Филонычева*

Технический редактор *А. В. Сурганова*

Корректор *Н. И. Горбулицкая*

Сдано в набор 27.06.79. Подписано к печати 25.09.79. МН-04285. Формат 70×108¹/₁₆. Высокая печать.
Усл. печ. л. 16.8. Уч.-изд. л. 16.8. Тираж 1726 экз. Заказ № 579.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

Цена 70 коп.

Индекс 70386

W